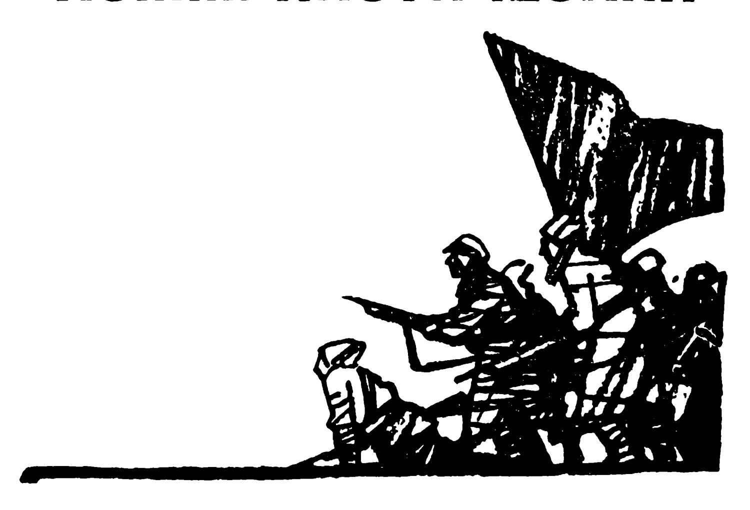

П. ХИЖНЯК
ОСОБЫЙ
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ

П. ХИЖНЯК

ОСОБЫЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ

Литературная запись
З. БИЛЕНКО

Перевод с украинского
А. БЕЛАНОВСКОГО

Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
1963

3КСМ1
Х43

К МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Мне выпало счастье дожить до наших светлых дней, когда советский народ, руководимый мудрой ленинской партией, строит коммунизм.

Радостно ощущать, что в великой стройке нашего прекрасного сегодня есть кирпичи, положенные молодыми руками первых комсомольцев. В заревах комсомольских домен видятся отблески костров, согревавших юных бойцов на привалах между боями за власть Советов. Буйными урожаями цветет колхозная земля, орошенная в те далекие годы горячей кровью молодых воинов. В сегодняшних песнях бригад коммунистического труда слышатся отзвуки боевого марша, с которым «уходили комсомольцы на гражданскую войну».

И мне захотелось рассказать вам, мои юные друзья, о молодости первого поколения комсомольцев, о тех незабываемых годах, когда сельские парни и девчата оставляли свои дома и по зову большевиков шли завоевывать лучшую долю своему народу. Голодные и босые, мы были богаты светлой мечтой и ленинской верой в счастливое будущее.

В этой книге нет ничего вымышленного. Это документальная повесть. Все события описаны так, как они происходили, все действующие лица выступают под своими собственными именами и фамилиями.

Странички своих воспоминаний я посвящаю молодежи нашей страны, которая в этом году будет отмечать сорокапятилетие славного комсомола.

П. Хижняк

РЕВОЛЮЦИЯ ИДЕТ...

НИКОЛАЕВКА

Мне не везло — по старым временам — с первого дня жизни: я родился в 1902 году, в мае, а незадолго перед этим в нашем селе Николаевка Новомосковского уезда Екатеринославской губернии закончили наделять землей крестьян.

— Несчастненький, — сочувствующе покачивая головами, говорили соседки, заходившие навестить мою мать Меланью Иосифовну.

Теперь в нашей семье стало уже семь душ, а земельный надел — только на троих: на отца и на двух моих братьев — Ивана и Михаила. На женщин земли совсем не давали. Я тоже не имел права на землю, так как родился уже после ее раздела.

Таких малоземельных крестьян, как мой отец, в Николаевке было большинство. На 10 150 жителей села приходилось около 9 тысяч десятин земли. Между тем князь Урусов имел вокруг Николаевки и в Котовке около 50 тысяч десятин. На восток от Николаевки простирались владения одного из крупнейших помещиков царской России, Родзянко, которого В. И. Ленин назвал «доверенным Столыпина-вешателя».

Во время пресловутой столыпинской реформы сельские богатеи скупали за бесценок земельные наделы у бедноты, которой нечем было обрабатывать свои поля.

Продав землю или сдав ее в аренду, многие бедняки Николаевки, в том числе и мой отец Кирилл Степанович, уходили на заработки в Таврию, в Екатеринослав, в Камянское. Вот там, в Камянском, на металлургическом заводе отцу искалечило руку.

Пришлось идти батраком к помещику Канкрину. Платили отцу три рубля «за срок от Юрия до покрова». Это получалось по пятьдесят копеек в месяц. Правда, жил он на «хозяйских харчах», как назывались объедки с панского стола.

Когда нам исполнялось по восемь-девять лет, нас тоже отдавали внаймы, и уже с малых лет мы испытывали всю тяжесть подневольного труда.

Через три хаты от нас жил Антон Овсиенко, один из тех добродиев *, которые по дешевке скупили немало бедняцкой земли.

Помню, был хороший урожай. В Волчьей балке и у хутора Скотоватого под легким ветерком переливались волнами тяжелые колосья спелой пшеницы.

---

* Благодетелей.

— У богатеев хорошо и родит, — то ли с завистью, то ли с досадой говорили безземельные николаевцы, поглядывая на поля Овсиенко.

Как раз тогда Антон Овсиенко позвал к себе моего отца.

— Садись, Кирилл Степанович, — любезно сказал Овсиенко и развернул свежий номер газеты «Приднепровский край». — Видишь, вон уже и в Перещепине мельницу пускают. Еще бы, такой урожай бог дал, что только успевай молоть...

Отец не сразу понял, куда клонит сосед. А тот без лишних разговоров предложил:

— Бери-ка своих хлопцев, Степанович, и приходи завтра пораньше в Волчью. Попробуем, какую там пшеничку уродило...

Таким образом «приглашал» Овсиенко и других бедняков.

И вот нас человек двадцать уже на поле Овсиенко. Он сам на жатке-самосброске, его сыновья Кирилл и Никита — на лобогрейке, а мы идем следом и вяжем снопы. Овсиенко то и дело подгоняет, чтобы быстрее работали.

Вот так к вечеру и уберем четыре десятины чужой пшеницы.

— Спасибо вам, добрые люди, — благодарит, бывало, хозяин и за всю нашу изнурительную работу дает крынку молока и буханку хлеба на каждую семью своих батраков.

За молотьбу Овсиенко рассчитывался с нами довольно «щедро» прошлогодней подгнившей соломой. Разрешает, например, отцу взять две вязанки соломы, а потом вслед кричит:

— Степанович, ладно уж, возьми вязанки четыре!..

Как говорят, для хорошего человека «добра» не жаль.

Когда мне минуло девять лет, отец отдал меня внаймы к кулаку Овраму Таранцу сторожить вишневый сад.

— Смотри же, чтобы ни одной ягодки не украли, — наказывал Таранец, поглаживая свою козли-

ную бородку. — А этих босяков, если полезут, бей палкой прямо по голове, по голове!..

К «босякам» относились и мои однолетки Роман Недвига, Елисей Дуб и двоюродный брат Епифан Хижняк.

И мой глухой протест против жадного хозяина зачастую проявлялся в том, что я в саду охранял... мальчишек от Таранца и его слуг.

Все лето прослужил я у Таранца. Мой рабочий день продолжался двенадцать, а иногда и больше часов. Есть хозяин не давал, и мне приходилось бегать «на обед» домой.

А когда закончился срок моей службы, жена Таранца купила в магазине дешевенькой материи, из которой мать сшила мне штанишки.

Той же осенью я пошел учиться в двухклассное министерское училище, как тогда называлась школа в Николаевке. Сбывалась моя мечта — научусь читать, у меня будут книжки, из которых, говорят, можно узнать и о небе, и о морях-океанах, и о дальних странах, и о людях, которые там живут...

Крылья светлой мечты несли меня в первый день в школу.

— Смотри, и голодранцы в грамотеи лезут, — услышал я злой смешок Таранца, когда проходил мимо его хаты. — Далеко куцему до зайца...

Безрадостное детство, казалось, приучило меня молча переносить все невзгоды тяжелой крестьянской жизни. Я не плакал даже тогда, когда Таранец за малейшую провинность больно дергал меня за уши и угрожал:

— Прогоню, как паршивую собаку!..

Но когда я услышал эти слова, тяжелый клубок подкатил к горлу, и я горько заплакал. Слезы оросили дорожку, по которой я шел в школу...

БЕЗ ЦАРЯ

Мудрая народная поговорка гласит: «На веку, как на большой ниве, всякое случается». И мне суждено было пройти большой и суровый жизненный

путь. Все мое детство я прожил в нужде, в тяжелом труде.

Но сквозь долгие годы неугасимым огоньком сияют первые радости, которые дали школа, мои учителя.

Перед нами, сельской детворой, открывался неведомый мир — богатый и волнующий. Особенно полюбилась нам география. Мы сидели словно очарованные, когда учитель Андрей Дмитриевич Маляров рассказывал о заморских странах, о том, как отважный русский путешественник и ученый Миклухо-Маклай подружился с папуасами Новой Гвинеи.

Глубоко в душу проникали слова учителя:

— Папуасов не считали людьми, их продавали, как скот, а Миклухо-Маклай доказывал, что человек везде человек, что стыдно торговать людьми...

«Человек везде человек» — врезалось в память, будило мысль, порождало гнев против Оврама Таранца, против всех, кто издевался над бедняками.

Как-то мой старший брат принес домой книжечку, завернутую в толстую синюю бумагу. По вечерам, усевшись на печи, читал он эту книжечку, а потом куда-то прятал ее. Мне очень хотелось посмотреть, что это там Иван читает.

— Скоро состаришься, если все будешь знать, — сказал брат и щелкнул меня по носу.

Однажды, когда никого не было дома, я нашел за иконой книжку, которую спрятал брат. Это был «Кобзарь» Тараса Шевченко. Осторожно листал я страницы растрепанной книжки. Во многих руках, видно, она побывала!

Читал я все подряд, но вначале не все понимал. А спрашивать у Ивана боялся: еще попадет за то, что взял без разрешения.

И вдруг строчки, будто о нашей Николаевке и о каждом из нас написанные:

Дарэмно, марно пролэтять
Його найкращии лита,
Що вин нэ знатымэ, дэ дитысь
На сим шыроким вольним свити.

И пидэ в наймы, и колысь,
Щоб вин нэ плакав, нэ журывсь,
Щоб вин дэ-нэбудь прыхылывсь,
То оддадуть у москали.

Ведь отец, братья все время в батраках, а в 1914 году Михаила забрали в солдаты.

А сэстры! Сэстры! Горэ вам...
Вы в наймах вырослы...

Да, это о Дуне и Паше — моих сестрах, которые уже не первый год батрачат.

С тех пор я уже не расставался с любимой книгой. Влияние творчества Шевченко на меня и моих товарищей было так сильно, что известие о свержении царского самодержавия мы рассматривали, как конкретное осуществление призыва великого Кобзаря к народу: «Нащо здалыся вам цари?»

Помню, как в наш класс не вошел, а влетел учитель Давид Никифорович:

— Друзья! Поздравляю вас с великой радостью: в России уже нет больше царя!..

Об учебе в этот день нечего было и думать. Из школы выбегали, толкая друг друга:

— К волости!

На площади около волостного управления люди собирались на митинг. Учащиеся пришли сюда вместе с прогрессивно настроенными учителями во главе с Давидом Никифоровичем Пищулкой.

Мы, подростки, конечно, еще не понимали всей сложности событий, молниеносно развивавшихся тогда. Вместе со взрослыми мы радовались тому, что в Петрограде свергнут царь, а в Николаевке арестован урядник и ищут станового пристава.

Общее настроение взрослых передавалось и нам. Охваченные жаждой революционных действий, мы искали, как проявить свой протест против старого режима. Кое-кому из нас, учеников выпускного класса, учитель Д. Н. Пищулка как-то на перемене намекнул:

— Не кажется ли вам, друзья, что, изучая закон божий, мы оскорбляем революцию?

Это была искра, брошенная в пороховой погреб.

Вот-вот должен начаться урок закона божьего. Все в классе чрезвычайно возбуждены.

— Долой божьи законы! — кричит горячий Панас Билык.

— Хватит!

— Теперь революция!

Из-за парты вскакивает сынок кулака Антон Коцюба:

— Антихристы! Против бога... — и убегает из класса. Вслед за ним молча уходит дочь помещика Софья Компаниец.

Предупрежденный Антоном и Софьей поп как ужаленный влетел в класс.

— Богохульники! Христопродавцы! — заорал он. — Большевиков слушаете!..

Панаса Билыка священник сразу же выгнал из класса, а меня и других предупредил, чтобы мы «опомнились и имели свою голову на плечах», так как он, батюшка, «не потерпит крамолы в министерском училище».

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

На грани двух эпох кончилось наше детство, и перед каждым вставал вопрос: кем быть?

Разбуженная Февральской революцией, сельская молодежь искала свое место на широких дорогах жизни.

Мне очень хотелось стать учителем: «сеять разумное, доброе, вечное», — как говорил нам Давид Никифорович. И в моем представлении уже рисовался тот счастливый день, когда я окончу учительскую семинарию и вернусь в родную Николаевку учить малышей.

Школу я окончил с хорошими оценками, к экзаменам готовился старательно, но в Новомосковскую учительскую семинарию меня не приняли из-за «отсутствия мест». Но детей николаевских кулаков и

помещиков, несмотря на их слабые знания, зачислили на первый курс.

Сердце разрывалось от обиды, от этой страшной несправедливости. Значит, все по-старому? И вспомнилась издевательская насмешка Оврама Таранца: «Далеко куцему до зайца».

Я держу в руках возвращенные мне документы, а в голове звучат лозунги, которые слышал на митинге: «Свобода! Равенство! Братство!..»

Какое же это равенство?.. Что изменилось после Февральской революции?..

Брата Ивана тоже не приняли в семинарию, и он, горько улыбнувшись, сказал:

— У нас с тобой знания, а у них деньги и власть, вот и выходит — кому революция, а мужику — дудки!..

К счастью, объявили дополнительный набор в Павлоградскую учительскую семинарию. 1 сентября 1917 года меня зачислили слушателем первого курса.

* * *

Весть о свержении Временного правительства и установления власти Советов вызвала бурную реакцию в семинарии. Лекции стихийно превращались в митинги, во время которых разгорались горячие споры. Сразу же образовались два лагеря: один во главе с директором семинарии ярым монархистом Ф. Виноградовым, руководителями другого стали преподаватель Петр Михайлович Казьмин и слушатель второго курса Иван Кухтевич.

— Вы — воспитанники семинарии, ваше место за партами! — визжал директор, заходя в каждую аудиторию. — Я запрещаю вам заниматься политикой!

Но никакие запреты не могли уже остановить неудержимый поток жизни. Сами собой возникали жаркие споры о войне, о земле, о власти.

Ленинские декреты воспринимались мной как конкретная реальность: наконец отберут у Родзянко и Урусова захваченные ими десятки тысяч десятин

земли и раздадут беднякам. Значит, и моему отцу новая власть нарежет землю, а сестры мои Паша и Дуня отныне уже не будут батрачками. Скоро вернется с войны мой брат Михаил, потому что Ленин ясно сказал: довольно людям убивать друг друга...

Так мы, дети сельской голытьбы, понимали Октябрьскую революцию и потому готовы были перегрызть горло барчукам семинаристам, которые насмехались над нами, угрожая «прибрать к рукам обнаглевшее мужичье».

Наши споры нередко заканчивались драками на переменах. Помню, как-то подошел ко мне Грицько Бублик, сын кулака из села Одинковки.

— Земля всегда была собственностью ее хозяев, а ты, голодранец, заришься на нее. Много вас таких найдется!

Мне очень хотелось дать Грицьку по уху, чтобы не называл меня голодранцем, да мой земляк Андрюша Щербина стал между мной и Бубликом:

— Ишь, какой законник! Кончается, Грицько, ваше господство!

— Да что с ним говорить, — вмешался в разговор Санька Божко, которого все любили за веселый характер. — Был он до сих пор Бубликом, а теперь от него одна дырка осталась...

Раздался веселый смех.

Ивана Кухтевича мы очень уважали. Он охотно помогал нам в учебе, отвечал на наши многочисленные вопросы.

Нам, первокурсникам, Кухтевич давал читать «Песню о Соколе» и «Песню о Буревестнике» Горького, «Кобзарь» Шевченко, стихи Некрасова, и только наиболее надежным ребятам, которым он доверял, — «Коммунистический манифест» Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

— Читай сам, — говорил он, давая мне «Манифест», — и никому не показывай. Вернешь завтра вечером, когда в библиотеке никого не будет. Непонятные слова выпиши и спрячь эту бумажку. Потом поговорим.

Такая осторожность не была лишней. На большей

части территории Украины господствовала контрреволюционная Центральная рада. Эта буржуазная националистическая организация была создана в апреле 1917 года в Киеве на конгрессе украинских буржуазных и мелкобуржуазных партий и групп.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Центральная рада объявила себя верховным органом так называемой «Украинской народной республики» и встала на путь открытой борьбы против советской власти.

Прикрываясь красивыми фразами, Центральная рада пыталась использовать национально-освободительное движение на Украине для укрепления власти украинской буржуазии и помещиков.

Некоторые из нас уже знали, что П. М. Казьмин и Иван Кухтевич преданы советской власти и партии большевиков. Вокруг них группировалась рабочая и крестьянская часть слушателей семинарии. Наиболее активные, по совету Казьмина и Кухтевича, объединились в ячейку Социалистического союза молодежи.

В январе 1918 года в Павлограде начал формироваться отряд Красной гвардии. В его состав входили рабочие предприятий города, бедняки и батраки сел Павлоградского уезда.

Как-то на собрании нашей ячейки Социалистического союза молодежи Иван Кухтевич объявил, что семинаристы тоже могут вступать в Красную гвардию.

Не чуя под собою ног, бежим записываться в красногвардейский отряд. На дворе лютый мороз, но нам не холодно — разогрелись на бегу.

Вот и двор Павлоградского земства, где находился один из отделов штаба Красной гвардии. Здесь полно людей, преимущественно молодежи. Подходим к группе парней, которые что-то горячо обсуждают. По их лицам видно, что они чем-то недовольны. Прислушиваемся, и нам становится ясно: это те, кого не записали в Красную гвардию.

Веснушчатый мальчишка с курносеньким носом чуть не плачет:

— Еще маленький, — говорят, — ты и винтовки в руках не удержишь...

— А ты бы сказал: «Дайте, дядя, попробую», — не то шутя, не то всерьез советует ему кто-то.

— Так он тебе и даст! — махнул рукой курносый и отвернулся.

Оказывается, надо иметь полных шестнадцать лет. Мои товарищи спокойны: им по семнадцать. А мне не хватает трех месяцев до шестнадцати... И все-таки на этот раз мне повезло — видно, помог высокий рост.

Со справкой о том, что я зачислен в Павлоградский отряд Красной гвардии, выбежал со двора. Боялся, что в штабе, чего доброго, еще передумают, вернут меня и откажут, как тем ребятам, которые до сих пор, сердитые и насупленные, стоят во дворе Павлоградского земства...

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Пока создавалась ячейка Социалистического союза молодежи и формировался отряд Красной гвардии, кулацкие и помещичьи сынки тоже не дремали. Преисполненные ненависти к трудящимся, к революции, они вступали в гайдамацкий «курень вольного казачества», созданный Центральной радой для борьбы против рабоче-крестьянской власти на Украине. Вдохновителями этой банды стали у нас преподаватель учительской семинарии махровый эсер Иван Марченко и священник Александр Гладкий.

Тем временем советская власть уже побеждала и устанавливалась по всей Украине. Мы слышали, что в Екатеринославе в марте 1918 года состоялся Второй Всеукраинский съезд Советов.

Центральная рада не имела опоры среди трудящихся масс и для удушения советской власти призвала на Украину австро-немецкие войска.

По мере приближения чужеземных захватчиков к Павлограду наглели молодчики из «куреня вольного казачества». Они открыто высказывали свои симпатии к оккупантам, которые, мол, уничтожат большевистскую власть и восстановят порядок.

Особенно же распоясался тогда слушатель семинарии обрусевший немец Семен Петцольд, который также принадлежал к «вольному казачеству» и всячески восхвалял оккупантов, называя их носителями культуры...

— Носят, и еще как носят «культуру» твои родичи! — крикнул Петцольду Савва Божко. — Как заприметят где кусок сала, десяток яиц, буханку хлеба или крынку молока — все выносят из крестьянской хаты...

— А ты видел? — огрызнулся Семен.

— Вон послушай, что люди говорят о твоих «носителях культуры», чтоб их вынесло на тот свет! — разошелся Божко.

Молодые и горячие, они вот-вот готовы были сцепиться. Но вмешалась группа преподавателей, которые развели всех по аудиториям.

Но это были уже последние дни учебы.

Революция звала нас, и мы оставили классы учительской семинарии, чтобы, как позже написал мой земляк и побратим, екатеринославский комсомолец поэт Михаил Светлов:

Постичь поскорей
Грамматику боя — язык батарей...

В Павлоградский отряд Красной гвардии вливалось все больше новых людей. В сердце каждого нашего бойца кипела лютая ненависть к захватчикам. Наверное, и наших отцов грабят сейчас незваные «гости». Они захватили Екатеринослав, Новомосковск... Слышны глухие раскаты артиллерийского обстрела. Советские учреждения Павлограда эвакуируются в Лозовую...

А бравые вояки из «куреня вольного казачества» уже вывешивают на домах Павлограда предательские желто-голубые флаги и готовят хлеб-соль чужеземным «освободителям» и их прихвостням-гайдамакам.

Нашему отряду приказано оставить Павлоград. А через несколько дней мы начали наступление на город, обойдя его с юга.

В отряде много молодежи и подростков, таких, как я. Что такое бой, мы знаем только по военным занятиям, во время которых нас учили делать перебежки под воображаемым огнем и атаковать воображаемого противника.

Но вот и первое испытание огнем, первый настоящий бой... Не раз спрашиваю самого себя: «А тебе, Петро, не страшно?»

Только хвастливые болтуны говорят, что никогда не испытывали страха. Ведь действительно страшно, когда над головой свистят пули и каждая может попасть в тебя... Вот лежит залитый кровью Василий Ковалев, родом из Саратовской губернии... Веселый парень был. Все просил, чтобы я научил его украинскому языку, очень хотелось ему вместе с нами петь «Ой, гиля, гиля, гусоньки, на став»...

— Ложись! — кричит мне Григорий Иващенко, высокий, рыжеватый, уже обстрелянный на войне командир нашего отряда. — Голову, голову ниже!

Я прицеливаюсь и нажимаю спусковой крючок. Неужели попал? Так и есть, упал один немец, выпустил из рук винтовку, а каска вон куда покатилась!

— Молодец, товарищ Хижняк! — слышу снова голос командира. — Бей их, проклятых!

И я делаю перебежки, ложусь на землю, стреляю.

Наш командир Иващенко зажигает бойцов личным примером. Он быстро переползает и успевает вести огонь, командовать боем, подбадривать хлопцев.

— Пуля — дура, штык — молодец! — повторяет он девиз Суворова и поднимает нас в атаку.

Я видел, как Иващенко с группой красногвардейцев бросился на немецких солдат и гайдамаков, колол их штыком и бил прикладом, а когда они бежали — сражал их беспощадной пулей.

Но что это?.. Он схватился за грудь, упал. Озверевший гайдамак набросился на Иващенко.

— Слушай мою команду!

Заместитель командира отряда Сергей Колодуб ведет нас вперед отомстить за смерть Григория Иващенко.

Как и все бойцы отряда, я тяжело переживал гибель нашего командира.

Помню, в Николаевке не одну ночь просиживал я при коптилке над пламенными строфами «Гайдамаков» Тараса Шевченко. Меня восхищали героические подвиги Максима Железняка, Гонты, Яремы, всех борцов за свободу своего народа, против ненавистного чужеземного панства.

И я не мог понять, почему помещичьи и кулацкие выкормыши, лютые враги великой народной революции, называют себя гайдамаками.

Как-то спросил об этом Ивана Кухтевича.

— А ты сказочку про волка и козлят знаешь? — спросил он, в свою очередь. — Волк прикинулся ласковой мамой, чтобы легче было козлят съесть. Вот так и головорезы из бандитских «куреней»: стараются снова надеть ярмо на шею украинского трудового народа.

Значит, слово «гайдамаки» им нужно для того, чтобы замаскировать свои гнусные планы? Хотят, чтобы крестьянин, который любит воспетых в «Кобзаре» гайдамаков, вступал в «курени» и шел убивать таких, как наш Григорий Иващенко!..

Так вот они какие, нынешние «гайдамаки»!

ПУТЬ ДОМОЙ

К концу апреля 1918 года значительная часть Украины была оккупирована австро-немецкими войсками. Отряды недавно созданной Красной Армии вынуждены были отступать под натиском превосходящих сил немецких оккупантов и подлых предателей «гайдамаков».

Отошел от Павлоградских хуторов на восток, в сторону Луганска, и наш отряд. Проходя через села, рудники и шахты Донбасса, отряд пополнился рабочими-добровольцами. В Луганске мы влились в недавно сформированный Первый партизанский Луганский социалистический отряд, которым командовал товарищ К. Е. Ворошилов.

Из бесед с бойцами мы узнали, что шестьсот луганцев во главе с Ворошиловым уже участвовали в боях под Дубовязовкой и в других районах Украины.

Из нескольких разобщенных, подобных нашему отрядов, отступавших с Украины, была создана Пятая Украинская армия. В ее составе мы пробивались к Царицыну сквозь кольцо немецких войск и контрреволюционного казачества Дона.

Тем временем на Украине начали создаваться красные партизанские отряды и подпольные организации для борьбы с оккупантами.

Для помощи крестьянству в подготовке вооруженных восстаний на Екатеринославщине туда была направлена группа красноармейцев Десятой армии. В их числе был и я — к тому времени боец отдельного кавалерийского эскадрона. Каждый из нас должен был пробраться в свои родные места.

«Предъявитель сего сын крестьянина станицы Иловлинской, Царицынского уезда, Шевченко Митрофан Иванович, 1902 года рождения, идет к своим родственникам в село Николаевку, Новомосковского уезда, Екатеринославской губернии».

С этим «документом», подписанным несуществующим старшиной Иловлинской волости, я в простой крестьянской одежде, с харчами в заплечном мешке двинулся в дальний и опасный путь. Во время этого своего путешествия приходилось пользоваться всеми видами транспорта, существовавшими тогда, — пассажирскими поездами, «товарняком», дрезиной, подводами, а чаще идти пешком по тридцать-сорок верст в день.

Но на юге Украины власть в то время менялась значительно быстрее, чем я пробирался в свою Николаевку.

В конце апреля 1918 года оккупанты поставили верховным правителем Украины — гетманом — крупного помещика, бывшего царского генерала Павла Скоропадского. И теперь по селам бесчинствовали новоявленные «властители»-гетманцы, помогавшие своим хозяевам грабить украинский народ.

Уже остались позади села Полтавщины — Берестовенька, Зачепиловка, Сомовка... Серый пиджачок на мне почернел, широкие матросские брюки обтрепались, башмаки сбились. Чтобы легче было идти, то и дело снимаю башмаки.

Далеко-далеко простираются поля, и кажется: нет им конца и края. Цветет рожь, стеной стоит густая пшеница. Золотистыми головками кланяются подсолнухи. А там вон люди сено косят и зелеными холмиками выстроились копны душистых трав. Улыбается с высокого неба солнце, словно веселит его песня звонкоголосых жаворонков.

О, как люблю я тебя, родная земля моя! Ты расцветаешь щедрыми дарами природы. Но кому достанутся они теперь?.. Люди в селах говорили мне, что немец уже обмерил поля, прикинул, сколько хлеба сможет вывезти с Украины, отбирает и гонит на железнодорожные станции скот...

А что там, в моей Николаевке? Живы ли родители, сестры? А Иван и Михаил?..

Чем ближе к дому, тем сильнее бьется в груди сердце.

...Марьевка! Это уже наш, Новомосковский уезд. До Николаевки осталось верст четырнадцать, и я спешу, подгоняемый тревожными мыслями. Не заметил, как дошел до своего родного села. Вот вижу уже двор Лаврентия Пидпалого, дальше — хата вдовы Елизаветы Недвиги, сын ее Ромка — мой школьный товарищ, а там, через два двора, и наша хата.

Мысли мои прервал чей-то голос, донесшийся неожиданно откуда-то сбоку:

— Здоров, Петька!

Это Тит Кучеренко, тоже вместе с нами ходивший в школу, только в старший класс.

Мне очень хотелось побыстрее узнать, что с моими родными. Словно угадав это, Тит сказал:

— А ваш Михайло уже дома...

Я так обрадовался, что хотел даже расцеловать Кучеренко. Но он, оглянувшись, заговорщически шепнул мне на ухо:

— Только он в большевиках... а их теперь немцы вешают, чтоб не баламутили честных хлеборобов...

Что-то чужое, враждебное послышалось мне в этих словах и в ехидном смешке Кучеренко. И когда он спросил меня: «А ты же откуда идешь?» — я ответил:

— Да из Павлограда... На семинарском огороде работал.

Отделавшись от Тита Кучеренко, я поспешил домой.

Сразу же отлегло от сердца: все живы, и Михаил вернулся. Иван в Николаеве на заводе, а девчата вышли замуж.

Какими мелкими, незначительными показались все мои невзгоды, когда Михаил рассказал, что он вынес!..

Три года воевал мой брат на фронте. Раненного, его захватили в плен немцы и завезли аж в «землю Баден» — город Раштатт. Трижды бежал Михаил из плена. Его сажали под арест, а он снова бежал. Три месяца добирался домой. Задерживали его по дороге и немцы, и гайдамаки, и австрийцы, и гетманцы... Хорошо зная немецкий язык, он благополучно миновал многочисленные патрули, но все же не раз был, как говорят, на волосок от смерти.

И вот мы снова в Николаевке. Разными, тернистыми путями пришли мы домой.

А что же дальше?

ВЕЩЕЕ СЛОВО ЛЕНИНА

Поведение Михаила было загадочным. То внезапно исчезает на несколько дней. Говорит, что был в Николаеве, искал брата Ивана. А люди видели его в те дни в Екатеринославе. А то, бывало, в воскресенье соберутся в Коробчиной балке Михаил с друзьями будто бы в карты играть. Видел я там наших, николаевских, Дорофея Бутенко, Петра Явора, Луку Цапа, Иосифа Коцюбу и еще Федора Носенко и Федора Кулебу из соседней Губинихи.

Только позже мы узнали, что на этих собраниях Михаил информировал местных коммунистов и сочувствующих революции молодых крестьян о решениях Екатеринославского подпольного губкома партии большевиков.

Мне страшно хотелось послушать, о чем они говорят. Но только подойду ближе, они начинают громко спорить, что, мол, кто-то не ту карту подкинул и поэтому надо «переиграть», и тому подобное. Видно было, что они боятся открыть мне свою тайну. Под разными предлогами Михаил выдворял меня из своей компании.

— Петя, сбегай-ка принеси хлеба, а то не хватит всем...

Или просто:

— Иди погуляй, в карты ты все равно играть не умеешь, и нечего торчать здесь.

В карты я действительно не умел играть, но вскоре разгадал нехитрый «маневр» моих старших товарищей: Дорофей Бутенко, Михаил Хижняк и другие формировали в Николаевке партизанский отряд для борьбы с немецкими оккупантами и гетманцами. В том, что я знал об этом, ничего удивительного не было. В селе не так-то легко долго хранить тайну, тем более от нас, шестнадцатилетних вездесущих подростков. Понимали это и организаторы партизанского отряда. И вот как-то в субботу, под вечер, окликнул меня Иосиф Коцюба:

— Послушай, есть у меня к тебе дело...

В это время в хате Коцюбы уже сидели мой школьный товарищ Иван Щербина и Федор Кулеба из Губинихи.

Матрос Балтийского флота, Иосиф Коцюба принес в Николаевку горячий дух Октября и вещее слово Ленина. Затаив дыхание слушали крестьяне рассказ Коцюбы о победе революции в Петрограде. Стройный, подвижный, всегда улыбающийся, он то вскакивал и показывал, как матросы, солдаты и рабочие брали штурмом Зимний, как выгоняли буржуев из дворцов и особняков, то начинал рассказывать, как

выглядит внешне рабоче-крестьянский вождь товарищ Ленин и как просто и понятно говорит он о будущем счастье трудового народа...

Иосиф Коцюба был живым воплощением революции, и его искренне полюбила вся Николаевка, особенно молодежь, для которой он сразу стал самым большим авторитетом: непосредственный участник Октябрьского переворота!

В тот субботний вечер была создана в Николаевке ячейка Социалистического союза молодежи. Кроме меня, здесь было еще два члена ССМ — Иосиф Коцюба, вступивший в союз в Петрограде в начале 1918 года, и Иван Щербина, недавно принятый в ССМ на Брянском заводе в Екатеринославе.

— Поступило заявление от бедняка красноармейца Федора Кулебы, — объявил Коцюба. — Поскольку он в декабре 1917 года брал почту и телеграф в Екатеринославе и хорошенько давал чесу гайдамакам, есть предложение принять Кулебу Федора в Социалистический союз молодежи.

Потом мы единогласно выбрали Иосифа Коцюбу председателем нашей ячейки.

К ОРУЖИЮ!

КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ

Одним из первых заданий, которые мы получили от Екатеринославского подпольного комитета ССМ, было распространение революционных листовок.

Втайне от чужих глаз, даже от своих родителей, мы переписывали по нескольку раз текст, который получали чаще всего в одном экземпляре, раздавали рукописные листовки членам ячейки, а они уже распространяли их по селам Николаевской и других во-

лостей Новомосковского уезда. Листовки призывали рабочих, солдат и крестьян:

«Все, кому дорога свобода, — к оружию!»

В конце июля 1918 года почти во всех селах Новомосковского уезда были созданы подпольные организации. Тогда же в селе Евецко-Николаевке состоялось совещание представителей всех подпольных организаций уезда. Был создан Новомосковский уездный революционный комитет, который возглавил подготовку крестьян к восстанию против немецко-гетманской власти.

Тем временем по всему нашему уезду шныряли два экспедиционных отряда оккупантов и банда карателей кулака-гетманца Чернова. Они пытались заставить крестьян вернуть помещикам землю, отобранную согласно первому декрету Советского правительства.

...Обнажив сабли, с дикими криками ворвались каратели в Котовку, где крестьянам недавно раздали тридцать три тысячи десятин земли, принадлежавшей князю Урусову. Но сто восемьдесят вооруженных бедняков обстреляли карателей. Тогда им на помощь пришли немцы, пустили в ход пулеметы и после продолжительного боя ворвались в село.

Подлый предатель выдал организаторов сопротивления. Озверевшие оккупанты схватили бедняков Ивана Кабальникова и Ивана Логвина, связали их, выкололи им глаза, бросили в хату и там живьем сожгли. Потом расстреляли Василия Кононовича, Василия Миколенко, а Захара Литвина и Гавриила Чалого повесили на площади в центре села

Жертвами кровавого террора пали и красные партизаны Александр Балясный, Сергей Бездвирный, Павло Родзян, Михаил Харольский и Иван Явкун.

Крестьяне воочию убедились в правдивости слов листовок-воззваний. Все понимали, что нужно записываться в ряды революционных войск и с оружием в руках отстоять добытую кровью революцию!

«ИЩИ ВЕТРА В ПОЛЕ...»

Незадолго до моего возвращения в Николаевку сестра Паша вышла замуж и теперь жила в Губинихе. Это давало возможность Михаилу и мне навещать ее в расположении управы Губинихской районной варты * гетманцев и собирать нужные уездному ревкому данные.

Однажды мы стали свидетелями грабежа в этом селе. Ждановский кулак Яковлев, служивший в варте, отбирал у крестьянина-бедняка последний мешок муки и телку. Ни слезы обездоленной семьи, ни просьбы соседей не могли остановить подлого «вояку».

Михаил не выдержал, подскочил к Яковлеву, вырвал у него винтовку и крикнул:

— Вон отсюда, немецкий наймит!

Ошеломленный Яковлев побежал в управу. И не успели мы дойти до Пашиной хаты, как четверо гетманцев набросились на Михаила. Они повели его в управу и заперли в «холодной», где уже сидел схваченный в Николаевке партизан Петро Явор.

Михаила и Петра гетманцы собирались судить за «сопротивление законной власти». А это означало публичную смертную казнь.

Вскоре в Губиниху примчался на бричке недавно назначенный начальник Новомосковской уездной варты Комаров. Военный китель, защитного цвета фуражка, черные галифе, через плечо в деревянной кобуре маузер.

Вытянулись на своих постах часовые, пропуская высокого начальника в управу.

Небрежно козыряя на ходу часовым, Комаров еще на пороге крикнул:

— Хижняка и Явора ко мне! Ишь, мерзавцы! Я им покажу, как своевольничать и поднимать руку против власти!

Привели арестованных. Не говоря ни слова, разъяренный Комаров размахнулся и дал звонкую пощечину вначале Явору, а потом Михаилу.

---

* Охрана, караул.

— Будем знакомы. Комаров. Ну, голубчики, допрыгались? Я вам покажу!..

Не дав и слова вымолвить опешившим хлопцам, Комаров приказал посадить Михаила и Петра в бричку.

— В уезде разберемся! — крикнул он на прощание часовым, сам сел около арестованных и бросил кучеру: — Гони!

Все это произошло очень быстро и было воспринято всеми как проявление неспокойного нрава грозного начальника уездной варты. Правда, губинихских часовых немного удивило, что бричка поехала почему-то не на Новомосковск, а совсем в противоположном направлении — на Марьевку...

В самом же деле ничего удивительного в этом не было: уполномоченный Новомосковского подпольного ревкома бедняк из села Кулебовки Белый-Биленко выполнял данное ему задание.

Партизанская разведка донесла: из Голубовки, по распоряжению Комарова, должна выехать в Губиниху вооруженная группа для расправы с Петром Явором и Михаилом Хижняком. Белый-Биленко должен был опередить карателей и во что бы то ни стало выручить двух красных партизан. Вот почему так спешил «Комаров».

А настоящий Комаров, узнав, что его так ловко одурачили в Губинихе, рассвирепел:

— Весь уезд переверните, и хоть из-под земли выкопайте, а найдите мне Хижняка и Явора...

Но, как говорят, ищи ветра в поле...

ЗНАМЯ НАД ВОЛОСТЬЮ

Дерзкое освобождение из-под ареста Михаила и Петра, конечно, нам так не прошло.

В один из июльских дней, часов в одиннадцать утра, я возвращался домой из Губинихи. Вижу, навстречу мне бежит мать вся в слезах:

— Ой, лышенько, что делают, проклятые! Петрику, скорее зови людей!..

Я бросился к нашему двору, но немец часовой, взяв винтовку на изготовку, не пустил меня.

Солдаты выносили из хаты наш бедняцкий скарб, даже фотографии поснимали со стен. А потом высокий офицер с рыжеватыми усами, в желтых крагах, приказал:

— Огонь!

Людей, сбегавшихся на пожар, солдаты разгоняли, угрожая штыками.

— Так будет со всеми партизанами! — переводил гетманский прихвостень угрозу немца.

Мы остались без крова и до конца августа жили во дворе, под открытым небом. Когда же начались осенние дожди, нас приютили родственники.

Темной сентябрьской ночью вернулся домой Михаил.

Через несколько дней на собрании ячейки Иосиф Коцюба зачитал приказ подпольного ревкома:

«Партизанам и членам Социалистического союза молодежи держать наготове все виды огнестрельного и холодного оружия. О дне восстания будет сообщено специальным приказом».

Нашим домом стал густой Самарский лес. Крестьяне приносили сюда кто саблю или штык, кто обрез или револьвер — у кого что сохранилось со времени империалистической войны. А у кого не было оружия, приходили в лес с топорами, вилами и даже с лопатами.

— Давай, давай, — весело говорил Дорофей Бутенко. — В хозяйстве все пригодится!..

На меня в отряде уже смотрели как на боеспособного партизана, особенно после того, когда я благополучно доставил из Павлограда на подводе винтовки и патроны.

Восстание в нашем уезде было намечено на конец ноября. Однако в середине ноября сложилась такая обстановка, которую ревком считал благоприятной для выступления: районная варта гетманцев переезжала из Губинихи в Евецко-Николаевку, а потрепанные в стычках с красными партизанами два экспеди-

ционных отряда немцев и карательный отряд Чернова переформировывались в Новомосковске.

Вестовые подпольного ревкома и члены нашей ячейки ночью предупредили всех партизан, что завтра утром восстание.

Осень. Моросит мелкий дождик, но люди, среди которых много партизан, спешат к волости.

Торопимся и мы с Михаилом. У меня в одном кармане револьвер, в другом — граната. У Михаила под полой винтовка, в карманах — патроны и гранаты. За нами спешат Цап Лука и Куян Андрей.

Мы ворвались в волостную управу, обезоружили часового и посадили его в арестантскую.

Вдруг зазвонил телефон.

— Часовой слушает, — спокойно сказал Михаил.

— Говорит старший офицер уездной варты из Почино-Софиевки. Прошу приготовить лошадей. Я скоро буду у вас.

Мы хорошо знали этого офицера уездной варты, который, наверное, решил, пока не поздно, удрать в Новомосковск.

— Слушаюсь! Все будет сделано, — ответил Михаил.

И действительно, примерно через час к волости подъехал чванный господин в сопровождении двух гетманцев.

Подбирая полы длинной шубы, он сошел с брички и обратился к Михаилу:

— Лошади готовы?

— Так точно!

И не успел приезжий уточнить, где стоит подвода, как Михаил скомандовал:

— Руки вверх! Именем революционного комитета вы арестованы!

Мы обезоружили задержанных и отвели в арестантскую. Потом забрали из брички оружие.

Михаил сказал мне:

— А теперь беги, Петро, к церкви и ударь в набат.

Через несколько минут я и Макар Лысенко уже на колокольне и изо всех сил начали дергать за все

веревки. Наверное, никогда Николаевка не слыхала еще такого громкого звона.

Это был сигнал к восстанию.

С колокольни мне хорошо было видно, как люди с базара бросились к зданию волостной управы, на ходу вытаскивая из корзин и мешков оружие. Я быстро сбежал вниз и тоже помчался к управе.

В это время сюда приближалась толпа вооруженных крестьян во главе с Дорофеем Бутенко. Трудно было поверить, что это тот немного стеснительный двадцатилетний сын бедняка Бутенко, который никогда не вмешивался в драки сельских хлопцев.

Дорофей бежал, подняв над головой руку с револьвером. Ветер трепал его черные волосы, выбившиеся из-под серой шапки, и раздувал полы длинного брезентового плаща. Лицо раскраснелось, голубые глаза горят.

Словно бурная река, неудержимыми волнами заливающая берег, заполняли восставшие площадь перед волостной управой.

И вдруг на площадь влетает пароконная бричка.

— Поберегись! — весело кричит чернявый Левка Хейфец. Он везет отца, нашего сельского фельдшера Иосифа Соломоновича.

«Неужели кого-то ранили?» — думают люди и расступаются, создавая своеобразный коридор. Бричка останавливается у волостной управы. Опираясь на зонтик, седой фельдшер подходит к Дорофею Бутенко и, лукаво улыбаясь, говорит:

— Слава богу, моя врачебная помощь здесь пока еще не нужна. Но прошу вас, товарищ Бутенко, принять от фельдшера Хейфеца и его сыновей эти «лекарства». Думаю, их полезно будет применять против всякой хвори, особенно в эту неспокойную осень...

И боеприпасы нашего отряда пополнились двумя мешками патронов.

А хлопцы уже взобрались на крышу волостной управы и прикрепили там красное знамя. Над площадью гремит могучее «ура», а Дорофей Бутенко кричит в толпу:

— Именем революционного комитета провозглашаю в Николаевке советскую власть!..

Ветер революции понес искру николаевского восстания на Голубовку, Губиниху, Вольное, на хутора и села Новомосковского уезда.

ВПЕРЕДИ — ЕКАТЕРИНОСЛАВ

Николаевский ревком отменил все распоряжения гетманско-немецких властей. В соответствии с ленинским декретом крестьяне получили землю. Учителя начали записывать детей в школу с тем, чтобы вскоре начать учебу.

Командование партизанского отряда установило патрульную службу в центре и на окраинах Николаевки. Конный разъезд круглые сутки охранял село.

Хорошо вооруженная группа партизан заняла оборону на краю села, у дороги на Новомосковск.

Ранним вечером патруль задержал подводу, приближавшуюся к селу.

— Стой! Кто такие?

Видимо, ничего не зная о событиях, происшедших сегодня в нашем селе, председатель уездного союза землевладельцев помещик Яновский возмутился:

— Старшего ко мне!

Иосиф Коцюба, Иван Хижняк, Назар Зайченко, Петро Дуб и Подпалый Афанасий подошли к подводе.

— Я просил старшего, а вы гурьбой приперлись! — рассерженно прикрикнул Яновский.

— А мы, ваше благородие, теперь все старшие, — улыбнулся Иосиф и приказал арестовать Яновского и двух офицеров, ехавших вместе с ним.

Задержанные не сопротивлялись и покорно пошли под конвоем в здание волостного управления.

Оказалось, Яновский возвращался из Киева со съезда землевладельцев в свое поместье.

Вечером в селе был задержан секретарь уездного старосты кулак Пантелеймон Литвиненко. На допросе он признался, что его послал сюда атаман ка-

рателей Чернов разведать силы николаевских партизан.

Не дождавшись возвращения своего разведчика, Чернов попытался утром прорваться со своим отрядом в Николаевку. Партизаны встретили непрошеных гостей сильным огнем. Гетманцы отошли на Губинихские хутора.

Партизанский отряд рос буквально не по дням, а по часам: к концу следующего дня в отряде было уже свыше 250 человек.

Боевой дух партизан поднимали радостные вести. В Губинихе повстанцы под руководством большевика Архипа Свичкаренко и трех Федоров — Копыла, Кулебы и Носенко тоже победили. Захватили власть в свои руки и партизаны в Вольном. Затем была получена телефонограмма: «Советская Кулебовка шлет боевой привет николаевским партизанам и лично Михаилу Хижняку и Петру Явору. От имени трехсот воинов революции Билый-Биленко».

Партизанские отряды Николаевки, Губинихи, Голубовки, Вольного, Кулебовки и других сел объединились и решили идти на уездный центр Новомосковск.

После сравнительно непродолжительного боя партизаны ночью овладели железнодорожной станцией, а к семи часам утра и городом Новомосковском.

Войска немецко-австрийских оккупантов отошли к Синельникову, часть гетманской варты была уничтожена, а два взвода, бросив оружие, сдались в плен.

Из новомосковской тюрьмы партизаны освободили несколько сот арестованных крестьян. Большинство из них вступило в наши отряды.

Уездный ревком объединил всех партизан в Новомосковский советский стрелковый полк.

...Уже несколько дней сражаются партизаны Павлоградского уезда против оккупантов под Павлоградом. На помощь Павлоградскому полку выступают 250 партизан Синельниковской группы во главе с Г. А. Колосом, Знаменский отряд Н. К. Герасименко и стрелковая рота под моим командованием.

Вот написал я: «рота под моим командованием» и невольно подумал, как это воспримут мои читатели. Ведь в наши дни многие юноши в этом возрасте ходят еще в школу и не знают иных забот, кроме учебы.

А многие мои ровесники принимали активное участие в борьбе за власть Советов. Шестнадцатилетний Антон Хиря командовал кавалерийским взводом, а в семнадцать лет — эскадроном; заместителю начальника штаба этого полка Ермолаю Яланскому было тогда неполных восемнадцать лет.

Просматриваю свои старые дневники. Петя Порывай в 1921 году под бешеным огнем врага спасает в Широкой Балке знамя Коммунистического отряда. А ему тогда было только шестнадцать лет.

...Итак, я веду роту в бой. Немцы, австрийцы и гетманцы отчаянно сопротивляются. Вся наша группа несколько раз бросается в атаку, но враг изо всех сил удерживает станцию Павлоград. Много жертв с обеих сторон...

Так же как и старшие по возрасту партизаны, мы, молодые бойцы, уже умеем стойко переносить и смерть своих товарищей и боль своих ран.

«Тебя никто не заставлял, ты же сам, своею волею пришел сюда, как тогда, весной, во время первого боя за Павлоградские хутора, — бьется в голове мысль. — Держись, Петро, до последнего бейся. А когда не станет патронов?..»

Вспомнились слова моего первого боевого командира и наставника Григория Иващенко, которые он сказал на этой же павлоградской земле: «Пуля — дура, штык — молодец...»

— Вперед! — кричу я, вновь поднимая роту в рукопашный бой.

...В сознание я пришел в санитарной палатке, и хлопцы рассказали мне, что было дальше.

В ожесточенном бою наши войска ценою больших потерь взяли Павлоград. Радостно встретило своих освободителей местное население, много претерпевшее от иностранных захватчиков.

Но в тот же день из района Харькова к Павлограду пробивался вражеский эшелон. На станции

Варваровка оккупанты наткнулись на несколько хорошо замаскированных партизанских засад. Разобрав железнодорожный путь, бойцы нашего полка пустили под откос немецко-гайдамацкий эшелон и захватили в плен около 500 солдат и их командиров.

В это же время южнее Павлограда красные партизаны обезоружили несколько сот немцев, австрийцев, отступавших из Донбасса. Они уже несколько дней продвигались пешим строем, боясь ночевать в селах, где на каждом шагу их могли настичь вооруженные крестьяне.

После короткого отдыха Новомосковский и Павлоградский полки, пополненные новыми силами в освобожденных городах и селах, должны были снова выступить в боевой поход.

Впереди — Екатеринослав.

С апреля 1918 по декабрь 1919 года этот город несколько раз переходил из рук в руки.

После одного из боев за освобождение Екатеринослава, в январе 1919 года мы похоронили в братской могиле на Соборной площади погибших красноармейцев, а среди них и друга моего детства, бойца Новомосковского повстанческого полка Ивана Щербину.

Ни слез, ни речей — только прощальный салют разрывает зимнее небо над городом и болью в сердце отдаются жалобные звуки траурного марша.

Горячая любовь к своему народу, лютая ненависть к врагам революции придавали нам новые силы в ожесточенных боях за власть Советов.

В РАЗВЕДКЕ

Когда петлюровцы захватили Губиниху, командир Голубовского партизанского отряда сказал:

— После крещения и к нам прибудут «гости»...

Так оно и случилось: январской ночью начался артиллерийский обстрел соседних с Губинихой сел.

Надо было немедленно разведать силы противника в Губинихе.

— Я пойду, — вызвался русый паренек Овсий Куценко, не раз уже «нюхавший порох» в партизанских операциях.

— Постой, хлопче, — медленно проговорил Ефим Чепур, — не тебе туда идти, тебя же в Губинихе знают и стар и мал.

Чепура поддержал Антон Северин:

— Ты прав, Ефим, нечего ему нести голову в петлюровское пекло...

Наступила неловкая пауза. Все присутствовавшие в хате — штабе отряда — растерянно переглянулись, посматривая то на командира, то на Куценко. Вдруг со скамейки поднялся человек в солдатской гимнастерке со свежими следами от погон:

— И я так думаю, Овсию нельзя туда, пропадет не за понюх табаку. Меня пошлите...

Солдат бывшей царской армии Федор Кравец вернулся домой без ноги. Балагура и весельчака, его искренне любили все голубовцы. Но стоит ли шутить сейчас, в такое тревожное время!

— Вот те и на! — вырвалось у кого-то.

Но Федор настаивал:

— Пошлите меня — и точка!

Его доводы были достаточно убедительны:

— Я же только полгода в селе, а не был больше двух лет. Вот и не узнают меня в Губинихе так быстро, как Овсия. Это раз. А что одноногий, так, по моему разумению, это еще и лучше для дела...

И Федор Кравец изложил свою, как он выразился, стратегию и тактику.

Весь отряд собирал Кравца в разведку.

Напялив латаный-перелатанный зипун, Федор скомандовал: «Давай!» — и хлопцы посадили его на чесоточную клячонку — одно из необходимых условий, выдвинутых Кравцом. Положили в мешок чуть живого поросенка («Дед Борис давно просил: застрели, Федя, ведь это и не поросенок, а черт знает что»), привязали мешок сзади седла — и в дорогу.

Недалеко от Губинихи Кравца остановил петлюровский патруль.

— Откуда и куда это вы, уважаемый? — спра-

шивает офицер в синей гимнастерке и смушковой шапке с отвислым верхом и кисточкой.

— Из Голубовки, — бодро отвечает Федор. — Домой еду, в Губиниху.

— А зачем ездил?

— Поросенка купил...

— Обыскать! Наверное, партизан!

Несколько петлюровцев бросились к Кравцу.

— Да бог с вами, господа! Где ж вы видели, чтобы калека безногий был в партизанах?.. — и Федор, закатав штанину, показал протез.

Петлюровцы, казалось, немного успокоились, но Кравца не отпустили. Тем временем один из них вытряхнул из мешка поросенка, а он и на ногах не держится.

— Зачем же ты эту дохлятину купил? — смеется офицер.

— Да он же живой был, это они, ваше благородие, его придушили, — едва не плачет Федор, показывая рукою на солдат. — Прикажите, ваше благородие, пусть положат в мешок, ведь я же с лошади не слезу...

Офицер резко перебивает Кравца:

— Партизан где-нибудь видел?

— Конечно, видел.

— Так, так. Интересно. А где именно?

— Да везде, ваше благородие, и в Голубовке есть...

— Много их? — уже кричит офицер.

А Федор разводит руками:

— Да бог его знает, нельзя было подсчитать. Они, ироды, прогнали меня с базара, потому что лошаденка-то чесоточная, а от нее, говорят, зараза...

Офицер брезгливо отшатнулся.

— Чего ж ты, болван, разглагольствуешь тут? Убирайся ко всем чертям, чтобы и духа твоего не было!

Как раз это и надо было находчивому разведчику.

Командование Голубовского партизанского отряда получило в тот день точные данные: на станции Гу-

бинихе стоит бронепоезд, на нем две трехдюймовые пушки, двенадцать пулеметов и вокруг около ста солдат.

НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ

Еще как следует не зажили наши раны после многочисленных и ожесточенных стычек с петлюровцами, григорьевцами и прочим буржуазно-националистическим сбродом, как на Екатеринославщину хлынула белогвардейская армия генерала Деникина.

Деникинцы возвращали помещикам земли, а буржуазии — фабрики и заводы. Они восстанавливали царские «порядки» в селах и городах нашей губернии, беспощадно расправлялись с бойцами партизанских отрядов, с коммунистами, комсомольцами и работниками органов советской власти.

Недобитые молодчики из гетманских «куреней вольного казачества» и петлюровцы снова повылезли из своих нор. Подбирая объедки с деникинского стола, они готовы были и впредь продавать свой народ, землю, обильно политую потом и кровью трудящихся.

В начале июня 1919 года комсомольца Ермолая Яланского и меня направили в Павлоград — в помощь оперативной группе по борьбе с контрреволюцией.

Снова Павлоград... Вспомнились дни учебы в учительской семинарии и первый бой у Павлоградских хуторов...

Но сейчас не до воспоминаний. Спешу.

...Из окон хорошо освещенного дома льются звуки вальса, то и дело заглушаемые громким смехом, возгласами и аплодисментами.

Да, Мещанская, №...

Мне открыла сама пани Бурхановская. И хотя я назвал пароль, она подозрительно смерила меня взглядом.

— Заходите, пожалуйста, — промолвила она дрожащим голосом, видимо догадываясь, что впускает в дом не того, кого следует.

В просторной, роскошно обставленной комнате полно празднично разодетой молодежи. На столе стаканы с недопитым чаем, пестрые обертки от конфет, ореховая скорлупа и пепельница с окурками.

Меня, конечно, здесь не ждали.

Когда я вошел в комнату, из глубокого кресла вскочил высокий чернявый юноша.

— Хижняк?! — воскликнул он, выхватывая из кармана маленький офицерский револьвер.

Однако оружие моментально оказалось в руках у Ермолая Яланского, уже несколько часов «гулявшего» в кругу «светской молодежи»...

Я тоже узнал своего бывшего товарища по учебе Григория Кривошею. За год он заметно подрос, отпустил черную шевелюру. На нем была новенькая военная форма, хорошо сидевшая на стройной фигуре.

— Видишь, как мир тесен, — сказал я, подходя к нему. — Вот мы снова встретились...

В ту ночь мы помогли раскрыть подпольную контрреволюционную организацию, одна из явок которой была в городской квартире полковника царской армии помещика Бурхановского.

После того как восставшие крестьяне выгнали Бурхановских из их поместья в Александровской волости, они скрывались в Павлограде.

Завоевав доверие местных властей, Бурхановская устроилась медсестрой в военном госпитале, а жена ее брата, поручика царской армии, — машинисткой в уездном исполкоме.

Со дня на день они ожидали полковника Бурхановского и его шурина — поручика, которые должны были явиться с деникинцами, наступавшими на Павлоград.

Возглавляемая нашими «старыми знакомыми» — бывшим директором семинарии Виноградовым, преподавателем Марченко и священником Гладким, — вражеская организация готовилась разоружить не-

большой советский гарнизон, чтобы без боя сдать Павлоград деникинцам.

Эти враги народа распространяли среди населения провокационные слухи о «неминуемой катастрофе красных», о том, что «белая армия вот-вот освободит Россию от большевистского кошмара». Запугивая молодежь, они пытались сорвать мобилизацию в Красную Армию.

На рассвете оперативная группа обнаружила в помещении семинарии склад оружия — итальянские винтовки, австрийские гранаты, несколько десятков ящиков патронов, много холодного оружия — сабель и кинжалов.

В Павлограде мне вообще «везло» на неожиданные встречи. Как-то мы с Ермолаем Яланским проходили по железнодорожной платформе. Вдруг меня кто-то окликнул из арестантского вагона. Смотрю, сквозь решетку мне машет рукой... Грицько Бублик.

Глазам своим не верю. Подошел поближе — да, это он, Грицько Бублик. А мы были уверены, что павлоградский «курень» давно разгромлен и от Бублика, как еще в семинарии шутил Савва Божко, осталась одна дырка. А он жив-здоров!

— Забудем, Петро, давние ссоры, — заискивающе начал он. — Мы ведь братья украинцы, и нам надо всем вместе... против общих врагов, которые нашу неньку Украину...

— Какой ты мне брат! — резко перебил я его. — Серый волк тебе брат!

Ермолай Яланский, хорошо знавший о наших прошлых стычках с кулацкими сынками в семинарии и о «подвигах» Бублика и его дружков, засмеялся:

— Ты смотри, какой нашелся сынок у неньки Украины! То продавал ее немцам и австрийцам, а теперь хотел продать Деникину. Не будет по-твоему!

...Будто пуля, внезапно попавшая в грудь, поразила меня в те дни тяжелая весть: обороняя Новомосковск от деникинцев, в конце июня 1919 года погиб герой Октября, организатор Социалистического союза молодежи в Николаевке, командир взвода Новомосковского гарнизона Иосиф Коцюба.

Дорогой мой друг! Ты имел счастье видеть нашего вождя Ленина, ты первый принес нам его вещее слово о земле и мире, о свободе трудящихся. Тебя убил проклятый палач Деникин...

Так не будет врагу пощады!

«ПОВОРАЧИВАЙТЕ, ХЛОПЦЫ, ДОМОЙ!»

Летом 1919 года Екатеринославщину захватили деникинские войска. В то время многие мои земляки дрались с врагом в составе 46-й дивизии. Группу бойцов и командиров дивизии, и меня в том числе, направили в Екатеринославскую губернию для оказания помощи партизанским отрядам в тылу деникинцев.

И вот мы снова отправляемся в родные места. Задание: добраться до Самарского леса в районе села Ивано-Михайловка Новомосковского уезда.

Здесь, в урочище Казачий Гай, мы нашли штаб Новомосковского полка. Быстро познакомились с партизанами — бойцами полка, рассказали о злодеяниях деникинцев. Командир полка коммунист Александр Молибога ознакомил нас с планом боевых действий на ближайшее время.

Полк готовился к наступлению на Новомосковск...

...Скоро год, как я оставил Николаевку. По ночам мне снится балка Коробчина, вспоминаются мать и отец, сестры Дуня и Паша, об этом думаешь днем и ночью...

Удалось мне заскочить на часок в Николаевку. Как раз в этот день — было воскресенье — сюда сгоняли из окружающих сел мобилизованных в деникинскую армию.

На площади около волостной управы только что состоялся молебен «во славу русского оружия»... Рыдают матери, целуя и обливая слезами своих сыночков, которых угоняют на смерть.

Волостной старшина старается перекричать шумную толпу — ему надо сделать перекличку новобранцев, распределить их по подводам и отправить в Новомосковск.

— Да замолчите же вы! — кричит волостной писарь Мусий Литвиненко, подавая старшине список мобилизованных. — Дайте прочитать!..

— Много читать, да нечего слушать!

С этими словами вскочил на крыльцо волости Дорофей Бутенко, выхватил из рук старшины списки и начал их рвать на мелкие клочки.

Люди, которых, казалось, ничем нельзя было утихомирить, сразу умолкли, пораженные появлением Бутенко.

— Именем ревкома мобилизацию в белую армию отменяю!

Площадь радостно загудела.

— Товарищи селяне! — продолжал Дорофей. — Деникинский палач Май-Маевский залил кровью мирного населения улицы Екатеринослава. Он возвращает буржуям фабрики и заводы, а помещикам экономии, чтобы они снова сели нам на шею...

Бутенко рассказал николаевцам о последних событиях в губернии, призвал молодежь вступать в партизанские отряды.

— Под Новомосковском лежит в могиле наш земляк матрос Иосиф Коцюба. Его убили деникинцы. А теперь и вас хотят погнать воевать против своих братьев.

— Не пойдем!

— По домам, хлопцы, по домам!..

Почти все подводы разъехались из Николаевки.

Но ревком этим не ограничился. Под вечер к нашему селу начали подъезжать подводы с новобранцами из других волостей. На окраине их встречали местные партизаны, посланные уполномоченным ревкома Дорофеем Бутенко.

— Николаевские хлопцы уже дома, — остановил большой обоз Гаврила Лебеденко.

— Поворачивайте, хлопцы, домой! — кричал около другого обоза Олекса Скакун. — Ревком отменил мобилизацию...

Несколько обозов, шедших из Почино-Софиевки, «обработал» Игнат Лебеденко.

Как ни старались уполномоченные волостных

управ собрать мобилизованных, ничего у них не получилось.

— Домой, домой! — раздавалось вокруг, и кони, казалось, сами поворачивали к своим селам.

Так была сорвана в наших местах деникинская мобилизация. Пять тысяч молодых крестьян стали резервом для пополнения партизанских отрядов.

ЕЩЕ ОДИН БУБЛИК...

Наш повстанческий полк под командованием Александра Гордеевича Молибоги 1 ноября 1919 года с боем занял Новомосковск, выгнав оттуда деникинцев.

А через несколько дней против нас была брошена так называемая «дикая» кавалерийская дивизия чеченцев и отдельный кавалерийский офицерский полк. Мы вынуждены были отступить и оставить только что отвоеванный у врага город.

Новомосковский полк ушел в глубь уезда и небольшими подразделениями вел там бои с деникинцами.

В Новомосковском уезде в это время действовал карательный отряд. Это была бандитская шайка, атаманом которой деникинцы поставили кулака Бублика.

Еще один Бублик, еще один предатель! Может, близкий родственник Грицька Бублика, которого наши чекисты вывезли из Павлограда?

После набегов банды Бублика всюду оставался кровавый след. Слезы вдов и сирот, пепелища на месте, где недавно стояли хаты мирных крестьян, взывали к мести.

От рук озверелых бандитов погиб командир роты нашего полка Панас Коцюба. Мы решили отомстить за смерть боевого товарища и устроили налет на усадьбу Якова Компанийца, где, как установила наша разведка, должны были ночевать каратели.

Наша группа, состоявшая из десятков бойцов, ночью бесшумно проникла в сад, подобралась к дому,

в котором после пьянки спали бандиты. Тихая команда, и в окно полетела граната. Бандиты, беспорядочно стреляя, выбегали во двор в одном белье. Но ни одному не удалось уйти...

Забрав оружие карателей, мы вывели из конюшни оседланных лошадей. Таким образом в нашей группе появились кавалеристы.

Но не успели мы сесть на коней, как с чердака амбара раздались выстрелы.

— Кто бы это мог быть? — удивлялись мы. — Ведь бандитов всех ликвидировали.

Оказалось, что это хозяин усадьбы помещик Яков Компаниец засел на чердаке и открыл огонь.

В таких стычках дорога каждая минута. Чтобы не терять времени на перестрелку, мы решили поджечь амбар.

— Так он же под железом! Жди, пока разгорится... — заметил кто-то из бойцов.

Недолго думая, подсоединили к пожарной машине оказавшуюся тут же бочку с керосином, облили амбар, подожгли, и огонь сразу же охватил всю постройку.

Компаниец еще некоторое время отстреливался. Но когда железо начало коробиться от огня и густой дым заполнил чердак, он пустил себе пулю в лоб.

— Собаке собачья смерть! — говорили бойцы, возвращаясь с операции...

...Долго разыскивали партизаны атамана Бублика, но так и не смогли его поймать. Вскоре стало известно, что после разгрома деникинской армии он убежал в Ташкент и под чужим именем устроился на завод. Потом говорили, что Бублика видели в Актюбинске на вокзале: он собирался перебраться в Сибирь. Но в Кзыл-Орде он был задержан чекистами. Его привезли в Екатеринослав и здесь судили.

Не удалось убийце уйти от сурового народного суда! Когда огласили смертный приговор Бублику, все присутствующие в зале суда в один голос заявили:

— Катюге по заслуге!

О ЧЕМ НЕ НАПИСАНО В УЧЕБНИКЕ

В школьном учебнике по истории СССР, изданном после Великой Отечественной войны, есть такие строки:

«В селе Голубовке (Екатеринославской губернии) у захваченного белыми партизана на груди была вырезана пятиконечная звезда...»

— Видишь, Петро, и нашу Голубовку вспомнили! — сказал Федор Кравец, когда мы с ним встретились в родных местах после войны.

Он погладил рукой страницу учебника, глубоко вздохнул и задумчиво промолвил:

— «...У захваченного белыми партизана...» А разве не заслужил он, чтобы весь народ знал его светлое имя?..

И вдруг будто раздвинулись стены уютной комнаты, и перед нашим мысленным взором прошли овеянные грозой дни беспокойной юности.

Когда в Голубовке провозгласили советскую власть, 22-летний Овсий Куценко сразу же взялся обучать грамоте недавних батраков и батрачек.

Казалось, он не мог и минуты усидеть на месте. Вот Овсий спешит в Новомосковск и в тот же день привозит тетради и карандаши, буквари и портреты великих борцов за свободу. Да еще и красной материи на флаг для волости. А вот он читает крестьянам газету, разъясняет слова, которых здесь никто сроду и не слышал. Когда послушаешь Овсия, как он все толково объясняет, становится ясно: отобрали у помещиков землю и роздали ее бедноте — это и есть экспроприация экспроприаторов; и солдат, и рабочий, и крестьянин теперь заодно, и у нас должно быть полное согласие во всем — солидарность; чтобы люди жили на земле, как одна семья, где не будет ни богатых, ни бедных, все будут трудиться, а все добро — на все общество, каждому столько, сколько ему надо, — так будет при коммунизме; а всякие чужеземцы, что на нашу землю и волю покушаются, и их прихвостни кулаки и гайдамаки — контррево-

люция, потому как они против революции и хотят все повернуть на старое...

Товарищ Ленин в Москве говорит: не будет старому возврата!

— Авжэж не будэ! — кивали головами голубовские бедняки, слушая рассказ Овсия.

Коммунист Овсий Куценко одним из первых вступил в партизаны и всегда вызывался идти на самые опасные задания, как тогда в разведку в Губиниху. За Овсием пошли сельские хлопцы, да не мало и пожилых людей, которым он рассказывал о светлом будущем. Пополняя Голубовский партизанский отряд, они грудью вставали на защиту молодой советской власти.

...Не имели покоя деникинцы в своем злодейском стане в Перещепине. То находят в овраге убитого офицера с запиской под фуражкой: «Горячий привет от партизан», то обнаружат развинченные рельсы на полустанке.

И деникинский карательный разъезд все чаще наведывается в Голубовку — ищут партизан. Хотя бы одного поймать из тех, что у них в списках значатся: Мусий Дмитрюк, Антон Северин, Ефим Чепур, Захар Бацун...

Как-то напали на след Овсия Куценко, но где там, из-под самого носа ушел и будто сквозь землю провалился.

Но недалеко убежал Куценко — голубовский шинкарь Ивко помог, спрятал его.

— Я их, аспидов, давно раскусил, еще в девятьсот пятом, когда чуть не пострадал за революцию, — тихо говорил Ивко, прикрывая Овсия соломой. — Полежи тут, голуба, а я присмотрю, чтобы ни одна собака не пронюхала...

И Ивко старческой трусцой вернулся в хату.

Рыщут по селу псы из Перещепинского стана *, — до Овсия доносятся глухие удары конских копыт, выстрелы, плач женщин и детей... В висках бьется горячая кровь, а сердце вот-вот выскочит из груди...

---

* Управление полиции.

В полночь в сарайчик пришел Ивко.

— Ну, слава богу, обошли мою хату, чтоб их лихая година не обошла! — Шинкарь принес Овсию крынку молока и коржик. — Поешь, голубе, а то совсем отощаешь.

Овсий быстро перекусил.

«Какие все же иногда несправедливые бывают люди! — думал он. — Выдумывают черт знает что, будто Ивко в девятьсот пятом году выдавал бунтарей и получил за это хорошую награду от жандармерии. Мол, остерегайтесь Ивка, и теперь он служит палачам. Брешут люди. Ведь вон какой... добрый и ласковый...»

— Спасибо, дядечка, что спасли меня.

Ивко подсел поближе к Овсию, обнял за плечи.

— А теперь слушай меня, голубе. Смотрю я на тебя — молодой, красивый, грамотей на всю Голубовку, а бегаешь, как затравленный заяц... Ну, скажем, еще раз я тебя спасу, а дальше что? Как говорят, хоть верть-круть, хоть круть-верть — одинаково смерть, пропадешь ни за понюх табаку.

Овсий слушал и никак не мог понять, к чему клонит шинкарь.

— Я их, проклятых, знаю еще с девятьсот пятого... — И шепнул на ухо Овсию: — Я их перехитрил!..

Еще долго рассказывал Ивко о том, как он «чуть не сложил голову за революцию через тех жандармов и становых».

— Можно и становых, которые в Перещепине, тоже перехитрить.

— Как же их перехитришь, если они расстреливают всех без разбора? — спросил Овсий.

Ивко схватил его за руку.

— А вот так. Утром пораньше пойдешь в Перещепино, явишься в жандармское управление...

Куценко резко отдернул руку и подался назад, будто перед ним сидел не ласковый дядько Ивко, а начальник деникинской жандармерии.

А шинкарь продолжал:

— Явишься в жандармерию будто с повинной. Вот тебе крест, не станут больше гоняться за тобой.

А если попросят, чтобы выдал голубовских партизан, не отказывайся, обещай, что я, мол, прослежу, а потом вам доложу. Отпустят они тебя на волю, а ты сразу ко мне, а я уже знаю, что дальше делать.

И по-юношески доверчивый Овсий Куценко поддался провокации подлого предателя шинкаря Ивко.

...В погожий августовский день в Голубовку въехала подвода, окруженная взводом деникинцев с саблями наголо. На подводе лежал окровавленный Овсий Куценко. На груди у него была вырезана пятиконечная звезда, а на спине выжжено: «Защищаю землю и волю...»

Остановив подводу у дома Куценко, офицер сказал, обращаясь к Овсию:

— Вот твоя мать! Пожалей хотя бы ее, скажи, где партизаны, и мы тебя оставим.

— Я никого не знаю... — простонал Овсий.

Своей мученической смертью большевик Овсий Куценко спас Голубовский партизанский отряд.

В поэме великого певца революции Владимира Маяковского «Владимир Ильич Ленин» есть волнующие строки:

Пятиконечные звезды
выжигали на наших спинах
панские воеводы.
Живьем,
по голову в землю,
закапывали нас банды
Мамонтова.
В паровозных топках
сжигали нас японцы,
рот заливали свинцом и оловом.
Отрекитесь! — ревели,
но из
горящих глоток
лишь три слова:
— Да здравствует коммунизм!

Это написано и про нашего боевого побратима Овсия Куценко, молодого крестьянина-большевика из села Голубовки.

И хочется, чтобы подрастающие поколения, изучая историю народной революции, прочитали и запомнили эту пропитанную кровью страничку...

Зверства карателей, кровавая расправа над Овсием Куценко поднимали крестьян Голубовки и окрестных сел и хуторов на борьбу с деникинцами. В партизанский отряд в те дни пришло сыше трехсот новых бойцов.

Некоторое время шло формирование и пополнение подразделений свежими силами. В лес приходили тайком, по одному, по два, и там учились стрелять, ухаживать за оружием, рукопашному бою и маскировке.

Командир конной группы разведчиков Федор Кравец охотно передавал молодым партизанам свой боевой опыт, добытый еще на русско-немецком фронте в империалистическую войну. В свободное время молодежь с удовольствием слушала рассказы Федора. А он был интересным рассказчиком.

Просят, бывало, хлопцы, чтобы Федор рассказал свою биографию.

— Да разве же у батрака была биография? — отвечал Кравец. — У батрака одни лишь злыдни и горе что море: ни переплыть, ни выплыть.

Был я у своего отца Иллариона Макаровича самым старшим, младше меня было еще пять братьев и три сестры. Как говорят, у нашего Омелечка небольшая семеечка...

В десять лет отдал меня отец внаймы к куркулю пасти лошадей и овец. Ночевал я в конюшне, чтобы и ночью следить за лошадьми.

Как-то заснул я, а жеребец оборвал поводок, бросился к другому коню. Разбили они ясли и перегородку, и мне досталось.

Утром хозяин устроил мне «допрос».

— Это что такое? — строго спросил он, показывая на разбитые ясли.

— Заснул я Никита Иванович...

— Я тебе, сучьему сыну, сон разгоню!

Схватил чересседельник, зажал мою голову меж ног и давай стегать. Месяц я не мог сесть...

Спасибо бабке Химке — дала гусиного жиру смазывать побитые места.

На рассвете надо гнать лошадей на пастбище. А держал меня хозяин на «диете», чтобы, случаем, не объелся — на целый день давал краюшку ржаного хлеба, луковицу и щепотку соли. Да еще и подгонял:

— Федька, скорей бери лошадей — и айда в степь, а то они уже зубами звонят!

Вот так я промучился целых три года. И не выдержал все-таки, решил бежать от этого хозяина, поискать другое место. Как говорится, хоть плохое, да иное. А дома, известно, пыль да копоть, а нечего лопать.

Взял меня в батраки куркуль Ивченко Игнат. Заставил вести в степь лошадей в ночное. А так как я был еще мал, послал со мной своего сына Ивана.

Как-то на рассвете Иван и говорит:

— Что-то мне кавуна * захотелось. Идем, Федька, пошукаем **.

Пошли мы на бахчу и начали «снимать пробу»: вырежем треугольничек, попробуем, и если кавун еще зеленый, вставим треугольничек обратно и тем местом положим на землю.

Порядочно мы поклеймили так кавунов, пока нашли спелый и сладкий.

Но это подглядел родственник Ивченко Гавриил и «шепнул» хозяину.

Пришли мы на обед. Хозяйка уже отрезала мне хлеба, хотела наливать в миску кулеш, когда выходит из другой комнаты «сам» (хорошо уже поспал после обеда).

— Слышишь, мать, сон мне привиделся, будто Федька с Иваном всю бахчу перерезали...

Хозяйка молча посматривает на меня и на Ивана.

— А ну, хлопцы, — продолжал Ивченко, — кто из вас тут такой смелый, как на бахче?

---

* Арбуз.

** Поищем.

Молчим.

— Ну?

Иван промямлил: «Не знаю». Но когда отец дернул его как следует за ухо, он заговорил:

— Федька надрезал, а я только переворачивал кавуны.

И выскочил из хаты.

А меня, раба божьего, Ивченко отодрал еще сильнее, чем тогда за сон на конюшне.

Целую зиму пролежал я больной, думали, окочурюсь. Но ничего, очухался... А дед Онисим говорил мне: «Не журись, хлопче, за битого двух небитых дают...»

Много рассказывал Федор — и о том, как потом нанялся к Порфирию Петрашу на срок от преподобного Алексея и до покрова («за харчи, да еще и одежину обещал справить кое-какую»), и как служил кучером на Голубовской почте, и как был на побегушках у лавочника.

И так до мая 1916 года, когда Федора Кравца забрали в солдаты на империалистическую войну.

Слушая рассказы Кравца, молодые партизаны-кавалеристы проникались глубоким уважением к своему командиру. В нем было и сочувствие Федору, прожившему нелегкую жизнь, и восхищение героизмом солдата.

Запомнился партизанам, например, такой эпизод.

Как-то Кравец отправился в очередную разведку. Он имел при себе карабин, наган и две гранаты. По дороге из Губинихи в Вольное порвался ремень, которым был привязан через плечо протез ноги, и Федор упал с коня.

А в это время на дороге показались три деникинских кавалериста. Они заметили Федора и бросились к нему. Деникинцы были уже в полуверсте от Кравца, когда ему удалось, наконец, снова подвязать протез и поймать коня. Он сел на коня лицом к приближающимся врагам и погнал его мелкой рысью в противоположном направлении. Когда деникинцы были уже совсем близко, Федор открыл огонь из карабина. Меткими выстрелами он уложил всех троих,

а сам благополучно добрался до партизанского штаба.

Кравец требовал от партизан своей группы строгого соблюдения воинской дисциплины. Он по памяти записал основные требования воинских уставов и заставлял бойцов неукоснительно придерживаться их.

Был в Голубовке в партизанской пехоте боец Иван Северин. Захотелось ему стать конником, чтобы под командой Федора овладеть всеми тонкостями кавалерийского дела.

Доложили об этом Федору.

— Хорошо, — сказал он, — возьму Северина к себе, только пусть достанет коня и явится в полной боевой форме.

Иван очень обрадовался и отправился добывать коня. Несколько дней его не было. Где он был и что делал, никто не знал.

И вот в один прекрасный день подъезжает наш Иван к Кравцу на костлявой кляче. Вместо седла две подушки, перетянутые веревочкой. На ремне через плечо винтовка со штыком (а это страшнейшее нарушение устава кавалерии).

Громким смехом встретили кавалеристы появление Ивана.

— Надо было бы еще и перину подмостить!

— Где ты достал такого рысака?..

Хотел бедолага доложить командиру конной группы «по всей хворме», но Федор как закричит:

— Вон отсюда! Не срами кавалерию!..

И добавил еще несколько крепких словечек, которые не стоит здесь приводить. Глаза Кравца налились кровью.

— Твое счастье, — продолжал он, — что ты круглый сирота и мой сосед. А то научил бы я тебя, дурака...

Но потом, успокоившись, Федор смилостивился и зачислил Ивана Северина в свою группу. И, несмотря на то, что Ивана еще долго называли «кавалеристом на перине», в боевых делах он показал себя бесстрашным и находчивым партизаном.

Вместе со всеми партизанами Голубовки Северин принимал активное участие в разгроме деникинцев в Перещепине.

После того как Федор Кравец провел разведку, темной осенней ночью группа партизан незаметно пробралась в село. В помещении деникинской полиции беззаботно отдыхали белогвардейцы, а часовые, убаюканные осенним ветром, дремали на своих постах.

Партизаны бесшумно сняли охрану и затем ворвались в здание полиции. В несколько минут были уничтожены почти все белогвардейцы. Освободив 18 арестованных и забрав лошадей и оружие деникинцев, партизаны скрылись в лесу.

ТАЙНА КАЗАЧЬЕГО ГАЯ

ИЗ ДАВНИХ ЛЕТ

Когда-то давно наш край назывался Присамарье — от названия речки Самары, по берегам которой селились наши предки. Вдоль левого берега Самары, чуть ли не на пятьдесят километров — от села Одинковки и до самого Павлограда — тянется Самарский лес: развесистые дубы и стройные сосны, нарядные березы и густые кустарники, дикие яблони и груши, терн и калина...

Легендарной славой овеяны речка Самара и Самарский лес.

Здесь, на землях войска Запорожского, храброе казачество точило сабли на обнаглевших вояк султанской Турции и крымского ханства...

Наверное, тогда и назвали большое урочище в середине Самарского леса Казачьим Гаем.

Не в этом ли урочище триста лет тому назад сосредоточил свое войско кошевой атаман Запорожской Сечи Иван Сирко?..

История рассказывает: в 1660 году татары подошли к реке Самаре. Иван Сирко сделал засаду, и когда татары высаживались на песчаный берег, неожиданно напал на непрошеных гостей и наголову разгромил их. Битва проходила в песчаных холмах устья Самары, где, по легенде, было «черепов видимо-невидимо, а кровь запеклася на четверть аршина...»

Возможно, что именно в Казачьем Гаю скрывался и единомышленник Емельяна Пугачева Журба. В «Материалах для историко-статистического описания Екатеринославской епархии» за 1880 год говорится о том, что в 1774—1775 годах в этих местах «появились тайные враги общего спокойствия — мятежники... из... партии Пугачева; они шукали (искали) здесь якобы живого в бозе почившего государя-императора Петра третьего и своими поисками волновали и беспокоили народ. В августе месяце 1774 года один из таких... именующий себя полковником, Василий Злой, он же Журба, появился в Старой Самаре. Один слух об этом взволновал народ и произвел общий переполох...»

А сколько еще волнующих тайн седой старины мог бы поведать Казачий Гай!..

ЛЕНИН ДУМАЕТ О НАС

Своеобразной тайной Казачьего Гая были в дни нашей молодости и те события, о которых я теперь рассказываю.

Для руководства подпольными партийными организациями и партизанскими отрядами, действовавшими в тылу деникинской армии, Центральный Комитет Коммунистической партии (большевиков) Украины создал Зафронтовое бюро, одним из руководителей которого был С. В. Косиор.

Летом 1919 года Зафронтовое бюро ЦК КП(б)У направило в наши места группу товарищей для руководства повстанческой борьбой на Лозово-Синельниковском направлении. Командующим повстанческими советскими войсками на этом участке был назначен Г. А. Колос, а начальником штаба — Н. М. Никитин-Макаров.

Местом расположения штаба был избран Казачий Гай. Находящееся в глубине Самарского леса, это урочище стало центром всей партийной и военной работы в довольно большом районе занятой деникинцами территории. Старый ветвистый дуб с большим глубоким дуплом служил своеобразным сейфом штаба. Здесь сохранялись секретные документы.

С тех пор начался новый этап в развитии партизанского движения в Новомосковском и Павлоградском уездах.

Уполномоченные Зафронтового бюро ЦК КП(б)У, штаб войск Лозово-Синельниковского направления взяли в свои руки всю работу по созданию и вооружению новых партизанских отрядов в окрестных селах. Надо было охватить революционным влиянием крестьянские массы, поднять их на борьбу против деникинцев. Ведь, разрушая вражеский тыл, партизаны оттягивали войска Деникина с фронта и тем самым содействовали успешному наступлению Красной Армии.

В условиях того времени на Украине не так просто было это организовать. Во многих селах стихийно возникали отряды, во главе которых стояли и «атаманы» и «батьки», думавшие каждый по-своему устанавливать порядок в волости, уезде, а то и на всей Украине.

То была «партизанщина» в худшем смысле этого слова.

Надо иметь в виду еще и то, что определенная часть трудящегося крестьянства попадала под влияние украинских буржуазных националистов и махновцев. Даже во главе отдельных партизанских отрядов, находившихся в Самарском лесу, в том числе и некоторых подразделений нашего Новомосковского повстанческого полка, в течение определенного времени стояли командиры махновской ориентации.

Руководствуясь указаниями Зафронтбюро ЦК КП(б)У, штаб повстанческих войск Лозово-Синельниковского направления вместе с политработниками действующих частей Красной Армии, направленными в наши места, развернул борьбу за привлечение трудящихся крестьян в ряды советских партизан, а также за соединение с Красной Армией.

Для проведения разъяснительной работы среди партизан и населения штаб выделил специальную группу политработников.

Была в штабе маленькая печатная машина, шесть пудов шрифта и немного плотной бумаги, в которую раньше заворачивали «головы» сахара. Политработники организовали печатание листовок, которые затем тайно распространялись среди крестьян.

Командование привлекало и нас, комсомольцев и молодежь, к оперативной и политико-массовой работе. Ермолай Яланский и я некоторое время работали в оперативной группе штаба полка. К другим отделам были прикреплены мои земляки-николаевцы Денис Турченко и Прокофий Чмырь, а также Федор Носенко из Губинихи.

Иногда нам доставляли издаваемые Екатеринославским подпольным губкомом листовки и газету «Молот». Но чаще всего мы узнавали о событиях на фронтах и в стране от старших товарищей — политработников и командиров.

В Казачий Гай доходили, хотя и с большим опозданием, вести и из Москвы. Так как московские газеты попадали к нам очень редко, нам устно передавали содержание выступлений Владимира Ильича Ленина.

Мы знали, что вождь думает о нас, партизанах

Украины, знает, какие муки претерпевает украинский народ от белогвардейцев, и верит, что рабоче-крестьянская Красная Армия с помощью повстанческих отрядов вскоре освободит родную землю от деникинцев и других врагов.

Слово Ильича ободряло нас в тяжелейшие дни лета и осени 1919 года, поднимало массы крестьян на борьбу за власть Советов.

Нам рассказывали, что товарищ Ленин выступил 4 июля в Москве с докладом о современном положении и высказал сердечное сочувствие крестьянам Украины в их горе и твердую уверенность в близкой победе над ненавистным врагом. Великий вождь трудящихся говорил тогда о катастрофе, которая обрушилась на все украинское крестьянство и крестьян полосы, прилегающей к Украине и Дону. «Мы прекрасно знаем, — говорил В. И. Ленин, — что сила украинского крестьянства свергнет силы Деникина, мы знаем, что те удары, которые им нанесены, чрезвычайно тяжелы, но они пробудят в них новое сознание и новые силы».

И вышло, как Ленин сказал: в октябре на Лозово-Синельниковском направлении действовало уже сорок партизанских отрядов, в состав которых входило свыше 20 тысяч бойцов. А через месяц наш партизанский край насчитывал уже 35 тысяч бойцов, из них около трех тысяч выступали под знаменем Новомосковского полка.

ПОЛКОВАЯ ЯЧЕЙКА

Все больше молодежи вступало в наш полк. И вот осенью 1919 года мы решили создать полковую комсомольскую ячейку.

Кроме Яланского и меня, в полку было еще 6 комсомольцев — бывших бойцов 46-й дивизии. Председателем комсомольской ячейки избрали меня.

В свободное время, когда не было боевых заданий, комсомольцы проводили беседы с партизанами, преимущественно с новичками. Основной темой бесед

было «Положение на фронтах». На старой географической карте мы показывали, где и какие именно войска Красной Армии воюют, кто командует ими.

Особенно подробно расспрашивали хлопцы о командирах крупных соединений советских войск — действительно ли они не панского рода... В штабе нас проинструктировали по этому вопросу и роздали коротенькие биографические справки о полководцах Красной Армии. Поэтому мы могли конкретно отвечать на такие вопросы.

Удивленные и приятно пораженные, узнавали молодые партизаны, что героической Первой Конной, громившей тогда белогвардейцев на Украине, командуют бедняк Семен Буденный и рабочие Клим Ворошилов и Ефим Щаденко; крестьянин-бедняк Павел Дыбенко освобождал Украину от австро-немецких захватчиков и теперь громит белогвардейцев под Царицыном... А председателем Всеукраинского революционного комитета является один из вернейших учеников Ленина, екатеринославский рабочий Григорий Иванович Петровский.

— А говорили, будто переодетые царские генералы и полковники там командуют и все равно лупят горемыку селянина, да и над рабочими тоже издеваются, — сказал паренек из новичков и смущенно взглянул на меня.

Но мне уже не надо было опровергать махновскую брехню — сами хлопцы высмеяли того паренька.

— А ты, дурной, и поверил...

— Да разве же товарищ Ленин дозволит обижать нашего брата!..

Считая этот вопрос выясненным, партизаны интересовались, как будет с земельными наделами, не слышно ли, что делается в Германии и в других странах, — не думают ли и там сбросить буржуев?..

Был обычный день партизанской жизни. Федор Кравец вел конную разведку на Попаснянской дороге. Молодой партизан из Голубовки Грицько Деберина с группой бойцов поехал на Дудковские хутора за продуктами. Полковой фельдшер отправился

в Новомосковск достать медикаменты, а заодно разведать обстановку в городе.

К вечеру все вернулись в Казачий Гай.

После ужина мы принимали в комсомол сына бедняка из села Всесвятского Евгения Шведченко. Это был храбрый воин и способный командир взвода. Он только что вернулся из пешей разведки в район сел Евецко-Николаевки и Вольного и уже доложил штабу о результатах.

Читаем его заявление:

«Прошу зачислить меня в ряды борцов за мировую революцию и принять в ячейку Коммунистического союза молодежи Новомосковского повстанческого полка.

Красный боец *Е. Шведченко*».

С Евгением Шведченко я познакомился еще до революции, когда приходил в гости к сестре Паше, служившей у священника в селе Всесвятском. Я сказал, что поддерживаю просьбу Шведченко, потому что знаю его как честного хлопца, хорошего товарища и смелого партизана.

Собрание единогласно приняло Евгения в комсомол.

Принятым в комсомол мы выдавали временные удостоверения, написанные от руки. Подпись председателя комсомольской ячейки ничем не скреплялась — печати мы не имели. И так как денег в партизанском обиходе не было, «уплату» членских взносов я отмечал в списке крестиком. Это означало, что после восстановления советской власти каждый комсомолец будет иметь право внести деньги за все месяцы сразу.

Правда, это мы сами решили, потому что ни от Екатеринославского подпольного губкома комсомола, ни от Украинского (Зафронтового) бюро ЦК РКСМ *

---

* В связи с тем, что Советскую Украину захватили деникинские войска, вместо избранного на I съезде комсомола Украины ЦК КСРМУ в августе 1919 года было создано Украинское (Зафронтовое) бюро ЦК РКСМ. Оно направляло деятельность подпольных комсомольских организаций на Украине.

С 3 февраля 1920 года руководящим органом комсомола Украины снова стал ЦК КСРМУ. *(Примеч. редакции.)*

никаких указаний тогда не имели, да и о существовании этих руководящих комсомольских органов узнали значительно позже.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Холодная зимняя ночь. Спит Казачий Гай, и только слышно, как поскрипывает снег под ногами часовых...

Вдруг ночную тишину разорвал звонкий голос:

— Стой! Кто идет?

— Да свои, — сердито ответил Евгений Шведченко, останавливая подводу у штаба нашего полка. — Принимайте «жертву революции»...

На санях стонал девятнадцатилетний партизан Махота.

Пока наш фельдшер и санитары перевязывали раненого, весть о чрезвычайном происшествии облетела весь Казачий Гай.

Необычайность в этом событии состояла в том, что в Махоту стрелял комсомолец Евгений Шведченко.

«Вот тебе и храбрый воин и способный командир», — вспомнил я свое выступление на собрании во время приема Шведченко в комсомол.

Тем временем в подразделениях уже разгорались горячие споры вокруг этого происшествия.

По совету уполномоченного Зафронтбюро ЦК КП(б)У тов. Железняка, находившегося в те дни в нашем полку, мы утром созвали экстренное собрание партизан.

Взяв меня под руку, Железняк предложил «пройтись немного по лесу», пока соберутся партизаны.

— Ты не горячись, товарищ Хижняк, — сказал он мне.

Невысокого роста, Железняк то и дело поднимал голову, чтобы заглянуть мне, долговязому, в глаза. Говорил он медленно и мягко, делая небольшие паузы, будто для того, чтобы я успел продумать его слова, осознать их.

— Ведь ты же не просто партизан, а председа-

тель комсомола, — говорил Железняк. — А руководители должны давать каждому делу прежде всего политическую оценку. — Он сделал ударение на этом слове: — Понимаешь, политическую! А сколько того сала взято во Всесвятском и кто там первый стрельнул, это не имеет решающего значения.

И действительно, я увлекся было выяснением подробностей этой неприятной истории и уже хотел ставить вопрос перед ячейкой КСМУ об исключении Шведченко из комсомола.

Уже пора было начинать собрание, и Железняк закончил нашу короткую беседу:

— Ну, пойдем послушаем, что люди думают, а потом и свое слово скажем.

Что же случилось во Всесвятском?

Боец 3-й роты нашего полка Махота получил разрешение командира наведаться домой, в Андреевку, а очутился почему-то во Всесвятском.

Евгению Шведченко тоже разрешили ненадолго заехать домой. По соседству со Шведченко жила беднячка вдова, сын которой служил в Красной Армии.

И вдруг слышит Евгений — соседка плачет, а кто-то кричит на нее. Выбежал из хаты — и к соседке.

— Что же ты, негодяй, забираешь у вдовы последнее? — набросился Евгений на Махоту, державшего в руках кусок сала фунта на три и буханку черного хлеба.

— Для революции беру, в Казачий Гай, — огрызнулся Махота. — Небось и сам будешь лопать, когда вернешься в полк.

Шведченко знал, что в полку продукты есть — недавно Деберина привез с Дудковских хуторов. Ложь Махоты еще больше озлила его.

— Сейчас же отдай все, и вон отсюда! — крикнул Евгений.

— А ты не командуй, я тоже имею чем командовать, — зло усмехнулся Махота, вынимая из-под полы обрез.

Вот тогда Шведченко и выстрелил из револьвера в Махоту.

— Чтобы больше не грабил селян...

На собрании поднялся страшный шум. Каждый по-своему реагировал на случай во Всесвятском.

— Так только махновцы делают, — сказал Федор Носенко. — Молодец Шведченко, что отучил грабить...

Прокофий Чмирь попытался уравновесить вину обоих партизан:

— Известно, нельзя обижать вдову и вообще грабить, но и убивать красного партизана тоже не того...

— Так он же его не убил!

— А если бы в сердце попал?

— Так ему и надо!..

Я хотел успокоить хлопцев, несколько раз поднимал руку, но Железняк, стоявший рядом, шепнул мне:

— Подожди, подожди, пускай люди скажут, а мы потом.

Когда мне дали слово, я не знал, с чего начинать. Мои мысли перепутались с советами, которые давал мне перед собранием Железняк.

Я резко осудил недопустимый поступок Махоты, но и о Шведченко сказал, что он не имел права стрелять.

— Махновцев ругаем, а сами делаем, как они — самосудом расправляемся...

— Так Махота ж первым хотел из обреза, — перебил меня кто-то.

— Это не имеет решающего значения, — невольно повторил я слова Железняка и растерялся...

Тогда слово попросил Железняк. Шум постепенно утих, и все внимательно слушали представителя Зафронтбюро.

— За что мы воюем, товарищи красные повстанцы? — начал Железняк свое выступление вопросом. — Я знаю, каждый скажет: за освобождение советской земли от кровавого палача Деникина, за землю и волю наших отцов, братьев и сестер. Измученное крестьянство ждет не дождется часа, когда мы придем с красным знаменем в свои села и города. А зачем пришел во Всесвятское Махота? Отобрать у несчастной вдовы, матери красноармейца,

последний кусок хлеба, прикрываясь святым для нас словом «революция»!

Железняк говорил негромко, но твердо, и его взволнованные слова доходили до сердца каждого партизана — я это видел по лицам присутствующих на собрании людей.

И представитель Зафронтбюро, полностью овладев вниманием партизан, продолжал:

— Позорный поступок Махоты напоминает грязные дела махновских налетчиков. Они, видите ли, тоже считают себя партизанами, которые, мол, воюют за Украину. Но они только позорят высокое звание красных повстанцев и ваше честное имя, товарищи партизаны Новомосковского полка...

В конце собрания взял слово Евгений Шведченко.

— Я как раз так и думал, как говорил нам сегодня товарищ Железняк, — сказал Евгений, — и добром просил Махоту не трогать вдовьих харчей. Мы же красные партизаны, а не какие-то разбойники!..

Его голос задрожал; казалось, он вот-вот заплачет.

— Ну, хватит, — успокаивал Евгения Железняк. — Что было, то было, уже не вернешь. Но на будущее советую тебе сгоряча не стрелять. Ты бы его обезоружил да и привел к штаб, и мы бы его обществом судили...

В РЯДЫ КРАСНОЙ АРМИИ

Кончался 1919 год. Штаб Новомосковского повстанческого полка приказал мне пробраться в район села Перещепино, где, как говорили люди, действовали большие отряды партизан.

Что это за партизаны? Против кого воюют? Может, появился еще какой-нибудь «батько» из махновской шайки?..

Все это я должен был разузнать и доложить штабу полка.

Вокруг рыщут деникинские карательные отряды,

многочисленные банды, и, разыскивая своих, можешь оказаться в западне.

Но приказ есть приказ, и я отправился в путь.

С двумя мешками пшеницы в санях, на дне которых в сене спрятана винтовка с патронами, еду «на мельницу».

Не раз останавливали меня в дороге, расспрашивали, недоверчиво поглядывая, но, к счастью, отпускали.

Так проехал я верст тридцать и добрался, наконец, до Перещепина. И тут я увидел совершенно необыкновенную, даже для тех времен, картину: по улицам ходят солдаты... в английских шинелях.

«Вот так влип! — подумал я. — Что же делать? Бежать? Догонят, и на том закончится твой боевой путь...»

Прислушался, а «англичане» разговаривают по-украински...

Оказалось, что это бойцы 1-й Украинской повстанческой дивизии, которые в боях с белогвардейцами захватили английское обмундирование и использовали его для себя.

Штаб дивизии расположился в доме попа. Вынув пакет, который был зашит в шапке, я зашел в штаб и спросил:

— Кто здесь начальник?

Я, наверное, очень громко спросил, — работники штаба, оторвавшись от бумаг и карт, удивленно посмотрели на меня.

— Может, если это не секрет, скажете, кто вы такой? — улыбнувшись, спросил, подходя ко мне, высокий мужчина в полувоенной форме. Это был начальник штаба дивизии.

— Связной Новомосковского повстанческого полка Хижняк! — доложил я и подал пакет.

Быстро прочитав письмо, начальник штаба радостно воскликнул:

— Товарищи! Привет вам от новомосковских партизан! Выходит, мы здесь не одни...

Потом он распорядился, чтобы мне дали помыться и накормили.

— Пусть товарищ немного отдохнет с дороги, а мы тем временем подготовим ответ.

Я уже знал, что здесь расположились объединенные в дивизию партизанские отряды Полтавской, Екатеринославской, а также Курской и Орловской губерний.

На следующий день я возвращался с пакетом от штаба дивизии в Самарский лес, в свой полк. Вез меня старик из Миролюбовки, по фамилии Конощенко. Два его сына в Красной Армии, а он служит ездовым при штабе 1-й Украинской повстанческой дивизии.

Дорогой мы разговорились.

— И колы вже закинчиться оця веремия *, — спрашивает он, будто именно я могу дать ему исчерпывающий ответ на этот вопрос.

— А вот разобьем Деникина...

— То щэ якыйсь черт объявыться... И чого им, проклятущым, трэба вид нас?..

Я в меру своего скромного знания внутреннего положения страны объяснял Конощенко сложность обстановки и высказывал свои соображения о перспективах гражданской войны.

Недалеко от Голубовки к нам подсел местный партизан. Он рассказал, что накануне через их село прошел большой отряд деникинцев по направлению на Попасное. Пока что в селе спокойно.

Из Голубовки я верхом добрался до Казачьего Гая — в свой полк.

Пока я ездил в Перещепино, партизаны нашего полка разгромили отряд деникинцев под Новостепановкой.

Я вручил начальнику штаба пакет, который мне дали в штабе дивизии в Перещепине.

— На Голубовку! На Голубовку! — весело объявляли вскоре командиры взводов, собирая свои подразделения в дорогу.

Вечером наш полк соединился в Голубовке с частями 1-й Украинской повстанческой дивизии.

---

* Кутерьма.

А через два дня дивизия выступила на освобождение Новомосковска от белогвардейцев.

Но деникинцы, видимо разгадав наш замысел, успели занять оборону. Бой разгорелся южнее села Вольного. После трех часов ожесточенной схватки, во время которой обе стороны понесли большие потери, мы вынуждены были отойти в Самарский лес. Исход боя решило значительное превосходство деникинцев, заранее подготовившихся к обороне.

Плохо было с боеприпасами: на каждого бойца оставалось по 15 патронов, на каждый пулемет — четверть ленты и не больше сотни снарядов на все пушки.

Поэтому командование решило вести дивизию в район Полтавы — навстречу войскам Красной Армии, а Новомосковский полк оставался с задачей вести бои местного значения в присамарских селах.

Я уже говорил о том, что коммунистам и комсомольцам пришлось проводить большую агитационно-пропагандистскую работу среди бойцов повстанческих отрядов и жителей окружающих сел, искореняя остатки махновского влияния и привлекая людей в ряды Красной Армии.

Большую помощь в этом нам оказывали политработники красноармейских частей, действовавших в нашем районе.

Хочу привести один из документов — «Протокол общего заседания повстанцев» Новомосковского полка от 25 декабря 1919 года.

«*Слушали:* предложение командира бригады о том, как дальше быть повстанческим отрядам: или же присоединиться к красным регулярным войскам и сформировать 3-й красный полк 1-й бригады, или же быть партизанами.

Постановили: мы, повстанцы, сражались с деникинскими бандами в Новомосковском, Павлоградском, Константиноградском уездах, тем самым приносили лишь пользу общему благу революции и красным войскам, которых ожидали как победителей над контрреволюцией. Мы, повстанцы, не сложим оружия до тех пор, пока не уничтожим всей мировой контрреволюции, желаем встать в стройные ряды Красной Армии, для чего пред-

лагаем немедленно приступить формировать 3-й красный полк из нашего повстанческого отряда.

Да здравствует всемирная революция!

Да здравствует Красная Армия!

Да здравствует всемирная социалистическая республика!

Председатель собрания *Шулика*

Секретарь *Павленко»*.

И одна из тайн Казачьего Гая переросла в радостную весть: в Самарском лесу большевики собирают крестьян-тружеников, чтобы вместе с Красной Армией громить врагов Советской Украины.

Пополненная свежими силами партизан Новомосковского повстанческого полка, 1-я бригада 45-й Краснознаменной дивизии выступила в бой за освобождение украинской земли от деникинских банд.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ВЕСНА

ЛЕГАЛЬНЫЙ ГУБКОМ ДЕЙСТВУЕТ

Пролетарский Екатеринослав уже не раз встречал знаменательными событиями Новый год: в последних числах декабря 1917 года восставшие рабочие с помощью московских красногвардейцев разгромили гайдамаков и в новом году провозгласили в городе советскую власть; 31 декабря 1918 года части Красной Армии выгнали из Екатеринослава петлюровцев. Вот и теперь, 30 декабря 1919 года, свободные граж-

дане города читают радостное сообщение политотдела Реввоенсовета фронта о полном освобождении Екатеринослава от деникинских банд:

«Победоносная Красная Армия вырвала из рук палачей промышленное сердце Юга, подрубила один из главных сучьев, на котором сидела южная контрреволюция.

От Екатеринослава недалеко и до Ростова — столицы белых генералов, изгнанных из России помещиков, фабрикантов и иной сволочи.

Дорога к углю открыта.

И освобожденные Красной Армией рабочие и крестьяне Юга сторицей вознаградят нас за долгие месяцы наших лишений, голода и холода.

Освобожденная Украина даст нам хлеба.

Освобожденный Донецкий бассейн даст нам уголь.

Загудят наши фабричные гудки, застучат машины.

Сытые и одетые, мы с новой силой возьмемся за работу.

Контрреволюция сгинет!

Уйдут навсегда ужасные тени нашего прошлого. Яркими цветами радуги зацветет наша жизнь.

Вперед, рабочие и крестьяне!

На помощь нашей славной Красной Армии — гордости и красе трудящихся всего мира!

Да здравствует Красная Армия!

Да здравствуют освобожденные рабочие и крестьяне Юга России!»

В освобожденных городах и селах Екатеринославщины восстанавливалась советская власть.

Весной 1920 года политотдел 13-й армии направил нас — группу коммунистов и комсомольцев — в распоряжение Новомосковского уездного комитета КП(б)У. Здесь нас распределили по селам уезда. Меня направили в Губиниху для организации партийной ячейки и проведения массово-политической работы.

Несколько дней ушло на ознакомление с обстановкой.

С чего же начинать?

Прежде всего созвали организационное собрание коммунистов Губинихи и оформили ячейку КП(б)У. Председателем ячейки избрали рабочего мельницы Александра Лысогора.

В это же время партийные ячейки были созданы в Николаевке, Голубовке, Перещепино и Попасном.

Партийные организации быстро росли, преимущественно за счет бывших красных партизан и крестьян-бедняков.

Вскоре в Губинихе состоялось собрание коммунистов района, на котором был избран Губинихский райком КП(б)У.

Кто же возглавит райком партии, который должен взять в свои руки руководство большим районом, охватывающим 16 волостей Новомосковского уезда?

Коммунисты назвали имя Свичкаренко.

Архип Андреевич Свичкаренко родился, вырос в Губинихе в семье бедняка. В 1909 году он окончил церковноприходскую школу. Больше учиться не смог, пришлось идти батрачить.

Когда Архипу исполнилось двадцать лет, его забрали в царскую армию и послали на фронт, где он провоевал до 1918 года.

Дальше Свичкаренко мог и не рассказывать свою биографию, так как большинство коммунистов района очень хорошо знало о его боевой деятельности в годы гражданской войны на Украине.

Вернувшись с фронта домой, А. Свичкаренко вместе с подпольщиками Ф. Носенко, М. Хижняком, Ф. Копылом и Ф. Кулебой принимали деятельное участие в подготовке свержения гетманского режима в Губинихе и окрестных селах.

Командир пулеметчиков бронепоезда «За свободу»... Начальник штаба повстанческого отряда... Герой боев против австро-немецких оккупантов и против озверелых шаек Петлюры и Григорьева... Командир одного из крупных партизанских отрядов в Самарском лесу летом 1919 года...

Недаром же деникинцы обещали много тысяч рублей за голову Архипа Свичкаренко!..

И мы единогласно избрали Архипа Андреевича Свичкаренко председателем Губинихского районного комитета Коммунистической партии (большевиков) Украины. Секретарем райкома избрали меня.

Именно в те дни в наш райком пришел из Екатеринослава пакет с письмом, особенно взволновавшим нас, молодых коммунистов.

Вот этот, теперь уже исторический документ, написанный от руки на небольшом листке бумаги:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Екатеринославский Временный Губернский Комитет Коммунистического Союза Молодежи
28 января 1920 г.

Циркулярное письмо № 1
Всем организациям комсомола Екатеринославской губернии

Уважаемые товарищи!

В период подпольной работы уполномоченным Зафронтбюро при ЦК РКСМ тов. Мальчиковым был организован Екатеринославский губернский комитет для подпольной работы. С освобождением Екатеринослава и Екатеринославской губернии комитет этот объявил себя временным легальным губкомом и начал организацию комсомола в Екатеринославской губернии.

Товарищи!

Организуйте на местах Коммунистические союзы молодежи.

Связывайтесь с губкомом: присылайте по 5 экземпляров всех выпускаемых вами периодических и непериодических изданий, протоколы общих собраний, митингов, конференций, заседаний комитета; планы работы, отчеты отделов, сведения о взаимоотношениях с парткомом и т. д. Используйте для связи все средства, имеющиеся в вашем распоряжении, лучше всего курьеров парткома.

Связывайтесь с организациями по уезду, организуйте в уездах комсомол.

С товарищеским приветом
Председатель *Цитович*
Секретарь *З. Ольховская*».

Прочитав это письмо, мы с Архипом Свичкаренко немного растерялись. Написано: «Всем организациям комсомола». Да у нас же нет такой организации. Значительная часть членов Социалистического союза молодежи погибла в боях за власть Советов, и несколько небольших ячеек, созданных в 1918 году в селах Новомосковского уезда, фактически распались. Остальные члены ССМ и много молодежи уже вступили в ряды Коммунистической партии.

— Ну что ж, берись, Петро, за дело, — сказал Свичкаренко. — Надо, как я разумею, начинать все сначала.

Центральный Комитет РКП(б) и ЦК РКСМ в августе 1919 года дали совместное указание о том, что все члены партии в возрасте до 20 лет включительно должны вступить в комсомол.

Ничего удивительного нет в том, что в губернском центре, а особенно на периферии, об этом узнали с большим опозданием, чуть ли не в марте 1920 года.

Я составил список коммунистов Губинихского района, которые должны вступить в комсомол, и представил его председателю райкома партии. Свичкаренко, быстро просмотрев его, схватился за голову:

— Почти всю партийную организацию забирает комсомол!..

— Ничего не поделаешь, — ответил я. — Вы же сами, Архип Андреевич, недавно говорили, что распоряжения надо выполнять, а не обсуждать...

Таким образом, в создаваемые сельские ячейки комсомола как их основной костяк вошли молодые коммунисты, уже имевшие определенный опыт массово-политической работы, принимавшие участие в боях с врагами советской власти. Вокруг коммунистов объединялись недавние бойцы повстанческих отрядов, бедняцко-батрацкая молодежь.

В Николаевке ячейку создали Павло Литвиненко, Клим Хоришко и Андрей Щербина. В Перещепине комсомольцев объединили Иван Котов и Николай Дитяшев, в Губинихе — Спиридон Головач, Пантелеймон Онищенко, Григорий Можаровский, Петр Хижняк и другие.

В Губиниху начали поступать письма, заканчивавшиеся словами: «...а потому просим зарегистрировать организацию КСМУ нашего села».

...Мне вспомнился летний день 1958 года и выставочный павильон в Киеве. Я зашел сюда осмотреть картины украинских художников, посвященные сорокалетию ленинского комсомола.

Много интересных полотен создали художники Украины в подарок молодому поколению строителей

коммунизма. Но, пожалуй, больше всего потрясла меня картина В. Чеканюка «Первая комсомольская ячейка на селе».

Мне показалось, что она написана в нашей Николаевке или в соседней Губинихе...

Как здесь все знакомо мне: и разрыхленная земля, и убогие крестьянские хаты, и дубки — неизменное место, где на досуге собирается молодежь...

Я узнал его, Грицька Руденко, трудолюбивого и скромного парня-бедняка с красным шнурочком на вышитой рубашке, в поношенной чумарке и смушковой шапке. Он пришел в ячейку, чтобы вместе с нами строить новую жизнь — без бога и без пана...

А это же Ваня Тоць, четырнадцатилетний пастушок, который не захотел больше подчиняться кулаку и прикрепил красный бант себе на грудь, чтобы и его «взяли в комсомолы»...

Кого ни спросите из моих земляков, каждый скажет, что рядом с парнями идет Анна Можаровская, наперекор кулацким сплетням и дедовским предрассудкам первой из девушек вступившая в нашу ячейку. Она бросает гордый вызов всему старому и отжившему, ибо комсомол открыл ей дорогу в новую жизнь.

Не знаю, что и сказать о том парне в длинной шинели и буденовке с красной звездочкой. Не Миша ли это Шавкун?

Сын безземельного и безлошадного крестьянина, он сызмала, шестилетним мальчишкой, вынужден был жить в батраках у кулака. Отец нанялся в возчики — возить из Крыма соль лавочнику — и замерз во время метели в степи. Вон какой суровый след оставила на лице Миши его тяжелая сиротская жизнь.

В годы революции Михаил Шавкун стал прекрасным организатором бедняцкой молодежи. Вот и идет он впереди своей маленькой ячейки...

Я не могу оторваться от картины. Художник не забыл изобразить и тех, против кого нам довелось бороться в те годы. Ишь, какая злоба в глазах и плотно сжатых губах кулацкого сынка Петра Резника! Еще бы! Землю у отца отобрали и роздали бед-

ноте, батраки ушли в партизаны и добивают Деникина, на которого Резники возлагали все надежды. Единственное, что осталось от нажитого чужим трудом добра, — гармонь, да и она не может развеять печали.

Тупой и жестокий Евдоким Оберемок ненавидит комсомольцев за то, что взбаламутили голытьбу и батрака, маленького Тоця, повели за собой. Оберемок задушил бы каждого из нас, но, как говорят, не дал бог свинье рог...

И пойдут Петр Резник и Евдоким Оберемок в банду Бровы и, как хищные звери, будут выслеживать добычу в Самарском лесу...

Пусть не улыбается надменная Анка Павленко — она еще наплачется о своем женихе Евдокиме Оберемке, которого не минет карающая рука чекистов...

Но это еще впереди, это еще будет, когда комсомольские ячейки станут взводами Особого коммунистического отряда.

...Все это всплыло в моей памяти, когда я стоял перед картиной «Первая комсомольская ячейка на селе». И мне, одному из сельских комсомольцев тех лет, хочется от всего сердца поблагодарить художника за его правдивое произведение, вызывающее столько волнующих мыслей и воспоминаний о весне 1920 года, которую по праву можно назвать комсомольской весною.

ПРОДАРМЕЙЦЫ

На долю первого поколения комсольцев и всей трудящейся молодежи выпала высокая честь — стать опорой советской власти на селе в один из сложнейших периодов истории нашей страны.

Коммунистическая партия сказала тогда о нас: «В силу большой отсталости и консерватизма взрослого крестьянства крестьянская молодежь играет большую роль в деле утверждения советской власти и коммунистических идей в деревне...»

Большевики Украины заявили: «Деятельность

Коммунистического союза молодежи Украины имеет громадное значение для всей работы КП(б)У... Полное проведение в жизнь деревенской и продовольственной политики КП(б)У требует наличия в украинском селе опоры советской власти, каковой в первую голову является крестьянская молодежь, как наиболее революционный элемент сельского населения».

Мы старались оправдать высокое доверие партии, оказанное комсомолу и молодежи.

Одним из важнейших заданий в то время была мобилизация комсомольцев и молодежи в помощь органам советской власти в выполнении плана продразверстки. Нужно было изымать излишки хлеба и фуража в кулацких хозяйствах для обеспечения продовольствием Красной Армии и рабочих.

Для работы в продовольственных комиссиях, осуществлявших продразверстку, мы выделяли лучшую часть комсомольского актива. В большинстве это были недавние красные партизаны, смелые хлопцы, которые не боялись кулацких угроз и шли на выполнение продразверстки, как на передовую линию фронта. Да и назывались члены продовольственных комиссий продармейцами.

Вспоминаю один из многочисленных эпизодов борьбы за хлеб.

Архип Свичкаренко с группой продармейцев прибыл в село Ждановку, где кулаки отчаянно сопротивлялись продразверстке. Созвали общий сход и зачитали списки: кто сколько зерна должен сдать. Продовольственная комиссия исходила из классового принципа: большую часть хлеба должны были сдать кулацкие хозяйства, значительно меньшую — середняки, а бедняки совсем освобождались от этой обязанности.

Свичкаренко говорил очень просто и коротко:

— Рабоче-крестьянская Красная Армия до последней капли крови сражается сейчас на фронте, защищая нашу землю, нашу волю, жизнь рабочего и крестьянина, жизнь их детей. Без хлеба пропадут красноармейцы — ваши же сыновья и братья, погибнет революция, которую мы с вами завоевали...

«Товарищ крестьянин! — говорилось в изданном в Новомосковске 6 июля 1920 года вестнике. — Красная Армия героически бьется на всем фронте, — поддержи ее в первую очередь продовольствием... Дай хлеба красным бойцам и этим выполни свой долг перед ними, так же как они выполняют свой долг перед трудящимися всего мира.

Скорее же дай хлеба Красной Армии!»

Сход одобрил постановление, заявив в нем, что «хлебная разверстка, как боевая повинность, должна быть выполнена полностью и что с теми, кто отказывается от нее, необходимо поступать, как с изменниками делу рабочих и крестьян».

Ждановка начала сдавать хлеб.

Но внезапно на село налетела махновская банда, схватила большую группу продармейцев и расстреляла. Затем им разрезали животы, насыпали в них пшеницу, на трупы положили доску с надписью: «Вот это вам продразверстка...»

На кровавый бандитский террор комсомольцы отвечали усилением революционной бдительности. Народный суд беспощадно карал тех, кто злостно уклонялся от выполнения продразверстки.

Репрессивные меры мы сочетали с широкой разъяснительной работой среди крестьян.

Волостной уполномоченный по продразверстке в Николаевке комсомолец Ермолай Яланский, бывший боец Новомосковского повстанческого полка, был для всех нас примером. Я видел, как энергично и бесстрашно действовал он в нашем селе.

Кулак Игнат Литвиненко разводил руками и, умоляюще глядя на Яланского, чуть не плакал:

— Хоть убивайте, а хлеба у меня нет...

Мы знали, что этот кулак запрятал много зерна на хуторе под Марьяновкой, и поэтому Ермолай не отходил от Литвиненко.

— Вы же все равно сдадите хлеб, так давайте по добру, и не будем ругаться с вами...

— Ей-богу, нет... — крестился Литвиненко.

А Ермолай и говорит:

— Ай-яй-яй, и не грех вам бога обманывать! Может, он и простит, а вот советский суд наверняка покарает!

Игнат Литвиненко вывез на ссыпной пункт около ста пудов зерна.

Продармейцы быстро укладывают мешки на подводы, а Яланский уже «обрабатывает» другого кулака.

— От кого прячете? — спрашивал он. — От народа прячете, все равно найдем...

Кулак мнется, пытается убедить, что «и зернышка лишнего нет», но под натиском комсомольца все-таки показывает, какую мякину нужно перевеять...

К концу дня группа Ермолая Яланского собрала около четырех тысяч пудов хлеба и вывезла его на Губинихский ссыпной пункт.

Новомосковская газета «Висти» печатала сообщения уездного продовольственного комиссариата, как оперативные сводки с поля боя. Вот номер газеты за 4 июля 1920 года:

«В селе Вольном после митинга собрано 800 пудов зерна...

В селе Голубовке — 825 пудов зерна, 125 пудов картофеля, 40 пудов свеклы...

В Очеретоватской волости — 3 тысячи пудов зерна, 40 голов скота, 40 свиней...»

Только за последние дни июня крестьяне Новомосковского уезда, по неполным данным, сдали государству свыше 25 тысяч пудов хлеба.

В 1920 году за каждой строчкой сводки уездпродкома мы видели мужество большевиков села, ожесточенную борьбу с врагами за каждый пуд хлеба для армии, для рабочих, для матерей и детей.

В Васильевке кулаки убили волостного уполномоченного по продразверстке и на протяжении нескольких месяцев держали село в своих руках, срывая сдачу хлеба государству. Как на передовую, сюда примчались губинихские комсомольцы Григорий Руденко, Федор Носенко и Порфирий Ривный. Их не испугаешь!

«Ивано-Михайловка вывезла 250 пудов хлеба»,— читаю я в том же сообщении и вижу горячих наших комсомольцев Федора Титаренко и Ивана Хорунжего, которые спешат заменить убитого уездного уполномоченного по продразверстке, чтобы все-таки выявить те драгоценные пуды зерна.

Как боевую команду, выполняли мы ленинский призыв: «Борьба за хлеб — борьба за социализм».

В эти минуты, когда я пишу о наших славных продармейцах, предо мною встает образ Вани Котова — моего ровесника и нашего любимого друга, героя борьбы за хлеб, за социализм...

СЛОВО О ВАНЕ КОТОВЕ

Короткая справка ревкома: «Котов Иван Никитович, 19 лет, погиб 28 сентября 1921 года от рук бандитов в селе Макеевка, Матусовской волости, Черкасского уезда, Кременчугской губернии».

Вот и все, что мы узнали о смерти секретаря первой комсомольской ячейки в Перещепине, бойца продотряда Ивана Котова.

Но мы знаем, как жил и боролся наш друг.

Он родился в Петербурге, в семье кадрового рабочего Путиловского завода Никиты Котова. Трудно было отцу содержать большую семью, и мать Мария Прокофьевна стирала белье петербургским господам, чтобы хоть как-нибудь прокормить пятерых мальчиков и трех девочек.

Жили Котовы в полуподвале, на углу Невского и Литейного проспектов.

— Все революции проходили на наших глазах, — рассказывал нам Ваня.

Никита Котов в то страшное кровавое воскресенье 1905 года ходил вместе со всеми рабочими Петербурга к «батюшке царю». На всю жизнь осталась «память»: глубокая рана на правой ноге.

А как любил Ваня слушать рассказы отца о смелых людях, которые даже самого царя не боятся и хотят свергнуть его!..

И свергли! Это уже Ваня собственными глазами видел и слова песни — гордые и грозные, так полюбившиеся ему, — быстро выучил наизусть:

Свергнем могучей рукою
Гнет вековой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда!

Поднятый революционной волной, пятнадцатилетний паренек не пропускал ни одной манифестации, ни одного митинга. Бывало, вечером прибежит, запыхавшись, домой, и лишь тогда бедная мать успокоится.

А когда юнкера и офицеры обстреляли полумиллионную демонстрацию рабочих, солдат и матросов в июле 1917 года, Мария Прокофьевна умоляла:

— Ванюшенька, сыночек мой, не ходи на похороны, и отсюда видно будет, когда понесут. Не ходи, и на кладбище, наверное, будут стрелять...

— Ну, что вы! — удивлялся Ваня. — Все ребята пойдут, а я буду держаться за мамину юбку?

И, конечно, побежал на Марсово поле, где хоронили сотни жертв июльских событий.

Все глубже осознавал Ваня содержание пророческих слов «Марсельезы», вселявших веру в сердце юноши:

И настанет година свободы,
Сгинет ложь, сгинет гнет навсегда.
И сольются в одно все народы
В вольном царстве святого труда.

...А дальше случилось так, что мать собрала малышей и перевезла семью на Украину, в село Перещепино. Отца не снимали с военного учета, и он остался в Петрограде.

Нужно было как-то жить, и братья Алексей, Коля и Володя да сестры Мария и Тоня пошли внаймы к перещепинским кулакам пастухами, няньками.

В Перещепине Ваня Котов быстро нашел верных друзей, радушно принявших в свою компанию боевого петроградского парня. Невысокий, коренастый, со светловолосой шевелюрой над высоким лбом, всег-

да с веселой смешинкой в больших серых глазах, в неизменной кожанке, с револьвером в кармане, он был типичным представителем первого поколения городских комсомольцев.

Рассказы Котова о свержении царя, об июльских днях в Петрограде, об Октябре зажигали сельскую молодежь — ведь перед нею был живой свидетель великой революции.

Иван Котов вступает в ячейку большевиков и вместе с коммунистом Николаем Дитяшевым со временем создает в Перещепине комсомольскую организацию.

Сын русского пролетария, он становится борцом за свободу и счастье украинского народа.

Беспощадный к врагам революции, Ваня Котов тайком писал стихи о счастливом будущем трудящихся всех стран и о голубых глазах и русой косе.

Ваня всем сердцем любил прекрасное и именно поэтому полюбил Тосю Кузнецову. Он мог целый вечер петь вместе с ней украинские песни. И не больше ли всего пришлось ему по душе вот это:

Ой, у поли витэр вие,
А жыто полови́е,
А козак дивчыну та й вирнэнько любыть,
А зайнять нэ посмие...

Ваня мечтал о том светлом дне, когда мы, наконец, разобьем всех врагов и можно будет свободно ходить по Перещепину даже вечером... Он напишет стихи и прочитает их только Тосе...

Тося работала в госпитале «красной сестрой», ухаживала за ранеными и больными сыпным тифом. Ваня прибежал поздно ночью — в шинели, с винтовкой за плечом.

— Еле нашел тебя, Тося... Еду... В Матусовскую волость, на Кременчугщину, — там трудно с разверсткой, нужно помочь продармейцам... Не плачь, милая, я скоро вернусь. Вот уж наговоримся тогда и напоемся...

То была их последняя встреча.

Сталь и нежность... Этими словами можно охарактеризовать большевика Ивана Котова, его короткую, но яркую жизнь, до конца отданную революции.

ПИАНИНО НА... АРБЕ

Как известно, не единым хлебом живет человек. В свободное время молодежь сходилась на спектакли, организуемые «Просвитой». В кружки «Просвиты» входила главным образом зажиточная часть крестьян и интеллигенция. Эта культурно-просветительная организация находилась под влиянием буржуазно-националистических элементов. Иногда под их вражеское влияние попадала и часть бедняцкой молодежи.

Мы решили создавать свои кружки, чтобы по-новому, по-советски проводить досуг. Таким образом мы хотели перетянуть на сторону комсомола трудящуюся молодежь из «Просвиты».

В одном из пристанционных складов в Губинихе мы оборудовали сцену, установили длинные скамьи для зрителей и объявили, что отныне здесь будет комсомольско-молодежный клуб.

Это было так необычно — в складе клуб, а главное — приглашают молодых крестьян записываться в хоровой, струнный и драматический кружки.

И трудящаяся молодежь потянулась к нам.

Нашлись у нас и хорошие организаторы художественной самодеятельности. Все три кружка организовал губинихский комсомолец Ваня. Но у него был один «серьезный недостаток»: он имел фамилию Нудьга *, что являлось поводом ко всевозможным шуткам, правда добродушным.

— И кто это мог додуматься назвать такого веселого хлопца Нудьгой? — спрашивали одни.

— Скорее меняй фамилию, Ваня, а то не будут люди ходить в клуб, где хозяйничает Нудьга, — шутили другие.

---

* Скука, тоска.

Третьи утверждали: «Где появится Нудьга, там сразу становится весело».

Он и действительно был душой всей культурно-массовой работы в Губинихе.

Сын крестьянина-бедняка, Ваня с детства очень любил музыку и песни. За короткое время пребывания в Новомосковской учительской семинарии он приобрел некоторые музыкальные знания. Но больше учился самостоятельно и теперь хорошо играл на скрипке, на народных инструментах и даже на пианино.

За какую-то неделю Иван Нудьга натащил в клуб целую гору балалаек, мандолин, гитар, скрипок. Правда, играть на них вначале нельзя было — ни одного исправного инструмента...

— Ничего, отремонтируем! — весело отвечал Иван на подшучивания товарищей и насмешливые улыбки маловеров. У него уже был на примете старичок — бывший настройщик музыкальных инструментов. — Скоро мы еще как заиграем!

...Кабинет заведующего Новомосковским уездным отделом народного образования И. М. Шереметьева.

— Имею наказ от комсомольцев, — заявил ему Нудьга, — без пианино не возвращаться домой.

— Где же я вам сейчас возьму пианино, дорогие мои комсомольцы? — разводил руками Шереметьев. — Все уже розданы. Если бы немного раньше. Вот смотри... — И заведующий отделом народного образования положил перед Иваном список распределения реквизированных музыкальных инструментов, чтобы земляки, случаем, не обвинили его в нежелании помочь.

Показывая последнюю графу «Кому передано», Шереметьев объяснял:

— Рояль — клубу красноармейцев, пианино — школе № 3, еще пианино — красному уголку на вокзале...

И вдруг:

— Постой, постой, Ваня, тебе, кажется, повезло!.. Вот видишь?

Против одного инструмента было написано «резерв». Ваня, наверное, не знал, что это значит, и вопросительно посмотрел на Шереметьева.

— А это значит, Ваня, что дам я тебе сейчас ордер, и езжай за пианино.

Ваня Нудьга крепко пожал руку Шереметьеву, не находя слов, чтобы как следует поблагодарить его за дорогой подарок.

— Ладно, ладно, — похлопал его по плечу Иван Михайлович, — смотри только не разбей по дороге, это же панский инструмент...

— Был панский, а теперь селянский, — также шутя ответил Нудьга и выбежал из кабинета, зажав в руке ордер.

Все еще не веря в свое счастье, Ваня снова прочитал бумажку: «... конфискованное у бывшего владельца конфетной фабрики Беньяминовича... передается в клуб села Губинихи для удовлетворения культурных нужд народа...»

Вмиг Нудьга оказался на рынке, собрал с десяток губинихских хлопцев, которые охотно согласились помочь ему в таком важном деле.

Осторожно вынесли пианино со второго этажа особняка и поставили на арбу, запряженную парой волов.

Будто и не быстро ехали, но на полдороге, как раз около Марьяновки, сломалось дышло.

— Вот тебе и музыка! — чуть не заплакал Ваня.

Собрались люди. Одни сочувствовали, а другие ехидно улыбались:

— Не трогай чужого добра... Это бог карает.

Пока хлопцы бегали по селу, отыскивая дышло, Ваня решил испробовать инструмент. Взобравшись на арбу, он заиграл:

Дывлюсь я на нэбо, та й думку гадаю,
Чому я нэ сокил, чому нэ литаю...

Нудьга пел, аккомпанируя сам себе, а вокруг столпились удивленные слушатели. И как будто в ответ недоброжелателям, он экспромтом переделал одну строку песни:

Чому мэни, боже, вийя*ти эламав?..

Люди смеются.

Тем временем хлопцы достали-таки у кого-то дышло, и необыкновенная процессия двинулась в Губиниху.

Слух о том, что Ваня Нудьга «везет на арбе настоящую музыку», молнией долетел до Губинихи, и там его уже с нетерпением ожидали. Участники всех трех кружков собрались к клубу, а наиболее нетерпеливые выбежали на дорогу за село встречать пианино.

— Везут! Везут!

— Качать Ваню!

И вот уже Иван Нудьга взлетает высоко вверх, подбрасываемый односельчанами.

Вскоре на афишах уже указывалось, что «выстава «Наталка Полтавка» видбуватымэться з музыкою» (до сих пор драмкружковцы пели без музыкального сопровождения). Сообщалось также, что роли исполняют: Возный — Иван Нудьга, Наталка — Гаша Яковщенко, Петро — Федот Мироненко, Выборный — Федор Яковщенко, мать — Татьяна Мартыненко.

В клубе был также хороший хор. Я хорошо помню лучших запевал: Евтихия Усатенко, Федота Мироненко, Федора Яковщенко, чудесное трио — Лушу Усатенко, Ганну Мажаровскую и Гашу Яковщенко. Бывало, запоют втроем «Така ии доля» или «Дывлюсь я на нэбо...», все село сбегается послушать.

Ганна Можаровская, принимая активное участие в хоре, и драмкружке, и вообще во всей комсомольской работе, хорошо влияла на девчат, привлекая их к общественной жизни. Она разговаривала с родителями, разоблачала провокационные слухи, распространяемые о комсомоле вражескими элементами.

Перед каждым спектаклем непременно выступал кто-нибудь из политработников Красной Армии или из местных коммунистов с краткой информацией «О текущем моменте». Потом члены драмкружка читали революционные стихи.

---

[1] Дышло.

Тогда в наших местах только что появился украинский перевод «Интернационала», и его тоже читали со сцены как стихотворение. А когда все выучили слова, начали петь перед собраниями.

«ВВИДУ НАПАДЕНИЯ БАНДЫ ОБЪЯВЛЯЕТСЯ АНТРАКТ...»

На спектакли и репетиции комсомольцы и актив всегда приходили с оружием. Иван Нудьга отвел за сценой специальный угол для пулеметов, винтовок, гранат и сабель.

— Это ценнейший наш реквизит, — говорил он, инструктируя очередного часового.

В наши кружки записывалось все больше молодежи. Хлопцы и девчата охотно приходили на репетиции, иногда продолжавшиеся до полуночи.

Вместе со всей молодежью в кружках принимали участие и сотрудники различных советских учреждений и даже работники райкома партии.

Время было тревожное, не все вечера наши и спектакли проходили спокойно.

Ставили мы как-то одноактную пьесу, присланную нам из политотдела дивизии, расположенной в наших местах. По ходу действия во время одной из сцен за кулисами должна была раздаться пулеметная очередь. Кое-кто предложил использовать для этого трещотку. Но я категорически запротестовал:

— Во-первых, нам некогда ждать, пока добрый дядя сделает нам эту трещотку, а во-вторых, не годится обманывать публику. Ведь ясно сказано: «Пулеметная очередь». Пусть только суфлер подаст мне знак когда надо, я дам такую очередь! Вон за кулисами целых три пулемета...

Решили так и сделать. И вот идет спектакль. Суфлер подает условный знак. Нажимаю на гашетку. Тут же, как бы в ответ на мою «очередь», в разных концах села поднимается беспорядочная стрельба. Оказывается, снова на Губиниху напала банда...

— Граждане публика! — кричал исполнитель главной роли Яша Пидпалый, не успевший еще сор-

вать бороду из пакли. — Ввиду нападения банды объявляется антракт. Всем комсомольцам немедленно за сцену. К оружию!

Когда банда была отогнана, мы продолжали спектакль.

В Губиниху все больше привозили хлеба, собранного продармейцами. Нужны были зернохранилища, и нам пришлось освободить клуб, который снова стал пристанционным складом.

Мы перевезли клубное имущество в школу, где осенью должны были начать учиться губинихские дети. Сгоряча забыв об этом, тут же принялись разбивать стену между двумя классами, чтобы сделать зал.

Учителя пожаловались на нас в уездный отдел народного образования. Вскоре в Губиниху прибыл И. М. Шереметьев.

— Кто разрешил? — строго спросил он еще с порога школы.

— Да это нам товарищ Хижняк приказал, — виновато ответил один из каменщиков, как раз выносивший кирпичи.

Шереметьев удивленно взглянул на меня и тихо сказал:

— Это же имущество советской власти...

— Так и мы же, Иван Михайлович, не от американской власти, а от советской, — ответил я.

— Мне не до шуток, товарищ Хижняк. Я буду жаловаться на вас в уездный исполком.

А в это время из смежной комнаты доносилась задушевная мелодия: Иван Нудьга разучивал на пианино новую песню.

— Еще и пианино дал вам. Заберу, вот увидите...

— Что вы, Иван Михайлович, — сказал я, — подарки не отбирают.

В уездном комитете партии нас помирили: между классами вместо стены поставили деревянный щит, который вечером можно было снимать, и таким образом получался зрительный зал.

...В те же дни мне пришлось побывать на вечере в Николаевке. В клуб и здесь собирались, как на на-

родный праздник, и не только молодежь, но и пожилые люди.

Стены украшены красными полотнищами, лозунгами, плакатами. Особенно запомнились мне тогда плакаты — красноармеец показывает рукой на зрителя и спрашивает: «Ты записался добровольцем?», молодой буденновец всадник, с пикой в руке, с винтовкой за плечами, призывает: «Рабочие и крестьяне! Вступайте в Красную конницу!»

Участники недавних партизанских походов принесли сюда свои звонкоголосые песни, и они рвутся из тесного клуба на вольный простор:

Щоб наша доля нас нэ цуралась,
Щоб кращэ в свити жылося...

Боевой дух молодежи чувствуется во всем: и в оформлении клуба, и в песнях, и в стихах, которые читают мои земляки на своем вечере:

Мы нэ кынэм боротысь за волю:
Наши браття упалы в борни...

И не впервые ли за всю историю моего села у нас появился поэт из бедняков.

— Сейчас выступит Омелько Саенко и прочитает стихи собственного сочинения.

Это были едкие частушки против самогоноварения, против попов и всего старого.

Пока читались стихи, комсомолец Марко Недужко гримировал артистов. Марко только пятнадцать лет, а он уже заведует сельской библиотекой и клубом, которые сам организовал, руководит драмкружком и участвует во всех постановках.

Раздвинулся занавес, и зрители дружно хлопают в ладони Марку, который хорошо играет главную роль в водевиле «Кум мирошник, или Сатана в бочке».

По примеру Губинихи и Николаевки и в других селах начали создаваться клубы, становившиеся центрами культурно-массовой работы.

И чем интереснее было в наших клубах, тем

меньше трудящейся молодежи оставалось в «Просвите».

Так мы на деле выполняли постановление II съезда КСМУ о борьбе с буржуазно-националистическим влиянием на молодежь села.

Это был, так сказать, мирный период борьбы с «Просвитой». Но вскоре нам пришлось говорить с некоторыми «просвитянами» совсем другим языком...

ПЯТЬДЕСЯТ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

Тревожным был для нашей страны 1920 год. Панская Польша и недобитые белогвардейцы, которых собрал Врангель, снова нарушили покой мирных советских людей. Говоря словами В. И. Ленина, это были две руки международного империализма, которыми он хотел задушить власть рабочих и крестьян.

Снова вывешивают в наших селах стенную печатную газету Всеукраинского бюро Российского телеграфного агентства под знакомым названием «Вестник УКРРОСТА», и люди толпятся около нее, слушают очередную сводку «На красных фронтах». Немногие из крестьян могли сами прочитать, хотя и напечатано большими буквами.

Горя желанием помочь Красной Армии в разгроме врага, комсомольцы буквально рвались на фронт.

У меня сохранилась резолюция, принятая в те дни на собрании Губинихской организации КСМУ:

«Мы, члены Губинихского комсомола, по первому зову революции вступили в ряды красных бойцов для защиты завоеванных прав.

Призываем молодежь Украины выступить по зову старших братьев — КП(б)У!

Да здравствует КСМУ!

Да здравствует КП(б)У!»

Это была так называемая самомобилизация, когда комсомольцы, не ожидая вызова военкомата, сами

вступали в ряды Красной Армии. Многие сельские ячейки в полном составе прибывали на сборные пункты военкоматов и требовали, чтобы их немедленно включали в маршевые роты.

Самомобилизация приняла такой широкий размах, что Екатеринославский губком КСМУ вынужден был предупредить нас о необходимости доводить до сведения губкома о каждом таком случае, чтобы получить разрешение отправиться на фронт.

Коммунисты и комсомольцы — военнообязанные находились в распоряжении Новомосковского уездного военного комиссариата. Мы помогали военкомату в проверке списков военнообязанных, в укомплектовании воинских эшелонов, а также в вербовке добровольцев.

Замечательным агитатором проявил себя в эти дни Федор Носенко.

Федор рос в большой нужде в семье губинихского кузнеца. Трудно было отцу прокормить десять едоков, и поэтому почти все члены семьи батрачили у местных богатеев. Федор продолжительное время батрачил в поместье у Родзянко в селе Попасном.

Одним из первых вступил Ф. Носенко в Красную гвардию, принимал участие в боях за освобождение Екатеринослава от гайдамаков. И только тяжелое ранение оторвало Федора на некоторое время от войны. Но ему не лежалось ни в госпитале, ни дома.

В 1918 году Ф. Носенко был одним из руководителей восстания в Губинихе. Через год он вступает в партизанский отряд Архипа Свичкаренко, где проявил себя как один из храбрейших бойцов.

О боевых заслугах Федора Носенко хорошо знала молодежь не только Губинихи, а и Вольного, Спасского, Евецко-Николаевки и других сел, куда он теперь приходил вербовать добровольцев в Красную Армию.

Ему не скажешь: «А сам ты воевал?», как говорили кое-где агитаторам дезертиры; его не собьешь провокационным вопросом: «Ты украинец или большевик?», как это любили делать многие члены «Просвиты».

И Федора внимательно слушали, когда он обращался к молодежи с искренним и убедительным словом.

— Вождь нашей революции товарищ Ленин, — говорил Федор, — зовет крестьянина и рабочего в Красную Армию, чтобы гнать с Украины Пилсудского и Врангеля. Так неужели мы будем лежать на печи, ожидая, что кто-то за нас побьет подлых баронов?..

Носенко умело использовал в своих беседах сводки с фронтов.

Уже выгнали шляхту из Киева, из Винницы... В Крыму наши части разбили третью кавалерийскую дивизию Врангеля.

Он перебирал выпуски «УКРРОСТА», то и дело останавливаясь на наиболее интересных сообщениях.

— Вот послушайте, что делают наши братья на Смоленщине. «Во время наступления красного полка в Демидовской волости крестьяне вооружились и вместе с красноармейцами преследовали противника».

Такие примеры оказывали положительное влияние на крестьян. Это видел Федор и подбирал все новые и новые факты, чтобы убедить людей в необходимости пойти на помощь Красной Армии.

— Да это и не удивительно, что наши рабочие и крестьяне гонят врага со своей земли. Вот уже и за границей трудовой народ протягивает нам руку помощи.

...По всей Италии железнодорожники бросили работу, требуя приостановить отправку военного снаряжения в панскую Польшу...

...Пятьсот французских рабочих просят выдать им паспорта для поездки в Россию — в распоряжение русского пролетариата...

Послышались одобрительные возгласы. А Федор продолжал:

— Индийцы говорят, что трехсотмиллионное население их страны готово последовать примеру рус-

ских рабочих, и ожидают удобного случая, чтобы сбросить гнет английского капитала...

Горячее слово комсомольца агитатора доходило до сердца. И сам собой приходил вывод:

— Скажем же товарищу Ленину, что и наше село за революцию, что и мы пойдем в Красную Армию биться за волю и счастье...

После таких выступлений Федору Носенко задавали много вопросов, но уже по конкретным делам: на сколько дней брать харчи, когда выдадут шинели, как будет с семьями?..

...Счастливый и гордый шел Федор Носенко впереди колонны молодых крестьян, с песней направлявшихся в Новомосковск. Свыше пятидесяти добровольцев, завербованных Федором, вступили в ряды Красной Армии. Характерно, что в селах, где выступал Носенко, почти не было дезертиров.

Беспрерывно звенел телефон в райкоме партии: коммунисты и комсомольцы докладывали об успешном ходе мобилизации в селах и волостях района.

ПОД ВЫВЕСКОЙ «ПРОСВИТЫ»

Мобилизация в Красную Армию проходила у нас вообще довольно успешно. Однако в некоторых местах вражеские элементы пытались срывать это дело.

— В Перещепино придется, наверное, поехать тебе, Петро, — сказал мне председатель райпарткома Свичкаренко. — Боюсь, что Дитяшев и Котов сами там не справятся.

Райком имел уже оттуда несколько тревожных сигналов.

В тот же день я и комсомолец Федор Титаренко приехали в Перещепино и сразу же зашли в волисполком.

Нас встретил сам «верховный главнокомандующий», как шутя называли Николая Дитяшева, который был в этом селе одновременно преседателем и партийной и комсомольской ячеек. В свои двадцать лет он имел уже немалый боевой опыт: дрался с нем-

цами и гайдамаками, гнал Григорьева из Екатеринослава, громил деникинцев в Перещепине. Высокий и стройный, с черной чуприной, Николай всегда носил с собой столько оружия, что его хватило бы на целое отделение красноармейцев. И кто бы мог сказать, что этот человек с поэтической душой еще недавно мечтал стать учителем!..

Сейчас Дитяшев был чем-то очень взволнован.

— Что случилось, Микола? — спросил я.

Вместо ответа он показал мне листок бумаги, исписанный четким каллиграфическим почерком.

В это время в комнату вбежал запыхавшийся Ваня Котов и положил на стол еще несколько таких же листков.

— Два на церковной ограде были, один на заборе лазарета, — говорил он с тревогой в голосе.

— А мы панькаемся! — зло взглянул на меня Дитяшев. — «Перевоспитывать надо, вовлекать!» Пока мы их будем вовлекать, они нас всех на тот свет вовлекут... — И он несколько раз ткнул указательным пальцем в разбросанные на столе листы из ученической тетради.

Это было воззвание «Ко всем гражданам Перещепина», написанное вражеской рукой. Оно заканчивалось угрозой: «Все, кто пойдет по мобилизации в Красную Армию, по дороге на Новомосковск будут расстреляны, а имущество их сожжено». И подпись— «Штаб повстанческого куреня».

— Это дело рук Матвиенко, — решительно сказал Николай.

Вернувшись с фронта, поручик царской армии Федор Матвиенко будто не вмешивался в политические события. В действительности же он был лично связан с кровавым палачом украинского народа Петлюрой и по его заданию создал в Перещепине, под вывеской «Просвиты», контрреволюционную организацию.

Мы решили немедленно нанести «визит» Матвиенко.

Часов в двенадцать дня Николай Дитяшев, Иван Котов, Федор Титаренко и я зашли во двор предсе-

дателя «Просвиты». На завалинке сидел часовой — отец Матвиенко. Увидев нас, он вскочил и хотел юркнуть в хату.

— Ни с места, — сказал я тихо.

Это хорошо повлияло, старик снова прирос к завалинке.

Мы застали Федора Матвиенко «за работой». Он сначала держался спокойно, притворно улыбался, листая какие-то бумаги, а потом, когда их стали забирать, нервно запротестовал:

— Не имеете права, это документы «Просвиты»!..

— Что это за списки? — спросил я.

— Это, уважаемые господа, распределение членов «Просвиты» по художественным кружкам, — ответил Матвиенко, стараясь говорить спокойнее и мягче.

На миг оторвавшись от списков, Николай так же мягко, в тон Матвиенко, заметил:

— А вот и программа «концерта», — и вынул из кармана воззвание. — Так сказать, дуэт из обрезов...

Во время обыска мы нашли у Матвиенко штамп и печать «Повстанський курень», оружие, контрреволюционную литературу. Потом пошли по хатам членов «кружков». Но ни одного из них дома не застали, все сто человек, указанных в списках, были «казаками» стрелковых взводов «Повстанческого куреня», находившегося в Орельском лесу.

Федора Матвиенко мы арестовали и заперли в одной из комнат Перещепинского волисполкома.

Мы знали, что недалеко действует одна из многочисленных банд Махно. Чтобы не дать махновцам проникнуть в Перещепино, мы взяли под охрану мост через речку Орель, который связывал село с Константиноградским уездом, откуда и могли налететь бандиты.

Поручив милиции охранять Матвиенко, мы допустили серьезную ошибку, которая дорого обошлась нам. Нашей неосторожностью воспользовался враг.

В тот же день в Перещепино примчался из Орельского леса начальник штаба «куреня», чтобы организовать побег своего атамана. Причем им, как оказа-

лось, это нетрудно было сделать потому, что в милицию пробрался один из подручных Матвиенко. С его помощью и была подготовлена операция по освобождению главаря банды.

На дороге в Новомосковск, куда два милиционера должны были отвезти Матвиенко, бандиты организовали засаду в балке около хутора Скотоватого.

Чтобы отвлечь внимание населения от задуманной операции, агентура Матвиенко созвала около волости митинг по поводу ареста председателя «Просвиты».

Горячий и не в меру самоуверенный Николай Дитяшев успокоил нас:

— Я сам с ними поговорю, а вы не теряйте времени и сообщите поскорее в уезд, чем здесь занималась Матвиенкова «Просвита».

Послушав Дитяшева, Котов, Титаренко и я ушли на телефонную станцию.

Этим мы допустили еще одну ошибку: не запретили митинг и оставили Николая одного. Предатели окружили Дитяшева и стали требовать, чтобы он объяснил, за что арестован Матвиенко.

А в это время засада из тридцати «казаков» напала на милиционеров, обезоружила их и освободила своего главаря. Матвиенко с этим отрядом немедленно помчался в Перещепино. Здесь бандиты схватили Дитяшева и увезли его в Орельский лес.

Телефонная и телеграфная линии были перерезаны бандитами, и поэтому мы не смогли связаться ни с Губинихой, ни с Новомосковском, ни с другими местами, откуда смогла бы прибыть помощь.

Конный разъезд бандитов рыскал по селу, разыскивая Котова, Титаренко и меня. Нам удалось обойти бандитские засады и поздно ночью добраться до Константинограда Полтавской губернии. Здесь мы передали уездному комитету КП(б)У бумаги, отобранные у Матвиенко, и попросили помочь нам связаться с Новомосковском.

Только через несколько дней мы обходными путями добрались до Новомосковска, а потом и в Губиниху.

В конце мая 1920 года в Губиниху приехал председатель Новомосковского уездного комитета КСМУ Илья Киселев.

— Что же это получается, товарищи, — сказал он, — есть в Губинихе райком партии, а комсомольцы района оставлены на произвол судьбы.

Занятые неотложными делами по мобилизации в Красную Армию, по борьбе с бандами, мы забыли, что недавно созданные маленькие комсомольские ячейки по селам нуждаются в постоянном внимании и помощи. Правда, бывая по заданиям РК партии в селах, коммунисты и комсомольцы Губинихи связывались с ячейками КСМУ, подсказывали им, что и как делать. Но все это носило эпизодический характер.

Мы не могли ожидать созыва районной комсомольской конференции, и поэтому по предложению И. Киселева общее собрание комсомольцев Губинихи избрало временный районный комитет КСМУ. В райком вошли Спиридон Головач, Федор Носенко и я. Секретарем избрали меня.

Таким образом, я был одновременно секретарем РК КП(б)У и РК КСМУ.

В это время мобилизация в Красную Армию все еще была актуальной задачей советских органов.

Как ни старались бандиты из шайки Матвиенко запугивать будущих красноармейцев, трудящаяся молодежь пополняла ряды Красной Армии. Это были не забитые новобранцы, которых когда-то насильно гнали на империалистическую войну, а осознавшие свой долг перед революцией защитники завоеваний Октября.

В резолюции, которую приняло собрание призывников Песчанской волости Новомосковского уезда читаем:

«Мы, молодежь Песчанской волости, как революционные бойцы — защитники революции и Рабоче-Крестьянской Советской Республики, все как один встанем с оружием в руках против мировой контр-

революционной буржуазии, мы пополним передовые ряды доблестной Красной Армии своими силами и в корне сотрем с лица земли гидру контрреволюционной буржуазии, поднявшейся против труда и правды...

Да здравствует Красная Армия! Да здравствует всемирная революция! Да здравствует организатор и вождь трудового пролетариата товарищ Ленин!

Смерть капиталу! Смерть предателю Петлюре!»

Из многих сел на призывные пункты часто прибывало больше молодежи, чем значилось в списках военкомата — к мобилизованным присоединялись десятки добровольцев.

Дома оставались семьи красноармейцев — люди преклонного возраста, женщины, дети. И первой директивой Губинихского райкома комсомола было письмо ко всем ячейкам КСМУ о помощи семьям красноармейцев.

Наверное, ничто так не подняло авторитет комсомольцев в массах, как эта кампания.

Кто знает, пришлось ли бы старенькой матери первого добровольца Николаевки Назара Зайченко и его сестрам зимовать в своей хатенке: соломенная крыша давно сгнила, а отремонтировать некому...

...И вдруг видит старуха Зайченко, комсомольцы несут к ее хате солому, только что конфискованную у кулаков.

— Двести двадцать восемь, — считает Андрей Щербина снопы и вопросительно смотрит на моего отца Кирилла Степановича, который сегодня здесь инструктором.

— Еще десятка два надо, — говорит он, — и будем начинать.

Хлопцы и девчата быстро вяжут маленькие снопики для крыши.

А старушка стоит ошеломленная, не знает, что и говорить.

— Чем же я вам заплачу?..

Но Андрей Щербина успокаивает ее. Подчеркнуто официальным тоном он читает выдержку из письма

райкома комсомола: «Все работы по обеспечению семей красноармейцев выполняются бесплатно».

А на другом краю села комсомольцы Беликов Афанасий, Коцюба Петр и еще с десяток хлопцев и девчат полют картошку и кукурузу на огороде вдовы — матери красноармейца Антона Хири.

С тех пор в сводках сельских ячеек, которые получал райком комсомола, появилась еще одна графа — «Помощь семьям красноармейцев». Мы всегда знали, сколько и кому завезено дров, перекрыто хат, исправлено печек и заборов, прополото огородов силами маленьких сельских ячеек Коммунистического союза молодежи.

Иногда помощь семьям красноармейцев принимала и иные формы.

Нам стало известно, что бандиты грозятся вырезать семью бедняка Конощенко из Миролюбовки. Они подбросили ему записку: «Выкупаетесь в своей крови и тоже станете красными армейцами...»

Конощенко из Миролюбовки? Так это же тот дядько, который вез меня в декабре 1919 года из штаба повстанческой дивизии в Самарский лес!

Два его сына — Андрей и Павел — участники революционного восстания в Миролюбовке, теперь командиры в Красной Армии. Вот за это и хотят отомстить ему кулаки.

Райком партии поручил Архипу Свичкаренко и мне немедленно эвакуировать семью Конощенко в Новомосковск.

Наученные горьким опытом в Перещепине, мы тщательно подготовились к этому делу. Подобрали пятнадцать хорошо вооруженных надежных комсомольцев. Среди них были такие отважные бойцы, составившие потом основное ядро коммунистического взвода, как Клим Хоришко и Павел Литвиненко из Николаевки, Федор Носенко и два Григория — Максютенко и Руденко из Губинихи, Федор Кравец из Голубовки. Они могли гарантировать исход этой операции.

Быстро уложив бедняцкий скарб на подводы, мы

благополучно доставили семью Конощенко в Новомосковск.

Готовые к стычке с бандитами, хлопцы, казалось, даже жалели, что все обошлось благополучно. А Федор Кравец заметил:

— Разве это операция? И разу стрельнуть не пришлось...

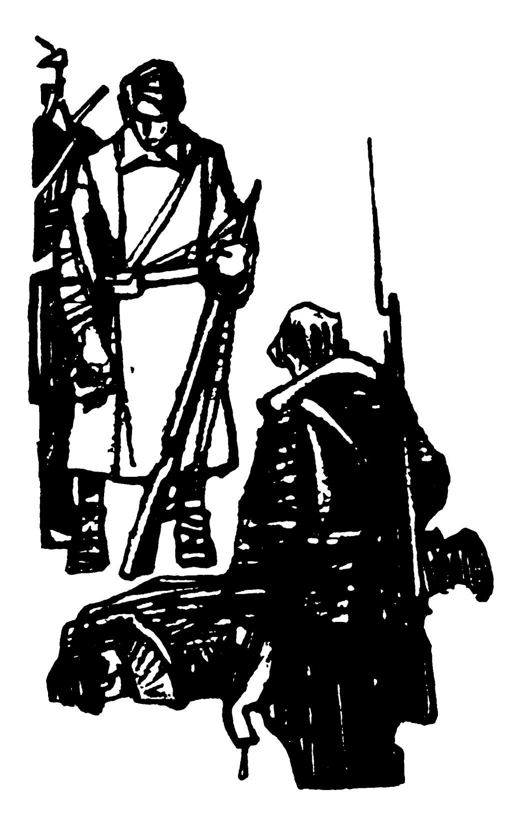
Так же благополучно прошла эвакуация семей Ивана Котова и Николая Дитяшева из Перещепина, где бандиты Матвиенко не давали покоя матерям и сестрам наших товарищей.

Любовь народа к своей армии-защитнице рождала все новые и новые формы помощи красноармейцам.

В Екатеринославской губернии проводилась «Неделя помощи фронту». Как ни бедно жили тогда трудящиеся крестьяне, но находили что-нибудь послать красному бойцу на фронт или раненому в госпиталь.

Хорошо был организован комсомольцами Иваном Нудьгой и Андреем Носенко сбор подарков Красной Армии в Губинихе.

Первыми принесли здесь полушубки Григорий Носенко и Ольга Черная. Их примеру последовали десятки крестьян. За короткий срок в Губинихе было собрано свыше ста полушубков. Два аршина крестьянского полотна дала Софья Оберемок. Таня Мартыненко принесла полотенце и бархатный кисет с вышитой на нем красной звездочкой. А потом все шли и шли крестьяне со своими подарками: кто наволочку сдавал, кто сапоги, кто платок, а кто и табак-самосад... И все это искренне, от чистого сердца.

ВЗВОД ВОЮЕТ

ДРУГ СПАСЕН

Летом 1920 года участились бандитские налеты на мирных жителей. Для борьбы с бандитизмом в Губинихском районе был создан Коммунистический взвод из партийного и комсомольского актива. Командовать взводом райком партии поручил мне. Помощником командира взвода назначили Федора Носенко.

Вооружены мы были винтовками, карабинами и гранатами, добытыми в стычках с мелкими бандит-

скими группами. Кое-что из оружия сохранилось у нас еще со времен пребывания в партизанском отряде.

Одной из первых боевых операций нашего взвода была ликвидация банды братьев Гаркавенко.

...Третий час ночи. Тихо вошли мы в село Воскресеновку, где была «резиденция» атаманов. Окружили дом, в котором спали бандиты. Григорий Максютенко и Федор Титаренко первыми ворвались в хату и приказали:

— Руки вверх! Сдавайтесь!

Максима Гаркавенко обезоружили сразу. А его брат Никита успел выхватить из кармана револьвер и выстрелил в Максютенко. Однако Григорий вовремя отскочил в сторону, и пуля пролетела мимо. Тем временем Титаренко сильным ударом выбил револьвер из рук атамана. Бандит Мазан из Миролюбовки, ночевавший у Гаркавенко, выпрыгнул в окно, но Андрей Щербина успел ударить его прикладом по голове, и тот упал.

Под усиленным конвоем мы отправили бандитов в Новомосковск.

Но надо было выручать Дитяшева. Разведка донесла, что Николай сидит под стражей в Перещепине, в лавке торговца Крамарева.

Матвиенко каждый день допрашивал Дитяшева, стараясь склонить его на свою сторону.

— Брось, Микола, это комсомольство, — говорил Матвиенко, — из него добра не будет. Будешь у меня тем, что у вас называется комиссаром, а просто говоря, помощником по агитационной линии. Озолочу! Смотри!.. — И Матвиенко раскрыл сундук с награбленным народным добром.

За эти дни Николай похудел, на висках появилась седина.

— Стреляйте, все равно я предателем не стану, — заявлял Дитяшев.

Но Матвиенко не решался расстрелять Николая — семью Дитяшева, в частности его брата — врача Кузьму Алексеевича, все очень уважали в Перещепине. Чтобы придать убийству Дитяшева «за-

конную» форму, бандиты устроили над ним «суд», хотя и не правый, но скорый. Назначили день расстрела.

Узнав об этом, Губинихский райком партии поручил Коммунистическому взводу спасти Николая.

Прежде всего мы провели разведку и установили, где содержат Дитяшева. Мы знали пароль, и поэтому разведка прошла успешно.

Поздней ночью мы вошли в Перещепино. Клим Хорищко и Федор Носенко тихо сняли часового. Вооруженная группа во главе с Федором Титаренко захватила караульное помещение, отобрала оружие у сонных бандитов. Ошеломленные неожиданным нападением, они не оказывали сопротивления. К тому же мы их предупредили:

— Будете шуметь или попробуете еще какую-нибудь глупость сделать — будете иметь такой же вид... — и я показал на труп часового.

Пока шел разговор с «казаками» Матвиенко, бойцы взвода открыли магазин, где сидели заключенные, и освободили Николая Дитяшева.

Но не менее опасной частью операции было наше возвращение. Решили пойти на риск. Десять часовых вместе с нашей группой построились и вышли из села. Если кто и видел нас, то, конечно, считали, что это «казаки» из банды...

Как нам потом рассказывали, на рассвете в селе поднялась страшная паника... А мы в это время уже подходили к селу Ульяновке, где сели на подводы, ожидавшие нас, и направились в Губиниху.

Все мы были счастливы, что спасли от смерти нашего боевого товарища.

Несколько следующих дней Коммунистический взвод нес караульную службу в Губинихе. В это время бойцы, свободные от службы, изучали политграмоту, читали «Вестник УКРРОСТА», газеты, поступавшие к нам из частей Красной Армии и из уездного комитета партии.

Иван Нудьга принялся готовить новую программу комсомольско-молодежного вечера.

Занятые этими делами, мы, казалось, забыли об операции, связанной с освобождением Николая Дитяшева.

Но не забыл о нас Матвиенко. Он решил нанести нам «ответный визит» и 15 июля неожиданно налетел на Губиниху. Бандиты захватили в плен 13 коммунистов и комсомольцев, как раз в это время находившихся проездом в селе — они направлялись в Новомосковск с отобранным у кулаков оружием, — и расстреляли их. Среди расстрелянных был и председатель Новомосковского уездного комитета КСМУ Илья Киселев.

Во взаимодействии с отрядами Екатеринославского губернского тыла, находившимися в Попасном и Ивано-Михайловке, мы выступили против банды Матвиенко.

...На левом фланге общей цепи наш взвод медленно продвигался через сады, огороды и заросли камыша. Между нами и бандитами все время шла перестрелка.

Группа бандитов засела в одном из домов и отказалась сдаться. Тогда Федор Стоян подполз к хате и бросил в окно гранату. А после взрыва с другой гранатой в руке ворвался в хату. Бандиты сдались.

На других улицах наши бойцы также успешно атаковали бандитов, выбивая их из засад. В тот день мы обезоружили и взяли в плен 350 бандитов. Но главаря бандитов Матвиенко нам не удалось схватить — он убежал в Орельский лес...

Долго мы ничего не знали о судьбе Матвиенко. Но со временем оказалось, что он перешел границу и добрался до Парижа, где встретился с Петлюрой. Прошло двадцать лет, и Федор Матвиенко в чине полковника гитлеровской армии появился в Перещепине. Наверное, думал, что хоть на старости лет поживет паном и «рассчитается» со старыми знакомыми.

Но, как говорят у нас на Украине: «Бачив кит сало, та сылы мало...» Пришлось Матвиенко и на сей

раз «смазать пятки салом». А может, так и не убежал, и где-то в украинских степях его настигла пуля советского солдата.

«ГОНЕЦ ОТ БАТЬКИ БРОВЫ»

После разгрома банды Матвиенко прошло несколько дней. За это время бойцы Коммунистического взвода успели побывать дома.

Как хорошо после изнурительных походов и боев хоть одну ночку поспать на душистом сене! А какой вкусный кулеш сварила мать! Ничего, что постный и хлеба только маленький кусочек...

Быстро промелькнула короткая побывка, и хлопцы возвращаются в Губиниху.

Но не пришлось как следует и поговорить, обменяться впечатлениями....

— В ружье!

Взвод поднят по боевой тревоге: нужно немедленно выступать в Васильевку, что верстах в двадцати пяти от Губинихи.

Васильевка — большое село на правом берегу реки Самары. Вдоль противоположного берега до самой Знаменовки тянется густой Самарский лес. Здесь свила гнездо большая банда, терроризировавшая мирных жителей Васильевки и окружающих сел. Несколько дней тому назад в Васильевке был убит волостной уполномоченный по продразверстке. Бандиты угрожали, что и впредь будут убивать не только продармейцев, но и крестьян, сдающих хлеб государству.

Мария Рачко пошла проведать своего брата, начальника Новомосковского уездного отдела милиции, и не вернулась: махновцы повесили ее в лесу недалеко от Васильевки....

Волисполком фактически прекратил свою деятельность.

Утром я привел Коммунистический взвод в Васильевку. Здесь мы объединились с особым отрядом, направленным сюда штабом губтыла, расположились

в центре села, выставили одну заставу по дороге на реку Самару, другую — в направлении села Кочережок. Остальные бойцы заняли свои места около броневтомашины и пулеметов.

И лишь после этого было созвано общее собрание крестьян с докладом «Текущий момент и создание комитета незаможных селян Васильевки». Запуганные бандитами крестьяне очень медленно и боязливо сходились в волость.

Проверяя готовность бойцов взвода, я заметил, что недалеко от меня прохаживается пожилой человек, словно ищет кого-то.

— Чего вы здесь ходите? — спросил я его.

— А потому, сынок, что нужен мне командир ваш.

— Ну, говорите, что там у вас случилось. Я командир.

Оглянувшись вокруг, он подошел совсем близко ко мне и дрожащим голосом сказал:

— Герасименко в Знаменовке... Подбивает людей резать советских комиссаров в Васильевке... Чтоб я с этого места не сошел, если вру, — и перекрестился.

Органы ЧК уже давно разыскивают атамана махновской банды Герасименко, а он, вишь, тут, недалеко... Но я и виду не подал, а спокойно слушал крестьянина, будто мне вовсе безразличен Герасименко.

Когда он ушел, я позвал Клима Хоришко, чтобы посоветоваться с ним, как проверить, действительно ли Герасименко находится в Знаменовке, а заодно и разведать общую обстановку в селе.

В глазах Клима вспыхнула задорная улыбка. Казалось, он давно ждал случая еще раз рвануться в горячее, настоящее дело.

В нашем взводе Клим Хоришко снискал славу бесстрашного воина, сметливого разведчика и чудесного товарища. Красивый, подтянутый, с черным чубом, торчащим из-под кубанки, он всегда готов хоть сейчас на коня и — в путь.

— Хорошенько присмотрись, Клим, что и к чему,— напутствую его, а ему, видно, не терпится скорее в Знаменовку.

— Конечно, рассмотрю все, Петя, — улыбается Клим, по-молодецки звеня шпорами, которые он один имел во взводе.

Вооружившись, что называется, до зубов, Хоришко садится в лучшую нашу тачанку, запряженную четверкой добрых коней. Сопровождают его лихие всадники Грицько Дуденко, Федор Стоян, Никифор Прокопенко и Грицько Максютенко.

Поехали быстро, как и надлежит людям, выполняющим важное поручение. На всем скаку влетели в Знаменовку.

— Специальный гонец от батьки Бровы! — кричит Хоришко, подъезжая к хате, где остановился Герасименко.

...И матерый головорез поверил, что у главного атамана Бровы действительно должно сейчас состояться экстренное совещание. Тяжело опустив свое грузное тело в бричку, он уселся рядом с Климом.

— Поехали!..

— А это что за хлопцы? — вдруг спрашивает Герасименко, кивком головы показывая на наших всадников, едущих немного поодаль.

— Новенькие, из Константиноградского уезда, — спокойно отвечает Хоришко. — Усиленный наряд!.. Люди говорят, что и сюда иногда заглядывают красноармейцы...

Герасименко даже передернуло, и он хищно посмотрел Климу в глаза.

— Вот, чтобы ненароком и нас не застукали, дали мне усиленную охрану.

А когда Хоришко, вместо того чтобы углубиться в лес, погнал коней на Васильевку, Герасименко спохватился:

— Куда везешь?! Давай вправо!..

Но было уже поздно: навстречу разведчикам бежали Андрей Носенко, Федор Титаренко, Павел Литвиненко, Андрей Щербина и другие бойцы Коммунистического взвода.

Герасименко обезоружили, связали и взяли под арест.

...Часа в четыре дня недалеко от Васильевки взле-

тела в небо зеленая ракета, и мы увидели, что к реке Самаре приближается группа вооруженных махновцев. Обстреливая Васильевку, они переходили реку вброд. Они хотели вырвать из плена своего «неуловимого» атамана.

Взвод и красноармейцы приняли боевой порядок и открыли огонь по бандитам. Бронеавтомашина поддержала пехоту огнем двух станковых пулеметов. Но и это не остановило махновцев: они с диким ревом приближались к нам...

Но что это? Выстрелы из сараев, из окон здесь, в Васильевке... Неужели мы в ловушке?..

Это действовала агентура Герасименко, засланная сюда накануне нашего прибытия.

— Огонь! — командует председатель Николаевской ячейки комсомола Павел Литвиненко и одну за другой бросает гранаты в группы обнаглевших врагов. Когда кончились у Павла гранаты и патроны, он кинулся врукопашную. Собрав последние силы, Литвиненко душил махновцев, но не отступил ни на шаг. Дорого заплатили бандиты за смерть Павлуши: 27 трупов осталось на улицах Васильевки.

При попытке к бегству был убит и Герасименко.

Через несколько дней волостной исполнительный комитет возобновил свою работу.

В очищенной от бандитов Васильевке состоялось общее собрание крестьян.

«Приветствуем представителей власти за то, что они так энергично принялись за советское строительство, — было записано в резолюции. — Будем всемерно поддерживать героическую Красную Армию, защитницу мирового пролетариата, несущую всему миру свободный труд, равенство и братство.

Да здравствует Красная Армия, освободительница угнетенных!

Да здравствует Коммунистическая партия большевиков Украины, которая выковала новых борцов за свободу, братство и равенство!»

Эта оценка была наивысшей наградой красноармейцам и бойцам нашего Коммунистического взвода.

РАБОТНИКИ ЗЕМЛИ И ЛЕСА

«Свободный труд, равенство и братство...»

Снова и снова перечитываю пожелтевший от времени листок бумаги, на котором заскорузлой рукой крестьянина написаны эти священные слова. В них — извечная мечта хлебороба, надежда тружеников земли.

Уже третий год живем без царя, но все еще воюем за власть Советов; ни одного помещика нет в наших селах, но есть еще кулаки — эти упыри на теле трудового народа.

Запуганные хозяевами, молодые сельские парни батраки Губинихи долгое время боялись даже подумать о вступлении в комсомол или хотя бы в какой-нибудь самодеятельный кружок. За малейшую попытку вырваться на часок в клуб кулаки грозились выбросить вон батрака, и тогда он остался бы без куска хлеба.

— Дармоедов мне не надо! — кричал на своих батраков Филон Швачка, которого называли в селе Рак. — Нечего вам бегать в те клубы и косомолы...

Сначала было трудно даже учесть количество батраков. Спросишь дивчину или парня, у кого служит, сколько платит хозяин, — молчат, чтобы не накликать беды.

Губинихская ячейка КСМУ распределила комсомольцев по отдельным участкам села для выявления батраков. Особенно проявил себя в защите интересов батраков Костя Евницкий. Его назначили старшим этой комсомольской группы, несмотря на то, что он был одним из самых молодых активистов — ему только недавно исполнилось 16 лет.

А так как работа среди батраков приобретала все более важное значение, мы создали в Губинихском райкоме комсомола специальный экономический отдел. Правда, он состоял из одного работника — это был все тот же Костя Евницкий.

Маленького роста, Костя выглядел очень смешным в длинной шинели, доходившей ему до пяток, с трехлинейной винтовкой на ремне, штык которой возвышался у него над головой.

Костик (так ласково называли мы его) был одним из наиболее грамотных комсомольцев в нашей организации. Он всегда хорошо знал, что делается на фронтах, какие новые законы приняло Советское правительство, мог объяснить почти все новые слова, попадавшиеся в газетах. Евницкий всегда охотно заменял руководителя школы политграмоты Ивана Хорунжего и не хуже его проводил занятия.

Дома Костя почти не бывал. Забежит на минутку, схватит краюшку хлеба и луковицу — и убежит.

— И дня и ночи ему мало, — жаловалась мать, совсем потерявшая надежду когда-либо увидеть сына дома среди своих младшеньких. — У людей дети как дети, а этот — знай мотается по селу, и калачом не заманишь в хату...

Да где уж там сидеть в хате, когда столько дел у заведующего экономическим отделом райкома комсомола!

И к каким только хитростям не прибегал Евницкий, чтобы выявить батраков у кулачья.

...Поздно ночью стучит Костя в хату Филона Швачки:

— А ну показывайте, где тут у вас спрятался дезертир — этот подлый трус, льющий воду на мельницу акул мирового капитала?

— Да господь с тобой, ниякого дизертиря у нас нету, хоть всю хату переверни, — мямлит спросонья Швачка.

— Может, и правда, а поискать все-таки надо, — начальническим тоном говорит Костя.

И находит двух батраков, спящих в сарае.

Швачка умоляет не записывать его батраков, чтобы не заключать с ними трудовых договоров. На мгновение он куда-то исчезает и приносит большую бутыль подсолнечного масла.

— Передай матери, — говорит он, — и не будем сварытысь *, Костику. Оно и будэ наш договир з тобою, а другого нам и нэ трэба...

— Я вам не Костик, — спокойно, но твердо пере-

---

* Ссориться.

бивает он Швачку, — а товарищ Евницкий, это во-первых, а во-вторых, за попытку дать взятку представителю крестьянско-рабочей власти вы арестованы! — И повел перепуганного насмерть Филона Швачку в арестантскую комнату волисполкома...

Только после того, как Швачка подписал договоры — обязался платить деньги батракам, давать одежду, отпускать на занятия в школу ликбеза, — его отпустили домой.

— Малэ, як кошэня, а такэ врэднэ, — жаловался соседям Швачка, проклиная Костю Евницкого. — И дэ на нашу голову взялысь оти комсомолы!..

Все выявленные батраки брались на учет, а хозяев заставляли заключать договоры.

Каждую неделю Евницкий докладывал райкому о результатах работы экономотдела. Радость светилась в его глазах, когда он сообщал новые имена зарегистрированных батраков.

— Чорногор Микола, Книжник Грицько, Сидоренко Евтихий... А вот и девчата: Вареник Мотря, Демура Мотря... Теперь они уже наши, дорогой товарищ секретарь райкома, наши! — торжествующе говорил Костя и поднимался на цыпочки, чтобы похлопать меня по плечу.

Вскоре батраки Микола Чорногор и Петро Барилко вступили в комсомол, а Мотря Вареник записалась в хор и в драмкружок. Специально для батраков мы создали группу по ликвидации неграмотности.

Как полководец впереди своего войска, шел Костя Евницкий во главе делегатов первой районной конференции союза работников земли и леса — недавно еще забитых батраков и батрачек, а теперь полноправных советских граждан, которых комсомольцы выводят на светлый путь борьбы «за свободный труд, равенство и братство».

НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК

В те дни в райкоме зачастую оставался только наш сторож, инвалид империалистической войны Федор Панасенко. Он принимал райкомовскую почту,

губернскую газету «Селянська правда» и уездную «Голос незаможного», надписывал на них адреса и коннонарочным волисполкома отправлял в сельские комсомольские организации. Он же часто принимал посетителей, записывал телефонограммы.

— Райком слухае, — кричал Панасенко в телефонную трубку. — Кого? Хижняка нэма. И Евницкого тожэ нэма. Та кажу ж вам, що никого нэма. Дэ воны? Хиба вы нэ знаете, дэ тэпэр комсомольци? Банды ганяють!..

Весь состав райкома вместе с Коммунистическим взводом неделями вел боевые операции по селам района.

Тем временем в Губинихе создалась очень тревожная обстановка. Однажды ночью был убит член волисполкома коммунист Федор Копыл. Загадочно исчез председатель комитета незаможных селян Семен Приходько. Позже его тело было найдено в колодце на окраине Губинихи.

Вместо Приходько председателем комнезама стал пятидесятилетний бедняк Самсон Журавель. Его вместе с женой тоже убили, когда они возвращались с поля...

В Губинихе заночевал батальон 60-го стрелкового полка, направлявшийся в Новомосковск. В ночь на 18 ноября бандиты внезапно напали почти на все дворы, где ночевали красноармейцы. Во время этого налета бандиты захватили три тачанки с лошадьми и пулеметами.

Одна из этих тачанок стояла во дворе крестьянина Михаила Брижана. Сын хозяина будущий комсомолец Конон Брижан помогал красноармейцам отбить нападение бандитов.

Губинихский райком партии обязал Коммунистический взвод выловить бандитов.

Мы организовали патрулирование по улицам Губинихи, особенно бдительное ночью. Но прошло несколько суток, а результатов никаких: везде спокойно и тихо. Кое-кто из бойцов начал ворчать:

— Зачем мы напрасно подметки протираем, день и ночь шагая по улицам?

А по селу кто-то пустил слух о том, что все террористические акты в Губинихе совершили какие-то «залетные» бандиты и вряд ли, мол, они до сих пор находятся в селе. Значит, и патрулирование ни к чему.

Но иного мнения был боец нашего взвода комсомолец Прохор Деркач.

— Говоришь, тихо и спокойно? — переспросил он Андрея Носенко, который только что вернулся с поста. — А мне не верится, чтобы сейчас в Губинихе была тишь да гладь и божья благодать...

Этот резкий ответ насторожил всех нас. Мы знали, что этот парень, как говорят, не бросает слов на ветер.

Прохор Деркач был у нас одним из авторитетнейших комсомольцев. Он прошел хорошую школу в рабочем коллективе трубопрокатного завода Гантке в Екатеринославе (ныне завод имени Карла Либкнехта).

Кадровый рабочий, участник революции 1905 года, Горохов обучал Прохора не только токарному делу, а и тому, как бороться за свободу и правду. Вместе с большевиком Гороховым и другими революционерами Деркач принимал участие в рабочих демонстрациях и стачках 1917 года.

Юный боец Екатеринославского рабочего отряда П. Деркач в начале 1918 года участвовал в обороне города от австро-немецких оккупантов.

Потом Прохор приехал в Губиниху и поступил работать на железную дорогу — сначала рабочим по ремонту путей, затем стрелочником и, наконец, составителем поездов.

Комсомолец Прохор Деркач был, так сказать, пролетарской прослойкой в нашем Коммунистическом взводе. Росту его авторитета среди комсомольцев Губинихи содействовало и то, что он хорошо воевал против бандитов.

— Бандюги тоже не дураки, чтобы лезть на наши штыки, когда мы патрулируем, — говорил Деркач. — А мы давайте вот что сделаем...

...Декабрьской ночью группа бойцов Коммунисти-

ческого взвода, возглавляемая Прохором Деркачем, устроила засаду у каменного моста через речку Губиниху. К двенадцати часам ночи Федор Носенко, Григорий Руденко, Андрей Носенко и Конон Брижан заняли свои места в засаде.

Ночь была лунная. Кругом тишина.

— И от этого каждому из нас становилось еще страшнее, — рассказывал мне позже Деркач. — Время тянулось очень медленно...

Хлопцы притаились, помня наказ своего старшего: без команды ни шагу с места, ничего не предпринимать.

— В тихом омуте черти водятся, — говорил им Прохор еще до выхода в засаду. — И пусть вас тишина не успокаивает.

Так и получилось. Примерно около часа ночи на мосту появился какой-то человек. Шел он не торопясь, тихо что-то напевая. Не спуская с него глаз, бойцы дали ему приблизиться к месту засады.

Оглянувшись вокруг, неизвестный выстрелил вверх.

— Мы приготовились, — рассказывал дальше Прохор, — и когда он уже был совсем близко, по моей команде вмиг окружили его.

— Руки вверх!

— Эге, да мы же знакомы! — воскликнул Конон Брижан, узнав бандита, который ранил его отца во время недавнего налета банды на красноармейцев.

У задержанного отобрали наган и гранату. Потом Андрей и Федор Носенко связали его, и вскоре вся группа была в райкоме.

Секретарь сельской комсомольской ячейки Пантелеймон Онищенко и я допросили задержанного. Это был сын кулака Евдоким Оберемок, член губинихской подпольной контрреволюционной организации «Вильна Украина».

Оказалось, что убийство Ф. Копыла, С. Приходько и С. Журавля с женой, нападение на красноармейцев и другие преступления — дело рук этой банды.

Не столько по собственной воле, а учитывая свое

безвыходное положение, Евдоким Оберемок сообщил нам в ту ночь много важных сведений.

«Вильна Украина» насчитывала в своем составе свыше ста человек, в большинстве кулаков Губинихи. Оберемок назвал всех. Не забыл он и псаломщика Якова Гомору, по предложению которого банда намечала провести в начале рождества кровавую расправу с партийно-комсомольским активом — свою «варфоломеевскую ночь».

Узнали мы и о том, что собрания членов этой контрреволюционной организации проходят на Кривой горе, где живут бандиты Игнат Штых, Федор Порада и Никифор Сорока. Нам стало известно также, что оружие этой банды хранится в Иосифовском женском монастыре, в селе Марьевке под наблюдением монашки, родной сестры атамана банды Игната Панасенко.

Арест Евдокима Оберемка вызвал страшное замешательство в стане врага. Губинихские бандиты спешно «перебазировались», но органы советской власти держали в своих руках уже все нити их подпольной организации.

Охваченный страхом перед неминуемой гибелью, Игнат Панасенко обратился за помощью к атаману махновской банды Брове. Бандиты решили во что бы то ни стало расправиться с Коммунистическим взводом.

8 декабря 1920 года они организовали налет на Губиниху. Бандиты разгромили волисполком, схватили как заложников старика Н. Можаровского — отца секретаря Новомосковского уездного комитета, члена волисполкома Дмитрия Носенко и некоторых других активистов.

— Где Деркач? — допытывался у арестованных Панасенко. — Помоги найти Федьку Носенко или Грицька Руденко, тогда отпущу!..

Но как ни издевались бандиты над арестованными, ничего не смогли добиться от них.

А наш взвод в это время был в Николаевке. В эти дни здесь остановился 1-й полк отдельной кавалерийской бригады Первой Конной армии. Теперь мы

могли рассчитывать на значительную поддержку. И действительно, пока бандиты свирепствовали в Губинихе, из Николаевки выступил кавалерийский полк. Вместе с конармейцами был и наш Коммунистический взвод.

... Три часа продолжался ожесточенный бой с бандитами в балке юго-восточнее села. Закончился он полным разгромом банды: свыше пятисот убитых бандитов валялось на снегу, около ста человек было взято в плен.

Через некоторое время мы поймали бандитов Игната Штыха, Федора Пораду и Никифора Сороку. Это произошло в рождественские дни, как раз накануне намечавшейся разбойниками Панасенко «варфоломеевской ночи».

А вскоре был схвачен в Иосифовском монастыре и атаман банды Игнат Панасенко.

УЧИТЬСЯ КОММУНИЗМУ

ЧИТАЕМ РЕЧЬ ЛЕНИНА

Сейчас, в пору высокого развития науки и техники, мы немедленно узнаем о всех событиях международной и внутренней жизни. В годы же гражданской войны мы такой возможности, конечно, не имели. Я уже говорил, что основным источником информации тогда были рассказы людей, побывавших в уездном центре или Екатеринославе. Преимущественно это были работники райкома партии, а иногда кто-нибудь из комсомольского актива.

Так мы в Губинихе узнали и о том, что в Москве в октябре 1920 года состоялся третий съезд Российского Коммунистического Союза Молодежи, на котором с большой речью выступил Владимир Ильич Ленин. Эта речь была напечатана в трех номерах газеты «Правда» за 5, 6 и 7 октября 1920 года, а к нам эти номера пришли из Новомосковска только в конце декабря. Видимо, их читала масса людей, а уже после этого из уезда газеты передали в Губиниху. Газетные листы были потрепаны, как говорят, зачитаны до дыр, многие места подчеркнуты карандашом и чернилами.

Чтобы не терять времени, мы решили прочитать речь В. И. Ленина все вместе.

В комнате райкома собрался весь наш актив. Нам очень хотелось побыстрее узнать, о чем говорил Ленин. Мы надеялись получить ответы на множество вопросов, волновавших и молодежь и взрослое население: скоро ли окончится гражданская война, есть ли какой-нибудь декрет о борьбе с бандитами, которые до сих пор не дают покоя крестьянам...

На скамейках, на подоконниках, а кто и просто на полу разместились комсомольцы и приготовились слушать.

Читал бывший ученик Новомосковской учительской семинарии девятнадцатилетний сын бедняка Иван Хорунжий. Он руководил у нас школой политграмоты.

Иван Хорунжий читал громко и выразительно, будто сам произносил эту речь:

«Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи...»

«Основные задачи», — повторил я мысленно эти слова и очень обрадовался: сейчас услышим, как быстрее добить бандитов...

Наверное, и мои товарищи подумали, что теперь, наконец, будут разрешены все споры, не раз возникавшие на собраниях и в беседах между комсомольцами: о продразверстке и дезертирстве, о Махно и интервентах на востоке, о торговле и церкви.

Но товарищ Ленин говорил совсем о другом:

«...Я должен сказать, что эти задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций в частности можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться...»

Многим из нас показалось, что Хорунжий ошибся, и мы чуть было не попросили его прочесть эти слова еще раз.

Нет, не ошибся Иван Хорунжий, потому что и дальше Ленин говорил о том, чему мы должны учиться, чтобы оправдать звание коммунистической молодежи.

Оказывается, нам надо не просто учиться, а учиться коммунизму...

И снова подумалось нам, что, если мы громим контрреволюцию и помогаем Красной Армии защищать советскую власть, — это и есть учеба коммунизму, ибо своим участием в вооруженной борьбе народа мы приближаем день победы коммунизма во всем мире...

Но нет, товарищ Ленин разъясняет нам, что настоящий коммунист лишь тот, кто обогащает свою память знаниями, накопленными человечеством. Для построения коммунизма надо возродить промышленность и земледелие, и возродить по-новому, на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве. При этом Владимир Ильич подчеркнул, что «к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности».

Мы, конечно, не могли сразу осмыслить всю глубину ленинских слов, и это заставило нас хорошо задуматься.

В тот день в райкоме творилось что-то невероятное: хлопцы спорили, вырывали друг у друга из рук газету, тыкали пальцами то в одно, то в другое место речи и то и дело обращались за разъяснениями ко мне, хотя я и сам тогда крепко задумался.

— Получается «дети в школу собирайтесь»? — продекламировал Федор Титаренко, и на его смуглом

лице заиграл румянец. — А эту куда? — показал он на свою длинную кривую саблю, висевшую вдоль левого бедра.

У большинства присутствующих — свежие следы недавнего боя в Губинихе: перевязки на руках и ногах, наклейки на щеках и на лбу, у некоторых забинтована вся голова. И мы знаем, что впереди еще не одна стычка с врагами революции. И, возможно, именно поэтому на реплику горячего Титаренко живо откликнулся Григорий Максютенко:

— Вот-вот, мы возьмем учебники, а Матвиенко и Петраш тем временем захватят власть в Губинихе...

Иван Хорунжий насмешливо прервал Максютенко:

— Скажи-ка мне, Грицю, чего это бог дал человеку по два глаза и уха, а язык только один?

Вопрос был странным и задан, казалось, совсем некстати. Все замолчали, не понимая, что кроется за ним.

Не ожидая ответа, Иван, обняв Григория, с расстановкой проговорил:

— А потому, товарищ Максютенко, чтобы человек больше смотрел и слушал и меньше болтал...

Хлопцы весело рассмеялись. Григорий смутился, но хотел было отпарировать меткий удар Хорунжего. Однако Иван уже поднес к глазам Максютенко газету и окликнул Титаренко:

— И тебе, Федя, не мешало бы послушать, прежде чем прощаться с саблей.

И уже обращаясь ко всем, спросил:

— А кто это вам сказал, что хватит уже воевать и пора браться только за книги? Товарищ Ленин говорил, а я читал и такое: «Вы все знаете, что перед нами сейчас же вслед за задачами военными, задачами охраны республики, встает задача хозяйственная».

Подчеркнув это, Иван продолжал:

— Слышали? «Вслед за!..» Значит, никто не говорит нам, что хватит колотить Матвиенко и Петраша.

Наоборот, чем быстрее мы их разгромим, тем скорее начнем учиться, как говорит нам Владимир Ильич, товарищ Ленин.

Пока Хорунжий разъяснял эту часть речи В. И. Ленина, я нашел в предыдущем номере, почти в самом начале речи, слова, которые мне хотелось еще раз напомнить всем комсомольцам. Это было то место, где Владимир Ильич подчеркивал, что «без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит...»

— Вот видите, хлопцы, — сказал я, — товарищ Ленин призывает нас к работе, к борьбе, ибо без этого, только с книжками в руках мы коммунизм не построим.

Ивана Хорунжего и меня поддержал Костя Евницкий:

— Правильно говорят Иван и Петро, ведь товарищ Ленин говорит не только о нашей Губинихе, а про весь комсомол, и указывает, что делать в будущем — вперед на много лет. И воевать, и самим учиться, и молодых батраков учить...

Костя и здесь не забыл напомнить о своих подопечных — членах профсоюза работников земли и леса.

Не принимая никакого постановления, мы решили, что каждый еще раз самостоятельно прочитает речь В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи», выпишет непонятные слова, а Иван Хорунжий на очередном занятии политшколы объяснит их.

Первыми должны были прочитать речь Федор Титаренко и Григорий Максютенко.

Из дальнейших бесед стало ясно, что и они поняли свою ошибку, они просто сгоряча сказали то, что сразу пришло в голову.

В политшколе все мы глубоко усвоили указания В. И. Ленина. Затем в райкоме разработали детальный план изучения этого документа во всех комсомольских ячейках.

Начался новый этап в жизни губинихской комсомольской организации.

Мы решили провести по волостям собрания молодежи, чтобы всех ознакомить с речью В. И. Ленина и наметить пути дальнейшей работы.

За Губиниху и Николаевку райком КСМУ был спокоен: там есть крепкие комсомольские ячейки, способные обеспечить успех собраний.

А вот в Ивано-Михайловке и Голубовке к тому времени еще не было комсомольских организаций, и поэтому мы решили поехать туда. Вместе со мной поехали Ф. Носенко, Г. Руденко, П. Ривный и И. Хорунжий.

Ивано-Михайловка расположена у Самарского леса, где еще скрывались остатки недобитых махновских банд. Это и обусловливало очень сложную обстановку, создавшуюся в селе. Здесь совсем недавно были убиты несколько работников советских учреждений. Население было запугано. На протяжении года в Ивано-Михайловке вообще не было никаких собраний.

Поэтому мы поехали туда с оружием и с порядочным запасом патронов и гранат.

Объявили по всем хатам, чтобы молодежь приходила в школу на собрание. Около школы на всякий случай установили пост, и каждый из нас по очереди стоял на часах.

Долго пришлось ожидать нам и представителю волисполкома Павловскому, пока молодежь начала сходиться в школу. Когда собралось человек тридцать, решили начать собрание.

Павловский торжественно объявил:

—Слово для доклада имеет представитель Губинихского районного комитета коммунистического союза молодежи Украины товарищ Носенко Федор.

Присутствующие поудобнее устроились за партами, приготовившись слушать доклад.

— Надо очистить Самарский лес от бандитов и начинать учиться коммунизму, как советует нам товарищ Ленин, — сказал Носенко. — Вон в Губинихе и Николаевке уже есть коммунистические ячей-

ки молодежи, пора и в Ивано-Михайловке создать комсомольскую организацию...

Вот и вся речь, которую произнес тогда Федор Носенко.

И как настойчиво ни спрашивал Павловский: «Кто хочет выступить? У кого есть вопросы?» — присутствующие молчали.

В этом молчании чувствовалась тревога, не дававшая ни высказаться, ни тем более что-то делать по примеру Губинихи и Николаевки.

Подталкивая друг друга, тревожно поглядывая на окна, — не подкрадываются ли сюда бандиты, как не раз случалось в прошлом году во время собраний, — хлопцы молчали.

— Ну что же это получается, товарищи и граждане, — обратился к ним Павловский, — к нам приехали руководители районного комсомола, а мы молчим... Или мы не хотим, чтобы и у нас была школа коммунизма, как в Губинихе?..

Наконец подал голос один парнишка:

— Чего же не хотим! Разве мы не такие люди, как они?

Григорий Руденко, только что сдавший пост Ивану Хорунжему, подхватил слова парня:

— И я скажу, раз у нас теперь равноправие, то и в Ивано-Михайловке тоже можно иметь комсомол... Чего же молчите, хлопцы, да и вы, девчата?

Собрание немного расшевелилось, послышались робкие голоса:

— Мы же не против...

— А девчатам можно?

— Если б не бандюги...

— Будут ли давать оружие в комсомоле?

Я сказал, что не так страшен черт, как его малюют: есть у нас Коммунистический взвод, который вместе с красноармейцами имеет достаточно сил, чтобы разбить бандитов. Во взвод принимаем комсомольцев и даже девчат.

Последнее вызвало громкий смех: до сих пор в наших краях не слышно было, чтобы женщины носили оружие.

— Руденко говорил здесь о равноправии, хотя и не туда прилепил это слово. А я так понимаю: и мужчина и женщина теперь одинаковые права имеют и от советской власти и от товарища Ленина...

Наверное, я говорил не совсем убедительно, так как среди шести делегатов, избранных на районную конференцию молодежи, не было ни одной девушки.

Потом мы поехали в Голубовку. Здесь значительно быстрее утверждалась советская жизнь. В Голубовке тогда уже была волостная партийная ячейка, возглавляемая Прохором Кирилловичем Карпенко — активным участником партизанской борьбы против австро-немецких оккупантов и деникинцев, председателем Голубовского комнезама.

Это был живой для своих пятидесяти лет мужчина, с черной бородкой лопаточкой. Прохор Кириллович дружил с молодежью села, и она отвечала ему искренней привязанностью. Особенно же любил Карпенко Федора Кравца, прославленного партизана-разведчика и в то время единственного комсомольца в Голубовке.

Прохор Кириллович говорил о Федоре:

— Это моя правая рука по всем линиям — и по комнезамовской и по партийной, хотя еще и не вступил в коммунистическую ячейку, да к тому же и без ноги.

А Федор действительно хорошо помогал партийной ячейке, волисполкому и комитету незаможных селян. То он, ковыляя на тяжелом протезе, ходит по селу с продармейцами, «выкачивая» хлеб у кулаков, то рассказывает молодежи о своих мытарствах в немецком плену, то собирает хлопцев и показывает, как надо стрелять из различных положений — и стоя, и лежа, и с колена, и даже верхом на полном скаку.

И все это Федор делал ловко и весело.

О снайперских способностях Федора мне как-то рассказывал Карпенко:

— За сто шагов от него кто-нибудь подбросит вверх старую тарелку или ком земли, и Федор первым же выстрелом из винтовки поражает эту «подвижную мишень».

Макар Скороход, ни разу не видевший этого, усомнился.

— Э, сказки, — заявил он скептически. — Не верю я, чтобы Федька так стрелял...

Услышав об этом, Кравец как-то сказал Скороходу:

— Давай спорить: если я не пробью твой картуз, ставлю магарыч.

Хлопцы, которые были при этом, подзадоривают Макара, желая его проучить:

— Давай подбрасывай картуз!

— Так он же выменял его в Водолаге за пуд арнаутки! Пожалеет...

— Не пожалею, — хорохорился Макар, — все равно Федька не попадет...

И вот полетел вверх новенький картуз с блестящим лакированным козырьком. Федор Кравец тщательно прицелился и спокойно нажал спусковой крючок.

В защитном сукне картуза сбоку появилась дырка...

— Знаете, хлопцы, — объяснял Федор, — каждый предмет на лету имеет мертвую точку. Это когда предмет на миг останавливается, а потом начинает падать вниз. Вот этот момент и надо поймать и нажимать на спусковой крючок.

А насупившийся Макар почесал затылок и под веселый смех ребят ушел домой.

...Очень обрадовались Карпенко и Кравец, когда их похвалили за Голубовку.

Довольно быстро собралось человек сорок молодежи, из них десять девушек. И здесь после короткой информации Федора Носенко никто сначала не просил слова для выступления, но много задавали вопросов — когда, наконец, поймают разбойника Петраша, можно ли комсомольцам ходить в церковь, разрешаются ли теперь досвитки *...

— Про досвитки еще нет постановления, — ответил Носенко, — но нам надо думать не о них, а как

---

* Посиделки.

сделать клуб, такой, как в Губинихе и Николаевке. Тогда и в церковь не будете ходить.

— А мать говорит, что выгонит из дому, если запишусь в комсомол, — не прося слова, с места выкрикнула Даша Скороход.

Собрание загудело. Перебивая друг друга, ребята выкрикивали что-то, но из-за шума и смеха трудно было сразу понять, чего они хотят.

Впрочем, нам скоро стало ясно: молодежь, которую мы звали к новой жизни, ждала от нас ответа на многочисленные вопросы, волновавшие ее сейчас.

Я сказал, что на днях состоится районная конференция, где будут обсуждены все вопросы, интересующие сельскую молодежь.

На собрании избрали десять делегатов на районную конференцию, в том числе Федора Кравца и трех девушек — Дашу Скороход, Меланью Чалую и Марию Кравченко.

В других волостях также состоялись собрания молодежи, на которых были избраны делегаты на районную конференцию.

НОВЫЕ ВРЕМЕНА — НОВЫЕ ПЕСНИ

Помню, как старые люди в нашем селе когда-то определяли перспективы своего хозяйствования. «Первого марта, — говорили они, — ветер показывает, какая погода будет летом: если ветер теплый, то и лето будет теплое; если веет от Днепра, значит рыба будет ловиться, если из степи, то будет хорошая пчела, а если с юга, будет урожай на хлеб...»

Весенний ветер тысяча девятьсот двадцать первого года принес новую примету: потянулись к солнцу молодые побеги революции — комсомольцы, и это сулило новые, радостные перемены в жизни народа.

Вот они едут из всех волостей — посланцы крестьянской молодежи, и теплый ветер ласково ерошит им волосы и играет в складках кумачовых знамен.

Радость бьется в сердцах хлопцев и девчат, еще недавно запуганных бандитами.

— В Губиниху! На конференцию...

А какие красивые слова, сроду здесь не слыханные: конференция, делегат, член профсоюза, мандат, демократия...

Это же они делегаты и едут на свою конференцию — на собрание трудящейся молодежи.

«Новые времена — новые песни», — говорят в народе.

Советские композиторы тогда еще не создали ре волюционных песен, и люди наполнили новым содержанием давние мелодии:

Нумо боротысь, щоб на Вкраини
Зныклы паны з дукарямы,
Щоб на шыроким свити веселим
Люды зробылысь братамы...

— На конференцию! В Губиниху...

Это едут голубовские делегаты во главе со своим боевым и веселым вожаком Федором Кравцом.

Неизменная спутница молодежи — двухрядная гармошка — выводит нехитрую мелодию задорной частушки:

У Харькови дощ иде,
А в Полтави слызько;
Бэрэжыся, Махно-дурэнь —
Партызаны блызько...

А вон мчатся подводы из Вольного, Почино-Софиевки, Очеретоватого...

— В Губиниху! На конференцию...

Но в некоторых местах еще бесчинствуют махновцы, и поэтому представители ряда волостей не смогли приехать.

В Губинихском двухклассном училище собралось 76 делегатов районной конференции молодежи. В просторном классе разместились рядом с делегатами и приглашенные на конференцию гости — молодые красноармейцы расквартированного в Губинихе кавэскадрона Первой Конной армии, рабочие и несколько представителей местной интеллигенции.

Делегаты и гости быстро знакомятся, завязывают-

ся оживленные беседы. Наибольшая группа собралась вокруг красноармейцев -- ведь они воевали под командованием самого Буденного!..

Среди кавалеристов несколько русских, и они как зачарованные слушают украинские песни, так полюбившиеся им за время службы на Украине. Но им тоже не хочется оставаться в долгу, — они знают новую песню и сейчас научат своих друзей петь ее.

Сначала тихо, а потом все увереннее и громче звучит:

Рвутся снаряды,
Трещат пулеметы,
Но их не боятся
Красные роты!

И уж совсем хорошо получается припев:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И всех врагов побьем
В борьбе за это...

Можно было бы уже начинать конференцию, но меня вдруг вызывают к Архипу Свичкаренко, недавно назначенному на один из важнейших участков — членом коллегии районной продовольственной комиссии.

— Что же это ты, друже, заявку на продукты подал и успокоился? — набросился он на меня. — Думаешь, скатерть-самобранка слетит с неба, и твои делегаты будут сыты?

Вот те и на! В суматохе, а может и по легкомыслию, мы и забыли о питании для делегатов.

Но не забыл об этом Свичкаренко. С отцовской заботой работники райпродкома изыскивали продукты для нашей молодежи. Из очень ограниченных продовольственных ресурсов было выделено немного муки и овощей.

Давая мне наряд на продукты, член коллегии райпродкома рабочий Брянского завода Журавлев с упреком сказал:

— Хорошо поют ваши делегаты!.. Но не забывайте, товарищ Хижняк, известного предостережения дедушки Крылова...

Конференция открылась пением «Интернационала». «Дети великой армии труда», мы мечтали о дне окончательной победы над врагом, когда для нас

...солнце станет
Сиять огнем своих лучей...

Первым выступил на конференции Дорофей Бутенко, избранный вместо А. А. Свичкаренко председателем Губинихского райкома КП(б)У.

Его появление на трибуне встретили дружными аплодисментами. Особенно громко аплодировали делегаты Николаевки — ведь это их односельчанин, поднявший в 1918 году красное знамя над волостью, руководит теперь целым районом.

С тех пор минуло два с половиной года. Грозовые дни революции наложили на Дорофея Ивановича свой отпечаток: больше стало морщин на лбу — неизгладимых следов глубоких размышлений в ревкоме и в штабе партизанского отряда; в некогда лучистых глазах, как мне показалось, потускнел юношеский огонек... Зато степенной стала походка, более размеренными движения, и в голосе появилась твердость, делавшая слова весомыми, убедительными. Это, наверное, оттого, что теперь ему не за одну Николаевскую волость, а за весь Губинихский район надо отвечать перед партией, которая доверила Дорофею Бутенко этот нелегкий пост.

Он вышел на трибуну, партийный руководитель и наш старший товарищ, чтобы приветствовать первую районную конференцию сельской молодежи и рассказать, что и как дальше делать.

Д. Бутенко коротко охарактеризовал сложную международную обстановку и внутреннее положение страны.

Незадолго перед конференцией райком партии получил текст доклада В. И. Ленина на VIII Всероссийском съезде Советов, и Дорофей Иванович передает нам его мысли.

— Мы можем теперь с гораздо большей уверенностью и твердостью взяться за близкое нам необходимое и давно уже привлекающее нас дело хозяйственного строительства, с уверенностью, что так легко, как раньше, капиталистам не удастся сорвать эту работу...

Ленин говорил и о том, что у нас с каждым днем улучшаются отношения со многими государствами, и о том, что идеи и принципы советской власти победили, что на селе власть в руках крестьян обеспечена.

Пророческие ленинские слова звучали так конкретно, будто это было сказано о Губинихе и Голубовке, Ивано-Михайловке и Вольном...

Я сижу в президиуме, и мне хорошо видно, как реагируют делегаты на выступление председателя райкома партии.

Костя Евницкий подмигивает Ивану Хорунжему: мол, и мы тогда в райкоме, когда читали речь Ленина, говорили, что действительно время уже переходить к мирному строительству и к учебе.

Вон, видишь, о чем говорит Владимир Ильич: о топливе, о Донбассе, об электричестве, о том, что коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны, что план электрификации для нас все равно что вторая программа партии.

Бутенко напоминает и такие слова Владимира Ильича: «Не полагаясь на нанесенные уже империализму удары, мы свою Красную Армию во что бы то ни стало должны сохранить во всей боевой готовности и усилить ее боевую способность».

Разыскиваю глазами Федю Титаренко и Гришу Максютенко. Их, конечно, окрылит это ленинское предупреждение — ведь они до сих пор не расстаются со своим верным оружием. Вот они наклонились к своим соседям и что-то шепчут им. И я понимаю, о чем они сейчас думают, в чем хотят убедить своих товарищей...

Но зачем убеждать? Товарищ Бутенко, перейдя к конкретным задачам сельской молодежи, говорит о том, что вражеские недобитки снова активизируют свои преступные действия против советской власти.

Махно, Маруся до сих пор не прекратили своих набегов на мирных крестьян. А сколько развелось новых разбойничьих банд, которыми руководят теперь в разных местах Украины и «Казачья рада», и созданная в Галиции «Украинская военная организация», и «Братство украинской государственности», и даже «Всеукраинский повстанческий комитет»...

— Так будем же всегда готовы, — говорил Бутенко, — как призывает нас Ленин, выступить против всех врагов советской власти.

Потом Д. Бутенко ознакомил делегатов конференции с решениями X съезда РКП(б) — о переходе к новой экономической политике, о восстановлении разрушенного народного хозяйства, об укреплении союза рабочего класса и крестьянства на новой экономической основе, о ленинском плане построения социализма в нашей стране.

Так на нашей конференции переплелись задачи мирного строительства и просвещения с военной подготовкой и с другими неотложными комсомольскими делами.

Об этом говорил в своем докладе представитель Новомосковского уездного комитета КСМУ тов. П. Онищенко, об этом говорили и делегаты конференции.

— Слово имеет председатель Губинихского рабочего комитета профессионального союза работников земли и леса...

Многие делегаты, видимо, подумали, что сейчас придется слушать еще одного из солидных руководящих районных работников. Но это был наш Костик Евницкий, появление которого на высокой трибуне невольно вызвало добродушные улыбки. Он тоже улыбнулся, и это означало: неважно, что я ростом невелик, а вот послушайте меня...

И Евницкий сел на своего конька — горячо заговорил о молодых батраках и батрачках, об их больших правах, данных им советской властью. Он вынимал из своего старенького портфеля, разбухшего от бумаг, все новые и новые документы и зачитывал их: о том, что хозяева должны обеспечивать батраков

одеждой, пищей, платить столько-то денег, отпускать на занятия по ликвидации неграмотности, а в субботу — в клуб...

Для многих делегатов, особенно девушек, сообщение Евницкого было радостной новостью.

Иван Хорунжий призывал молодых крестьян создавать ликбезы и кружки по изучению политграмоты. Он объявил, что во время перерыва раздаст программу занятий на месяц, а позже сам привезет последующие разделы программы (просто не успел переписать).

Большое впечатление произвело выступление Ганны Можаровской.

Коротко подстриженная, в солдатской гимнастерке, туго подпоясанной широким ремнем, в юбке защитного цвета, она прошла к трибуне, по-военному чеканя шаг.

Вишь, какой стала! А совсем недавно, когда партизаны выгнали немчуру и австрияков, пятнадцатилетняя Ганка вместе с губинихскими мальчишками шныряла по оврагам и балкам, собирая патроны, револьверы и винтовки...

— Нэ дивка у тэбэ, а черт в юбке! — говорили соседи Мусию Можаровскому.

Первая комсомолка Губинихи Ганна Можаровская приехала на побывку из кавполка Конной армии, где служит писарем и библиотекарем.

С большим интересом слушали мы ее рассказ о месте женщины в советской жизни, о равноправии. И, конечно же, звала девушек в комсомол.

Делегатки-девушки зашумели, но Ганна продолжала:

— Знаю, девчата, знаю! А меня, думаете, батько и мать так сразу и пустили в ячейку?.. Где там! Долго я боролась, умоляла и плакала, а потом взяла да и записалась. И не выгнали из дому, хотя тоже грозились... Дорогие мои подружки, записывайтесь в комсомол, потому что где союз, там и сила. Плюньте на кулаков, которые злобные сплетни распускают. Знаете, как люди говорят: дружные сороки и орла заклюют!

И бравым видом своим и словами, простыми и искренними, Ганна вызвала громкие аплодисменты.

В конце конференции делегаты в едином порыве запели «Интернационал».

«ГОЛУБОВСКИЙ КОМСОМОЛ»

Возвратившись с конференции молодежи, Федор Кравец с присущей ему энергией принялся «сколачивать голубовский комсомол».

На всех собраниях, которые тогда проходили в Голубовке, Федор просил слова и независимо от того, какой вопрос обсуждался, заканчивал свое выступление призывом к молодым крестьянам записываться в коммунистический союз молодежи Украины.

Но хотя Федор очень горячо призывал молодежь, заявлений о приеме в комсомол почему-то не поступало.

— Это, наверное, потому, — говорил Кравец секретарю парторганизации и председателю комнезама Голубовки Прохору Карпенко, — что мы не рассказываем людям о социализме...

Единственным человеком в селе, который мог бы, по мнению Федора, выступить по этому вопросу, был красноармеец Борис Набелохов из расквартированной в Голубовке части Первой Конной армии.

— Так вот, Боря, разъяснишь о социализме, а после этого я начну записывать в комсомол, — договаривался Кравец с Набелоховым.

— Ладно, вот только перепишу материал, — говорил Набелохов, — и социализм будет как на ладони...

Собрание крестьян созвали по поводу выполнения плана продразверстки и организации школы ликвидации неграмотности.

Казалось, вопросы будничные, а Набелохов зачем-то привел из своей части духовой оркестр.

Прежде чем слушать о социализме, проверили, кто сколько сдал хлеба государству, потом почти всех присутствующих записали в ликбез.

В бывшем магазине Демида Исакова, где проходило собрание, полно народу. Вместо трибуны — большая бочка из-под масла, накрытая красной материей. На «трибуне» крынка с водой — для ораторов — и заранее разложенные бумаги Бориса Набелохова, видимо тезисы или все выступление, написанное от руки.

Предоставили слово Набелохову.

Это было его первое выступление перед крестьянами, и все ожидали, что сейчас узнают, что такое социализм, за который теперь борется весь народ.

Небелохов мигнул дирижеру, и оркестр заиграл «Интернационал». Все встали, а после окончания «Интернационала» сели на свои места.

Борис выпил воды, откашлялся, поправил ремень и, тряхнув белокурой шевелюрой, заговорил:

— Начало двадцатого века можно считать началом конца капиталистического строя, в основе которого лежит частная собственность на все богатства, главнейшие из которых: земля и ее недра, орудия и средства производства, транспорт, здания и денежные капиталы...

Словно курица, пьющая воду, Борис то и дело наклонялся к бочке, быстро пробегал глазами по листочкам, а потом резко поднимал голову и произносил громкие фразы, одну замысловатее другой.

Люди, ничего не понимая, удивленно пожимали плечами, перешептывались. Даже о конкретных делах, очень близких крестьянам и особенно волнующих каждого из них — о будущем сельского хозяйства — Набелохов говорил так:

— Со временем сельское хозяйство будет иметь чисто плантаторский характер, в виде грандиозных экономий... На такой путь поведут сельское хозяйство урбанизация, коммуны и кооперация, поскольку будут способствовать слиянию мелких хозяйств в крупные...

Голубовцы сидели ошеломленные, а Борис захлебывался непонятными фразами, безразличный к аудитории.

Когда Набелохов, наконец, отошел от бочки, а ор-

кестр снова заиграл «Интернационал», стены магазина задрожали от бурных аплодисментов. И Борис, видимо, подумал, что это ему так радостно аплодируют благодарные слушатели...

К счастью, среди присутствующих был комиссар одного из территориальных полков Красной Армии Павел Скороход, приехавший на несколько дней в родную Голубовку.

Попросив слово «для дополнения», он коротко, простым и понятным всем языком рассказал о внутреннем положении страны. И про социализм он тоже сказал, но так, что каждому крестьянину стало ясно, какой справедливый строй утверждают в нашей стране большевики под руководством вождя революции товарища Ленина.

Отозвав Набелохова, я спросил, где он брал материал для своего выступления.

— Новинка! — обрадованно воскликнул Борис. — Едва выпросил в библиотеке на два дня. — И он показал мне тоненькую брошюрку под названием «Что такое социализм».

Вспоминая этот эпизод, я подумал о том, как часто мы сами подрывали свой политический авторитет в массах крестьянства из-за неумения говорить с людьми по-ленински просто и доходчиво. И какой большой вред нанесли делу пропаганды социализма начетчики и талмудисты.

...Время было уже позднее, и записи в комсомол Федор так и не провел. Я посоветовал ему сделать это не на общем собрании крестьян, а созвать только молодежь села.

Вскоре в здании, где недавно находился фельдшерский пункт, состоялось собрание молодежи Голубовки.

Коротко рассказав о Губинихской районной конференции молодежи, Ф. Кравец обратился к юношам и девушкам с призывом вступать в комсомол, «чтобы гуртом защищать рабоче-крестьянскую власть от курбкульни и бандитов».

Правду говоря, Федор был не из лучших ораторов в Голубовке. Но чтобы поддержать престиж своего

товарища, Сережа Диченко, Меланья Чалая, Коля Усенко и другие делегаты районной конференции молодежи захлопали в ладоши. Еще кто-то поддержал их не очень активно, послышались реплики:

— Давай, Федька, давай!..

— Всех пиши, теперь коммуния...

Но никто не решался выступить первым. Этим воспользовался какой-то кулацкий сынок.

— Дай-ка я скажу, — поднял он руку и вышел вперед.

Молодежь зашумела:

— Куркулям слова не давать!..

— Нехай скажет, он грамотный!..

Кравец растерялся, что-то кричал, но его голос тонул в нарастающем шуме. А кулацкий сынок все стоял с поднятой рукой, и когда шум немного утих, начал говорить:

— Мы, честные хлеборобы, не против советской власти, разверстку вывозим, громады не цураемся *...

Кто-то выкрикнул:

— Ишь ты, уже и к громаде ластится!..

А кулак продолжал:

— Что оно за комсомол, мы, селяне, не знаем, но думается мне так, что Федька, пробачте, что товарищ Кравец хочет собрать голодранцев, чи як говорять, пролетарию, чтобы отбирать хозяйское добро да и себе немного подживиться. Ото и есть комсомол...

— Брешешь! — крикнул Кравец и сгоряча чуть не ударил выступавшего.

Из задних рядов послышалось:

— А ну дай ему по морде, чтоб больше не гавкал!..

И снова забурлило собрание: выкрики, смех, свист...

Оратор как-то сразу сник, махнул рукой и вышел из комнаты.

Не попросив слова, к столу подбежал бедняк Федор Бутко.

— Кого вы слушаете? — начал он. — Да разве

---

* Общества не сторонимся.

его зовет Федор в комсомол? Зачем нам брать куркуля? Это бедняцкий союз, и я прошу записать меня.

С этими словами Бутко положил на стол свое заявление.

— И меня пиши! — подошел к Кравцу Сашко Борулько.

Смущенно оглядываясь по сторонам, робко приблизилась к столу Даша Скороход, а за ней протиснулась вперед и Меланья Чалая. Они держали в руках заявления (еще на конференции в Губинихе, когда слушали Ганну Можаровскую, решили вступить в комсомол).

Заявления подали также Михаил Прудченко, Григорий Бутко и сын рабочего-беженца из Бреста Алексей Степанюк. Кроме того, у Кравца в папке лежали поданные еще на прошлой неделе заявления Сергея Диченко, Марии Кравченко и Миколы Усенко.

В тот же день в Голубовке была создана ячейка КСМУ.

После собрания хлопцы сбили вывеску бывшего земского фельдшерского пункта, очистили от ржавчины обратную сторону жести и написали мелом большими буквами: ГОЛУБОВСКИЙ КОМСОМОЛ.

Создание комсомольской ячейки в Голубовке имело большое значение. Известная часть молодежи еще находилась под влиянием атамана банды Петраша, который был родом из Голубовки. Комсомольская ячейка и трудящаяся молодежь, объединявшаяся вокруг нее, теперь стала нашим надежным опорным пунктом на востоке Губинихского района.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ОТРЯД

ТРУБА ЗОВЕТ К БОЮ

Вслед за Голубовкой комсомольские ячейки были созданы в Почино-Софиевке и вторая в Губинихе. В Губинихском районе насчитывалось уже свыше 150 комсомольцев.

Надо было направлять деятельность сельских комсомольских организаций, определять их очередные задачи.

Весной 1921 года мы созвали общее собрание комсомольцев Губинихского района. Оно состоялось в местной школе. Открыл собрание член райкома КСМУ С. Головач.

Уже около года существует Губинихская районная организация коммунистического союза молодежи. За это время комсомольцы оказали серьезную помощь партийной организации и местным Советам во всех общественно-политических мероприятиях.

Об этом рассказал в своем выступлении председатель Губинихского РК КП(б)У тов. Бутенко.

Горячо приветствовал комсомольцев представитель рабочей молодежи Губинихи рабочий мельницы Михаил Голуб.

Внимательно слушали участники собрания и рассказ Марка Недужко об интересных делах комсомольского клуба в Николаевке.

Но если эти выступления носили, так сказать, мирный характер, то смысл речей Никиты Бродянко из Николаевки и Федора Кравца из Голубовки состоял в призыве создавать боевые взводы для борьбы с остатками банд.

Вообще же длинных речей не произносили, многие просто спрашивали с места: когда будут учебники политграмоты, принимать ли в комсомол середняков, где держать оружие, сколько платить членских взносов...

Не было и заранее подготовленного проекта резолюции, да и слова такого мы тогда еще не знали. Постановление намечали сообща, здесь же, на собрании. Это были конкретные предложения, что необходимо делать.

— Разъяснить батракам и беднякам, чтобы вступали в ячейки...

— Пусть и середняки записываются, есть и среди них хорошие, честные люди, просятся в комсомол.

— Чтобы договора с батраками заключались...

— Всех неграмотных в ликбез...

— Девчат в комсомол вовлекать...

— Чтобы кулаки не пролезли в сельские Советы, когда будут выборы...

— Каждый комсомолец пусть вступит во взвод...

Собрание избрало в новый состав районного комитета КСМУ С. Головача, Ф. Носенко, П. Ривного, П. Хижняка, И. Хорунжего и кандидатами П. Деркача и Г. Шереметьева.

Как секретарь Губинихского райкома КП(б)У, я отвечал также и за работу комсомола, поэтому был всегда тесно связан с комсомольцами. К тому же и по возрасту я был не старше многих членов КСМУ.

Я уже говорил, что весной 1921 года снова активизировали свои действия бандитские недобитки. Екатеринославский губком партии обратился ко всем партийным организациям с письмом, в котором в соответствии с резолюцией Первого Всеукраинского совещания КП(б)У, состоявшегося 2—4 мая 1921 года, было предложено создавать коммунистические отряды особого назначения для борьбы с бандитизмом.

После ликвидации вражеского гнезда в Губинихе прошло четыре месяца. Мы почти полностью переключились на мирный творческий труд. Продналог и ликбез, посевная и политграмота, выборы в Советы и постановки драмкружков, вовлечение молодежи в комсомол и составление договоров с батраками. А сколько еще других дел было в селах и на хуторах!

Но вот снова труба зовет к бою.

Поздно ночью состоялось экстренное заседание Губинихского райкома партии.

— Нам не впервой громить бандитских головорезов, — сказал Дорофей Бутенко. — Губиниха всегда была впереди, знаю, верю, что и в этот раз мы справимся с поставленной задачей.

Член райкома Архип Свичкаренко, очевидно, вспомнил горячие дни и ночи в Казачьем Гаю, смелые рейды в тылы врага.

— Ясно, Дорофей Иванович, — поднялся он со скамейки, — нужно созывать ребят, пусть почистят оружие, поди, заржавели уже карабины и сабли. Людей у нас теперь стало больше, подросли и комсомолята наши...

Я сообщил, что в Голубовке, Николаевке и других селах при комсомольских ячейках есть неплохо во-

оруженные группы — взводы, готовые войти в состав Коммунистического отряда.

Основным ядром отряда стали коммунисты, уже имевшие немалый боевой опыт: николаевцы К. Хоришко, А. Щербина, Г. Максютенко, Б. Хейфец и три Федора: Носенко и Титаренко из Губинихи, Кравец из Голубовки.

Вокруг этого ядра отряда сплотилось более восьмидесяти коммунистов и комсомольцев, в большинстве уже обстрелянных в боях юношей наших сел, и еще группа комсомольцев из Константиноградского уезда Полтавской губернии.

Командиром Коммунистического отряда стал Архип Свичкаренко, а я — комиссаром.

Слух о том, что нашим отрядом командует бесстрашный партизан большевик Свичкаренко, быстро облетел все окрестные села. То и дело в штаб приходили молодые и пожилые крестьяне — боевые побратимы Архипа Андреевича.

— Прошу принять в отряд...

Формирование трех стрелковых и одного кавалерийского взводов прошло у нас сравнительно быстро. Значительно сложнее было вооружить всех бойцов отряда.

Подсчитав более чем скромные остатки вооружения бывшего Коммунистического взвода, Свичкаренко улыбнулся:

— Выходит, из каждой винтовки нам придется стрелять впятером... Шесть седел, два десятка гранат, три револьвера, какая-то тысяча патронов... Маловато, хлопцы, если на всех нас.

Подарок, полученный нами от особой кавбригады Первой Конной армии в день ее отъезда из наших мест — ящик патронов, десять клинков, несколько десятков гранат, — конечно, лишь ненамного пополнил наш арсенал.

Председатель райкома партии Д. Бутенко взял меня с собой в Екатеринослав, чтобы там раздобыть оружие для нашего отряда.

В губкоме партии нас внимательно выслушали, по-

хвалили, пожелали боевых успехов и... ничего не дали.

— Что ж теперь делать? — вслух подумал я и вопросительно посмотрел в глаза заведующему военным отделом губкома КП(б)У.

— Вот это уже другой разговор, — живо заговорил он, — с этого нужно было бы и начинать.

Мы не понимали, что именно имеет в виду заведующий отделом губкома.

— У вас на Новомосковщине, скажу я вам, оружием хоть пруд пруди! И не смотрите на меня, товарищи, такими удивленными глазами. Правда, оружие это временно в руках бандитов Зайцева, Левченко, Репы, Петраша...

И уже совсем весело прибавил:

— В общем, как говорят, ищет Хима Ефима, а Ефим возле нее.

Мы тоже засмеялись.

Наш собеседник, погасив улыбку, продолжал:

— И не медлите, товарищи, а то пока мы с вами здесь раздумываем, ваши же новомосковские незаможники опередят вас. Вот почитайте...

Он вынул из ящика стола политдонесение Екатеринославской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, подчеркнул карандашом несколько строк и подал нам.

«Из других материалов видно, — прочитали мы,— что отряды комнезама активно ведут борьбу с бандитизмом. Особенно это относится к Новомосковскому уезду».

Заведующий военным отделом губкома партии посоветовал нам связаться с отрядами комнезамов, действующими в нашем уезде, и вместе находить оружие и военное снаряжение, не полагаясь только на губернский комитет КП(б)У.

— И делайте это так, как делает вся беднота Екатеринославщины.

Он дал нам свежий номер газеты губкома партии «Селянська правда», где была опубликована резолюция Второго губернского съезда бедноты. Там говорилось: «Надо немедленно приступить к организации

в каждом уезде одного кавалерийского эскадрона и одной роты на тачанках. Для организации отрядов и рот тачанки и лошадей надо взять у кулаков, оружие и седла взять у кулаков и бандитов, использовать все, что смогут дать военные комиссариаты».

В конце нашей беседы он сказал, что губком партии сейчас договаривается с командованием Харьковского военного округа о частичном пополнении боеприпасами коммунистических отрядов особого назначения и комнезамовских эскадронов и рот.

Подбодренные этим, Бутенко и я вернулись домой.

Райком партии располагал сведениями, что отдельные жители Губинихи, Ждановки, Попасного и Васильевки прячут «кое-что». Бутенко предложил устроить «сбор» оружия.

— С миру по нитке — Свичкаренко арсенал, — закончил он.

И действительно, зоркие глаза комсомольцев находили во многих тайниках обрезы, револьверы, гранаты, клинки, штыки...

Пожалуй, наибольшая добыча выпала И. Хорунжему, Ф. Носенко, П. Ривному и мне. Недалеко от Губинихи, у деда-лесника по прозвищу Байдала мы обнаружили около трех десятков винтовок, несколько револьверов, шесть сабель, свыше тысячи патронов, немало солдатского обмундирования.

— Спасибо, сыночки, что забираете, может, оно вам еще понадобится, а мне — ни к чему, — уверял нас старый лесник.

Мы немного пожурили деда за то, что он до сих пор не уведомил власти об оружии, которое подобрал после недавней стычки буденновцев с бандой Бровы.

В хозяйстве Иосифовского монастыря мы взяли четырнадцать добрых коней и в тот же день передали командиру кавалерийского взвода Ф. Титаренко.

Почти весь апрель 1921 года продолжалась учеба бойцов: строевая подготовка, изучение материальной части, верховая езда, рубка лозы на скаку...

Пусть это не удивляет читателей, но учебных стрельб с большинством бойцов мы не проводили: во-

первых, многие и без этого умели хорошо стрелять, а во-вторых, жаль было тратить боевые патроны.

Первым заданием отряда было ознакомление с районом будущих боевых действий. Мы должны были разведать положение в северной части Губинихского района, где прятались остатки банд Иванюка и Матвиенко.

Нас интересовал также и юг Полтавской губернии, особенно села Сомовка, Семеновка, Зачепиловка, — там орудовали атаманы Зайцев, Савонов, Левченко...

Мы готовились к новым боям.

«ПАРАД ВОЙСК»

Дети грозовой эпохи, мы были увлечены романтикой гражданской войны и во всем старались подражать взрослым — воинам прославленной Первой Конной армии.

Если мы — отряд, то должен быть у нас и штаб. И мы его создали, назначив Григория Максютенко начальником штаба, а Сашу Лагутина адъютантом, хотя тогда никто из нас не мог точно сказать, что означает это странное слово и какие функции должен выполнять человек, назначенный на эту должность.

Штаб нашего отряда разрабатывал «оперативные планы», хотя в первый период существования отряда нашими операциями были обыкновенные налеты на бандитские группы.

Как ни тяжело было, но мы выкраивали время для организации политико-массовой работы среди бойцов отряда и населения. Мы проводили беседы с крестьянами «О текущем моменте», устраивали что-то наподобие нынешних вечеров художественной самодеятельности.

Помню, с каким вдохновением бойцы декламировали стихи тогда еще молодого украинского советского поэта Владимира Сосюры, напечатанные в одной из газет, выходивших на Екатеринославщине.

Это стихотворение привлекало нас своей искренностью и простотой, всем своим содержанием оно отвечало нашему настроению. Называлось оно «Комсомольцы идут».

По ланах голубых, що до сонця вэдуть,
На бандытив у бий комсомольци идуть...

Наверно, под влиянием этого стихотворения Федор Носенко и вспомнил, что скоро первая годовщина со дня создания Губинихской комсомольской организации.

По инициативе Носенко бойцы Коммунистического отряда решили в ознаменование первой годовщины комсомола Губинихи провести «парад войск».

В архивных материалах по истории комсомола Украины сохранился приказ:

«ПРИКАЗ №4
по Коммунистическому истребительному отряду Харьковского военного округа 3 мая 1921 года

с. Лычково

4 мая 1921 года исполняется ровно год со дня создания Губинихской организации КСМ. Организация, выросшая в условиях чрезвычайно тяжелых — в условиях развития бандитизма, сумела выковать крепкую, могучую силу, объединенную в отряд, который ведет энергичную борьбу с развившимся бандитизмом

В ознаменование годовщины организации приказываю всем командирам взводов приготовиться для участия в параде, каковой назначаю 4 сего мая, в 10 часов утра на большой площади в с. Лычково.

Командир и комиссар Коммунистического истребительного отряда *Хижняк»* *

К этому параду все готовились очень старательно. Встали на рассвете. Усердно наваксили сапоги, почистили одежду, побрились, смазали винтовки и карабины.

Сельский слесарь по нашей просьбе выбил из тонкой жести пятиконечные звездочки для всего отряда. Покрытые красной краской, они украсили наши головные уборы.

Аршин красной китайки, прикрепленный к саженному древку, служил знаменем отряда.

---

* В это время отрядом временно командовал П. К. Хижняк. *(Примеч. редакции.)*

Право нести знамя на параде мы предоставили самому молодому бойцу отряда — шестнадцатилетнему Пете Порываю. Он крепко обхватил древко правой рукой, а культей левой руки прижал его к поясу. Еще когда был пастушком, в девятнадцатом, Петя нашел на выгоне под Николаевкой железную банку. Захотелось посмотреть, что там внутри. Начал отвинчивать головку, и мина взорвалась... Теперь левая рука у него без пальцев.

— Но я удержу! — умолял меня Петя, когда я както недоверчиво глянул на его руки.

Вот он идет, чеканя шаг, впереди нашего отряда, гордый тем, что ему, самому младшему, оказали такое высокое доверие.

— Левой! Левой! — четко звучат слова командующего парадом — командира второго стрелкового взвода Назара Зайченко, ведущего колонну к сколоченной на скорую руку из неоструганных досок трибуне.

И снова, чтобы все было как положено в армии, Назар командует:

— Парад, смирно! Равнение на середину!

Мы стоим около трибуны и принимаем наш первый парад.

— Товарищ комиссар! Коммунистический истребительный отряд Харьковского военного округа для торжественного парада выстроен! Докладывает командир взвода Зайченко.

Я слышу удары своего сердца, переполненного радостью. Вот какой у нас теперь отряд! И строем хорошо ходят, и все, как один, с оружием — пусть пока разнокалиберным, в полном смысле этого слова, но грозным и послушным в руках молодых бойцов.

Мы с Федором Носенко поднимаемся на трибуну, произносим коротенькие речи-приветствия.

Сняв головные уборы, минутным молчанием чтим память наших погибших товарищей, — членов комсомола Ивана Щербины и Иосифа Коцюбы, председателя Новомосковского уездкома КСМУ Ильи Киселева, председателя Николаевской ячейки комсомола Павла Литвиненко...

Взволнованные чрезвычайным событием в жизни нашего отряда — торжественным парадом, — мы возвращались в Губиниху.

Землей владел светлый май. Он нежил ее теплыми лучами солнца, ласкал буйной зеленью, славил пением неугомонных птиц и весенних ручейков. Как ты прекрасна, животворна, мать земля! Выйти б сейчас нам в поле, молодыми, сильными руками засеять тебя, чтоб отблагодарила нас обильным урожаем.

Но нет! Нам еще нужно очистить тебя от погани, чтобы стала ты от края и до края вольной и счастливой.

И сами просились слова в песню:

По ланах голубых, що до сонця вэдуть,
На бандытив у бий комсомольци идуть.

ПУЛЕМЕТ — НАШ!

Одно из подразделений 30-й Иркутской стрелковой дивизии вело тяжелые бои с махновцами в селе Крутояровке Константиноградского уезда Полтавской губернии и вынуждено было отступить. Отходя, красноармейцы оставили в захваченном бандитами селе станковый пулемет.

Командир подразделения обратился в штаб нашего отряда с просьбой выделить группу бойцов, которые помогли бы найти в селе пулемет и вернуть его красноармейцам.

Мы, конечно, охотно дали свое согласие и поручили эту операцию расположенному в Голубовке стрелковому взводу под командованием Федора Кравца.

...Мигает коптилка, освещая тусклым светом самодельную «тактическую карту». Над ней склонились бойцы взвода Александр Борулько, Федор Бутко, Сергей Диченко, Иван Прудченко и Герасим Притема.

Кравец инструктирует:

— Итак, едете в Крутояровку, выдавая себя за

бандитов Бровы, будто бы отбившихся от своего отряда. Вот на каждого бумага с подписью и печатью...

Федор роздал хлопцам фиктивные документы и подробно разъяснил, где, когда, что и как делать.

Выехав ночью, ребята утром добрались уже до Крутояровки, что в тридцати верстах от Голубовки. В селе как раз был базар.

Оставив двух бойцов с подводой на краю села, Борулько еще с двумя бойцами отправился на базарную площадь и сразу же нашел бывшего писаря сельской управы, ярого махновца. Именно он мог знать, где спрятан пулемет.

Показав писарю свое «удостоверение», Борулько тихонько сказал:

— Отойдем немного, есть очень серьезное дело...

Писаря привели на сельскую окраину, где стояла подвода. Борулько вынул револьвер из кармана.

— Именем советской власти вы арестованы. Садитесь на подводу и выполняйте приказ. За малейшее нарушение приказа — расстрел на месте...

Дрожа от страха, писарь сразу же назвал место, где был закопан пулемет. Перепуганный хозяин (тоже из махновцев) откопал за хатой оставленный красноармейцами пулемет, хлопцы положили его на подводу, прикрыли сеном. На всякий случай решили прихватить с собой писаря и хозяина двора. Вечером группа с двумя арестованными махновцами вернулась в Голубовку.

Командование дивизии объявило благодарность бойцам взвода.

Самой же ценной боевой наградой был пулемет, который подарила нам воинская часть.

— Вы его отвоевали, и он по праву принадлежит вам, — сказал начальник особого отдела дивизии, пожимая руку Александру Борулько.

КОНЕЦ БАНДЫ РЕПЫ

Наша разведка установила, что бандит Степан Репа, скрывавшийся в Голубовском лесу, начал сколачивать банду.

— Надо кончать с Репой, — сказал Архип Свичкаренко на оперативном совещании в штабе.

Второй взвод нашего отряда прибыл в Голубовку. Мы решили «прочесать» лес.

Группа кавалеристов взвода Федора Титаренко укрылась на опушке леса, стрелки Назара Зайченко шли цепью, с севера, на левом фланге был Свичкаренко, а на правом — я.

Когда мы углубились в лес примерно на полверсты, боец, молодой батрак из Губинихи Василь Журавель, заметил вдали шалаш, у которого лежал на разостланной свитке какой-то человек.

Мы застыли на месте и начали внимательно присматриваться. Потом осторожно подобрались поближе к шалашу.

Сомнений не было — это Степан Репа. Рядом сидит его жена. Она уже закончила сервировку «стола» — стоит четверть самогона, нарезан хлеб, сало, лук...

Заметив нас, Репа выстрелил из винтовки; пуля просвистела у самого моего уха, задев фуражку. Я выстрелил из карабина в воздух и приказал:

— Руки вверх!

Попав в западню, бандит сдался. Мы забрали у него английскую винтовку, около двухсот патронов, наган, четыре гранаты и оседланного коня·

Поинтересовались и содержимым бумажника бандита. Среди многих документов нашли отпускное удостоверение, выданное штабом 60-го полка войск внутренней службы командиру пулеметной команды 3-го караульного батальона Степану Репе. Его отпуск уже давно закончился.

В шалаше мы нашли печать и штамп «Павлоградский городской кооператив удешевленных товаров». Ограбив магазин, Репа прихватил штамп и печать — пригодятся, мол, в бандитском хозяйстве.

— И то харч! — весело крикнул Клим Хоришко, укладывая на подводу отобранное у Репы оружие.

Я невольно улыбнулся, вспомнив недавнюю беседу в Екатеринославе. Прав был тогда заведующий

военным отделом губкома партии: «Ищет Хима Ефима, а Ефим около нее...»

Как выяснилось на допросе, Репа собирался присоединиться со своими разбойниками к большой банде Алексея Петраша и стать его помощником.

БОЙ НА КИЛЬЧЕНСКОМ МОСТУ

Бойцы взвода под командованием Ф. Кравца снова расположились в Голубовке.

25 мая часов в одиннадцать утра за селом на дороге появилась группа всадников. Это шла одна из банд.

Взвод занял оборону на мосту через речку Кильчень.

— Не допустим махновцев в Голубовку! — приказал Кравец.

Меткими огнем бойцы преградили путь бандитам, не дали им прорваться на мост. Потеряв несколько человек убитыми, бандиты отошли.

— А вон еще идут!..

Это подала сигнал комсомолка Меланья Чалая, которая первой из девушек Голубовки стала бойцом Коммунистического отряда.

На выручку шайки, которую только что отогнали, спешили человек двадцать бандитов.

Кое-кто из молодых бойцов начал сгоряча вести беспорядочный огонь по махновцам.

— Беречь патроны! — приказал Федор. — Подпускать поближе и вести прицельный огонь.

Дружным огнем рассеяли и эту бандитскую группу. Но оставалось совсем мало патронов. К тому же среди бойцов были раненые.

В это время откуда-то появилась еще одна группа махновцев, направлявшихся к Кильченскому мосту. Кравец приказал:

— Отходи, хлопцы! Оружие не бросать!..

А сам решил прикрывать отход взвода. Александр Борулько, увидев, что Федор остается у моста, закричал:

— Стой! Назад! Что же это, выходит, мы убегаем,

а Федора оставляем? Я никуда не пойду отсюда. Или забыли, как говорится: «Сам погибай, а товарища выручай!»

Несколько смущенные бойцы снова залегли у моста и с еще большим ожесточением открыли огонь по бандитам.

Потеряв надежду овладеть мостом, махновцы пошли в обход и ворвались в Голубовку с другой стороны. Взвод с боем отошел за реку.

Махновцы, заняв село, учинили зверскую расправу. В лапы бандитов попал тяжело раненный семнадцатилетний боец взвода Арсений Кравец. Кулак Федор Чалый, показывая на Арсения, закричал:

— Это же брат их командира-большевика!

Махновцы вывели комсомольца на середину улицы, и здесь один из пьяных бандитов-кавалеристов зарубил его... Такой же страшной смертью погиб ровесник Арсения Семен Шкребец.

Озверевшие бандиты разгромили волисполком и клуб, изорвали декорации и костюмы драмкружка, разбили пианино...

В это время в село влетела тачанка, запряженная четверкой взмыленных коней. Вслед за ней мчалось несколько десятков всадников с обнаженными саблями. На тачанке сидела женщина лет тридцати двух. Поблекшее лицо закрыто черной вуалью, на шее длинная серебряная цепь, к концам которой прикреплены два револьвера. По бокам два телохранителя, рядом с кучером — пулеметчик.

Это была проклятая народом Маруся Никифорова — организатор и командир бандитской «черной гвардии», подручная кровавого палача Махно.

Запомнилась ей наша Голубовка, откуда она потом еле ноги унесла, преследуемая красноармейцами и бойцами Коммунистического отряда.

ШИРОКАЯ БАЛКА

После боя за Кильченский мост нам пришлось позаботиться о пополнении личного состава отряда и боеприпасов.

Именно в эти дни нами заинтересовалось военное командование.

Группу бойцов и командиров нашего отряда пригласили в Екатеринослав, в штаб Харьковского военного округа.

— А знаешь, Петя, — сказал мне по дороге Федор Кравец, — как-то страшно в штаб округа заходить... Кто его знает, как там посмотрят на наше обмундирование...

Действительно, внешне мы были неказисты: кто в сапогах, а кто в штиблетах, у одного солдатская гимнастерка, а у другого синяя косоворотка. Такие же «пестрые» были и наши головные уборы.

— И не гражданские и не военные, — продолжал Федя. — Одним словом, ни рыба ни мясо, а что-то вроде гриба...

Кто-то из канцелярии пошел доложить о нас. Мы подтянулись по-солдатски, готовые доложить о прибытии по всей форме.

В это время из кабинета выглянул человек, одетый в военную форму без всяких знаков различия, и с приветливой улыбкой обратился к нам:

— А-а, заходите, заходите, хлопцы.

Потом он пригласил нас сесть и «чувствовать себя как дома».

Сразу же исчезла напряженность, сковывавшая нас.

Заместитель командующего войсками Харьковского военного округа товарищ Орлов записал наши имена и фамилии, расспросил, откуда мы родом, давно ли воюем. Меня он попросил рассказать о составе отряда и в чем он особенно сейчас нуждается. Я кратко охарактеризовал состояние нашего отряда.

Подведя нас к оперативной карте Украины, Орлов показал районы, где орудуют еще остатки банд.

— Вас, товарищи, — сказал он, — мы попросим помочь 30-й Иркутской дивизии. — И тонким концом указки обвел северо-восток Екатеринославщины.

Мы должны были связаться с командиром так называемого летучего отряда Дроботом для разработки конкретного плана боевых действий.

Из штаба округа мы возвращались, как говорят, не с пустыми руками: нам выделили тридцать новеньких винтовок, пулемет, пять тысяч патронов...

— Все остальное получите у товарища Дробота, я с ним об этом говорил, — сказал, поднимаясь из-за стола, Орлов. — Ну, дорогие наши помощники, желаю вам боевой удачи!

Теперь мы считали себя полноценными бойцами Красной Армии. Еще бы: получили боевое задание от штаба военного округа!

По оперативному плану бойцы истребительного отряда 30-й Иркутской дивизии громили остатки банд на границе Константиноградского и Новомосковского уездов, вытесняя их на юг. Мы же во взаимодействии с отрядом начальника особого отдела этой дивизии должны были перехватывать и уничтожать отступающих бандитов.

30 июня мы расположились на хуторе Широкая Балка (ныне деревня Герасимовка Перещепинского района Днепропетровской области).

Утро было спокойное. Крестьяне работали в поле, но и на хуторе оставалось немало людей. Мы созвали сход. С интересом слушали крестьяне выступление командира Коммунистического отряда Архипа Свичкаренко о международных событиях, о политике советской власти, о продразверстке, о борьбе с бандитизмом.

Много задавали нам вопросов, на которые надо было отвечать просто и понятно.

— Ото скризь, тильки и чуемо про як його... социализм, а що воно таке, не знаемо, — спрашивает один старик.

— А мы попросим нашего комиссара, — показывая на меня, говорит Свичкаренко, — пусть он расскажет нам о социализме.

Я понимал, что звание комиссара обязывает меня ко многому. Я должен был отвечать на все вопросы, волнующие людей. Но что скрывать: мне, девятнадцатилетнему сельскому парню, иногда бывало очень трудно отвечать на тот или иной вопрос. Сердцем мы все чувствовали, что боремся за великое правое де-

ло, что идем единственно верным путем, по которому нас ведет Ленин. А вот слова, необходимые для того, чтобы объяснить это, убедительные примеры не всегда находили.

— Социализм, граждане, — говорил я, — это такое общество, в котором все должны работать. Кто работает, тот и ест, а кто лодырничает, не имеет права есть...

Я вспомнил Голубовку и выступление Бориса Набелохова. «Ты смеялся тогда над Борисом, а сейчас и сам, как дьячок, пересказываешь заученное из какой-то книжки», — думал я, стоя перед крестьянами Широкой Балки...

Кулаки пытались срывать наши беседы, распространяли всякую ложь о будущем социалистическом строе, задавали издевательские, явно провокационные вопросы.

Один из саботажников продразверстки елейным голосом обратился не столько ко мне, сколько к собранию:

— А чи правда, что совецька заповидь гласить: «Мое — мое, и твое — мое»?

Послышался злорадный смешок кулаков.

Я объяснил, что никаких таких заповедей нет, что все это выдумки махновцев и других врагов народа, которые хотят обмануть и запугать крестьян.

— А что касается сдачи излишков хлеба для Красной Армии, которая воюет за нашу свободу, и для рабочих, делающих нам и машины, и гвозди, и спички, и другие товары, то это наш святой долг перед рабоче-крестьянским государством. Кто больше имеет, для того и разверстка больше, а беднякам и батракам нечего бояться — советская власть их никогда не обидит.

Но мы так и не успели ответить на все вопросы — пришлось закрывать собрание, так как наши наблюдатели доложили, что верстах в двух восточнее хутора появились какие-то всадники.

Я и Федор Титаренко вместе с кавалерийским взводом бросились по направлению к неизвестным.

Увидев нас, они открыли огонь. Мы ответили тем же. Бандиты исчезли за пригорком.

Услышав перестрелку, А. Свичкаренко с двумя взводами поспешил к нам на помощь.

А в это время в Широкую Балку въехала большая конная группа под красным знаменем. Группа стала приближаться и остановилась менее чем в полуверсте от нас.

Мы были уверены, что это революционный отряд с Полтавщины, который, вероятно, идет на соединение с нами.

Мы с Федором Титаренко подъехали к этой кавалерийской группе.

— Я комиссар Коммунистического отряда особого назначения по борьбе с бандитизмом Хижняк. А кто вы?

Вместо ответа бандиты отбросили красный флаг и подняли свой, черный, с надписью «Сыны обиженных отцов» и желто-голубой — «Повстанческий курень». Это были белогвардейцы и недобитые петлюровцы из банд Зайцева и Матвиенко...

Высокий всадник выхватил револьвер и выстрелил в меня. Пуля попала в левую ногу, Федор Титаренко выстрелом из карабина убил бандита.

Так мы «познакомились».

Свичкаренко сразу разгадал замысел противника. В населенном пункте у нас были все условия для активной обороны. Конный разъезд бандитов и был выслан с целью выманить нас из хутора в степь, где, как полагали враги, будет легче разбить наш отряд.

И начался один из самых ожесточенных в истории нашего отряда бой.

Обе стороны несли большие потери, но никто не отступал. Свичкаренко приказал разделить отряд на две части и начать ложный отход. Одна часть шла навстречу 3-му истребительному отряду Красной Армии — к хутору Скотоватому, другая — на соединение с отрядом особого отдела 30-й Иркутской дивизии, к селу Попасному. Этим маневром мы должны были увлечь за собой бандитов и потом силами трех красных отрядов разгромить их.

Нелегко дался нам этот маневр...

Кавалерийский взвод Федора Титаренко атакует левый фланг противника. В это время у нас становится одним всадником больше: боец стрелкового взвода Грицько Пидпалый убил бандита, снял с него оружие, сел на его коня и присоединился к нашим кавалеристам.

В разгар боя упали подстреленные кони, запряженные в нашу штабную тачанку. Шестнадцатилетний ездовой комсомолец Платон Явор бросил в бандитов гранату, а потом, воспользовавшись паникой, убил двух всадников, запряг их лошадей в штабную тачанку и вывез ее с поля боя.

Наш неудачник докладчик Борис Набелохов продолжительное время находился в госпитале. Пока он лечился, его часть выехала на Северный Кавказ. Выздоровев, Набелохов вступил в наш отряд. В бою у Широкой Балки он проявил себя отважным воином, уничтожив пятерых бандитов.

Клим Хоришко и Федор Титаренко в конной атаке зарубили по три вражеских всадника.

Во время атаки конным взводом левого фланга вражеской цепи комсомолец Олекса Степанюк уничтожил несколько бандитов, но и сам пал сраженный.

Против семи озверелых бандитов самоотверженно дрался коммунист Борис Хейфец, сын фельдшера из села Николаевки. До последнего патрона отстреливался Борис и пал смертью героя в неравном бою.

Знаменосец нашего отряда Петя Порывай и в Широкой Балке не отставал от старших товарищей. Вместе с Иваном Жумарем, Никифором Шевченко и Иваном Черноволом Петя был в боевой охране Красного знамени отряда. Бандиты пытались захватить знамя. Они несколько раз бросались в атаку, но комсомольцы с оружием в руках стойко защищали наш стяг. Уже десятки вражеских трупов валяются вокруг доблестных защитников знамени, а разъяренные бандиты все еще наседают...

В смертельной схватке пали Иван Черновол, Никифор Шевченко, Иван Жумарь... Но жив еще Петя Порывай. Он подбирает винтовки погибших, воору-

жает ими группу крестьян, прибежавших с поля к нам на помощь, и командует:

— По врагам революции — огонь!

Бандиты отступили. Петя Порывай спас знамя Коммунистического отряда.

То мы атакуем, то бандиты бросаются на нас, то снова мы переходим в наступление.

Так продолжалось несколько часов.

Второй и частично третий взводы под командованием А. Свичкаренко во взаимодействии с бойцами 3-го истребительного отряда в районе хутора Скотоватого окружили северную группу Зайцева и разбили ее.

Южную группу Матвиенко рассеяли мы около Новостепановки.

Бесстрашными воинами проявили себя бойцы нашего отряда в бою у Широкой Балки. Особенно отличились и были отмечены командованием отряда Ф. Кравец, Ф. Титаренко, Н. Зайченко, О. Скакун, Б. Набелохов, К. Хоришко, М. Бродянко, П. Порывай, Г. Пидпалый, П. Явор и Н. Карноза.

Пройдут годы, но вовек не забудем мы тех дней, когда хоронили в родной Николаевке Игната Лебеденко, когда Голубовка оплакивала Александра Борулько, Алексея Степанюка, Николая Черногора, Ивана Прудченко, Федора Пеку, когда мы опускали в братскую могилу у волисполкома в Губинихе Ивана Жумаря, Никифора Шевченко, Ивана Черновола, Бориса Хейфеца...

На траурный митинг собралось все население Губинихи. Над свежей могилой выступил председатель Губинихского райкома КП(б)У тов. Бутенко. Он говорил тихо и заметно волнуясь, — ведь он прощался со своими воспитанниками, отдавшими жизнь за великое дело революции.

И речь Дорофея Бутенко, и надгробное слово бойца Коммунистического отряда Василя Журавля, и слезы сотен людей вылились в прощальную песню, которую пел клубный хор:

Вы жертвою пали в борьбе роковой...

Высокую могилу усыпали полевыми цветами и уложили венками, которые сплели наши девушки.

Раздался троекратный залп — последний салют боевым друзьям...

В дни революционных праздников на могилы воинов Коммунистического отряда в Губинихе, Николаевке и Голубовке приходят колхозники, комсомольцы, пионеры с букетами живых цветов. Это ведь за их сегодняшнее счастье, не щадя жизни, боролись наши коммунисты и комсомольцы.

Пусть же светлою будет память о них!

ОРДЕН КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Летом 1921 года Коммунистический отряд имел уже на своем боевом счету немало ликвидированных банд. Наши разведчики эффективно помогали органам власти в раскрытии вражеских организаций на территории Новомосковского уезда.

О боевых делах отряда стало известно не только в нашем уезде, но и по всей Екатеринославщине.

Общественность губернии высоко оценивала подвиги бойцов Коммунистического отряда. Все чаще и чаще появлялись в уездных и губернских газетах сообщения об успешных операциях наших взводов и всего отряда.

Газета Екатеринославского губкома КП(б)У и губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов «К труду» писала в те дни, что молодежь становится оплотом борьбы с бандитизмом. Коммунистические союзы молодежи, организуемые на селе, ведут самую ожесточенную борьбу с бандитами и словом и делом. В статье рассказывалось о том, что бандит Петраш грозился зарезать Федора Кравца и перебить всех комсомольцев Голубовки, если не будет распущена сельская ячейка КСМУ.

Писала газета и о бое на Кильченском мосту, и о гибели Арсения Кравца и Семена Шкребца.

«Все это, конечно, не заставило наших юных героев оставить свое опасное, но честное дело борьбы,—

говорилось в статье, — наоборот, еще сильнее вселило в них дух ненависти к бандитам, этим врагам трудящихся, еще больше укрепило их революционную боевую волю, стойкость и мужество...»

В те же дни в Екатеринославе, в клубе имени В. И. Ленина, состоялся многолюдный митинг в честь II конгресса Коммунистического Интернационала молодежи. В резолюции этого митинга молодежь Екатеринослава сказала свое сердечное слово и о бойцах Коммунистического отряда.

«Мы, члены городской беспартийной конференции рабочей молодежи, красноармейцы и все собравшиеся на митинг в честь открытия II конгресса Интернационала молодежи, постановили... обратиться к командующему Харьковским военным округом с просьбой представить чествуемых юных героев тт. Хижняка, Деркача, Хоришко и Кравца к ордену Красного Знамени и выдаче почетного оружия».

Все это было большой моральной поддержкой в нашей борьбе, помогало нам стойко переносить и раны, и голод, и зной, и все другие лишения гражданской войны. Мы были счастливы тем, что о нас заботятся наши многочисленные друзья.

А через несколько дней был издан этот приказ:

ПРИКАЗ № 750

по войскам Харьковского военного округа, г. Екатеринослав.
1 июля 1921 г.

Революционный Военный Совет Х. В. О. на основании приказа Революционного Военного Совета Республики 1919 года № 511, за энергичную и плодотворную активную деятельность по борьбе с бандитизмом, присуждает орден Красного Знамени членам районных организаций КСМУ товарищам Хижняку Петру, Кравцу Федору, Хоришко Климу и Деркачу Прохору.

Командующий войсками Харьковского
военного округа *А. Корк*
Член РВС *Козловский*
Нач. штаба *Стойкин*

Орден Красного Знамени! Это первая революционная боевая награда, которой отмечали тогда заслуги прославленных начдивов и комбригов, комиссаров и бойцов, отличившихся выдающимися воинскими подвигами на фронтах гражданской войны.

Сегодня этим орденом наградили нас, сельских хлопцев, бойцов Коммунистического отряда, комиссару которого совсем недавно исполнилось девятнадцать лет...

Достойны ли мы этой высокой чести? Заслужили ли мы такую награду? Ведь в степях Украины сейчас воюют, и не хуже нас, тысячи наших ровесников, которых партия и комсомол призвали защищать завоевания Великого Октября.

Окрыленные высокой наградой, мы поклялись не выпускать оружия из рук до тех пор, пока вся советская земля не будет очищена от бандитских шаек.

К этому обязывала нас совесть коммунистов-бойцов, к этому призывало Красное знамя революции, изображенное на наших орденах.

«ЯЗЫКИ»

Разведку обычно называют глазами и ушами армии. Зоркий глаз и чуткое ухо, конечно, много значат в разведке. Но разведчик должен быть еще и смелым и сильным, наблюдательным и находчивым, метким стрелком и тонким психологом.

И в нашем отряде мы знали бойцов, которым в той или иной мере были присущи отдельные из этих качеств. А вот помощник командира кавалерийского взвода Олекса Скакун обладал всеми качествами разведчика.

Когда в Губинихе бандиты убили первого председателя комнезама С. Приходько и террористы совсем парализовали деятельность советских органов в селе, перед нами встала неотложная задача — найти преступников и положить конец террору.

На экстренном собрании крестьян Губинихи член волисполкома Архип Свичкаренко сказал:

— Еще не высохли слезы у жены и дочки Семена Приходько, а звери убивают нового председателя — товарища Журавля и его жену, работавших на своем

поле... До каких же пор эти черные вороны будут налетать на мирных крестьян?!

Люди зашумели. Послышались возгласы:

— Разве же мы знаем, кто убил?

— А может, убийца не из Губинихи?

— Это работа Петраша!..

Больше всех шумел Ефим Павленко.

— Лучше ищите Петраша, а громаду не трогайте! — крикнул он и одним из первых ушел с собрания.

Уже на ходу, но довольно громко, чтобы слышали все, он сказал:

— Если б увидел того ирода, убил бы на месте...

Олекса Скакун стоял в сторонке и молча смотрел, казалось, в одну точку. Потом подошел ко мне и шепнул:

— Что-то мне не нравится этот разговорчивый «мститель»... Сердцем чую, что Павленко причастен к убийству.

— А доказательства? — спросил я.

— В том-то и дело, что ни единого доказательства, — ответил Скакун, и мы прекратили разговор о Павленко.

На следующую ночь Олекса шел по делам на станцию. У самого вокзала заметил фигуру прячущегося человека. Подойдя поближе, узнал Ефима Павленко. Показал самокрутку:

— Огонька, случайно, нет?

— А, что? Огня?.. Е-есть... Будь ласка, — и Павленко полез в карман за зажигалкой.

В кармане что-то звякнуло... «Оружие!» — мелькнула мысль у разведчика. Скакун моментально схватил Павленко за правую руку и извлек из его кармана револьвер.

— Руки вверх! — приказал Олекса.

Павленко умоляюще забормотал:

— Знаете, ночь, а тут кругом бандиты... Это ж я для безопасности.

Скакун улыбнулся.

— Какое неожиданное совпадение обстоятельств: представьте себе, что я тоже для безопасности!..

Дорогой Павленко предлагал Скакуну золото, чтобы тот только отпустил его.

— Вот я тебе сейчас такого золота дам, что забудешь, как звали...

На допросе этого «языка» мы установили, что он является членом подпольной контрреволюционной организации, бандиты из которой убили Семена Приходько и Самсона Журавля с женой.

Во время обыска в сарае у Павленко нашли зарытый большой гроб, в котором были спрятаны винтовки, гранаты, револьверы, патроны и награбленное золото.

Бдительность комсомольца Олексы Скакуна помогла обезвредить матерого террориста.

Как я уже говорил, бандитские недобитки бежали из наших мест и на Полтавщину. Штаб Коммунистического отряда решил выяснить, где и сколько скрывается бандитов. Для этого надо было прежде всего добыть «языка».

Пойти за «языком» изъявили желание Олекса Скакун и Никита Бродянко.

Вскоре они добрались до села Бердянки Полтавской губернии и там обнаружили шесть конных бандитов. Силы неравные, но разведчики завязали бой, и бандиты, ошеломленные внезапным нападением, бросились врассыпную.

Бродянко ранил коня под одним из бандитов. Тот оставил коня и бросился бежать. Но Скакун быстро догнал бандита, обезоружил, связал, положил впереди себя на коня и помчался в Перещепино — в штаб отряда. А Бродянко тем временем обстреливал остальных бандитов, не давая им объединиться для освобождения захваченного «языка».

В штабе допросили пленного. Это был заместитель командира бандитского эскадрона. Он сообщил ряд очень важных данных о бандах Левченко и Мусиенко.

Имея данные о расположении последних бандитских групп в лесах Полтавщины и в Екатеринославской губернии, штаб отряда мог готовить новые операции. И неважно, что «язык» не смог назвать точно-

го количества бандитов в группах. Наши штабисты руководствовались девизом: «Не спрашивай, сколько врагов, а узнай, где они». А это мы уже знали благодаря нашим славным разведчикам.

ПОСЛЕДНЕЕ БАНДИТСКОЕ ЛОГОВО

Дольше всех бандитских атаманов держался в Новомосковском уезде Алексей Петраш. Его банда убивала товарищей из продовольственных отрядов, работников советских учреждений, коммунистов и комсомольцев.

Петраш настолько обнаглел, что нападал даже на отдельные подразделения Красной Армии. В Васильевке эта банда вела двухчасовой бой с эскадроном буденновцев, а в селе Попасном — с целым батальоном пехоты 264-го стрелкового полка.

Третий взвод нашего отряда находился тогда в Голубовке, вблизи которой и действовала банда Петраша.

Бойцы расположились в центре села, в помещении бывшего склада сельскохозяйственных машин. Здание каменное, под железной крышей. В стенах пробиты бойницы. Кроме того, склад был обнесен крепким деревянным забором. Полевой телефон связывал взвод со штабом нашего отряда и воинской частью, расположенной в Новомосковске.

Днем выставляли наблюдателей на колокольне, а ночью было организовано патрулирование по селу.

Бандитам Петраша наш взвод как кость в горле: куда ни ткнутся, везде патрули. И Петраш решил уничтожить третий взвод.

Июльской ночью бандитам удалось ворваться в Голубовку. Они сняли наши патрули и начали обстреливать склад, где отдыхали бойцы. Во время обстрела был разбит телефонный аппарат и повреждена линия. Связь прервалась.

Наши хлопцы вели меткий огонь из бойниц, враг начал нести серьезные потери. Тогда бандиты облили

склад керосином и подожгли его. Но бойцы продолжали вести огонь.

Когда же пламя охватило весь склад и стало нечем дышать, бойцы выбежали во двор и с криком «ура!» ринулись в атаку.

— Бей их, гадов! — яростно закричал Федор Кравец и тут же уложил двух бандитов.

А вот Борис Набелохов, с полуобгоревшим чубом, бежит с винтовкой наперевес и то штыком, то пулей настигает разбойников.

Во время боя один из комсомольцев пробрался с запасным телефонным аппаратом в степь, нашел неповрежденный провод и, подключившись к линии, доложил в штаб отряда о нападении банды.

В Губинихе были подняты по боевой тревоге два взвода Коммунистического отряда, которые сразу же отправились в Голубовку.

Кавалерийский взвод отрезал бандитам дорогу на Перещепино, а стрелки громили их в селе.

Бросая оружие, бандиты в панике бросились бежать в сторону Самарского леса.

В этом бою смертью героев пали Григорий Деберина и Герасим Притема...

...Нельзя было больше терпеть бесчинства головорезов. Новомосковский уездный комитет партии принял специальное постановление о ликвидации остатков банды Петраша.

Усиленно готовились мы к этой решительной операции, чтобы не только разгромить, но и полностью уничтожить последнее вражеское логово в Новомосковском уезде.

Кавалерийский взвод прибыл в Васильевку. Здесь мы соединились с частью маневрового отряда и батальоном 264-го стрелкового полка под командованием Трибуха. Общими силами мы дали бой банде Петраша в этом селе.

Бандиты оказывали отчаянное сопротивление, но не смогли выдержать натиска наших войск. Банда Петраша была рассеяна.

...Мы установили, что Алексей Петраш с двумя

своими помощниками скрывается где-то в Перещепине. Но это большое село, и найти их там нелегко.

Умелой разведчицей проявила себя молодая перещепинская крестьянка Варвара Жуковец. Не вызывая ни у кого никаких подозрений, она внимательно следила за поведением Петраша и его подручных.

Однажды рано утром мы получили от Варвары точные данные: бандиты целую ночь пьянствовали в хате у Архипа Придатко и только на рассвете улеглись спать. Алексей Петраш, Василь Придатко и Тимофей Шаповал спали в амбаре.

Бойцы тихо окружили двор. Затем мы обстреляли из ручного пулемета амбар. Первым выскочил Василь Придатко и тут же, у самого порога, был убит. Шаповал был ранен, но сумел перебежать в соседнюю хату. А Петраш спрятался в сарае.

— Поджигай! — раздалась команда, и огонь вмиг охватил хату, где был Шаповал.

Атаман банды Петраш бросился огородами в степь.

— Дудки! Не убежишь!

Петраш петляет по огородам, а за ним мчимся мы — группа бойцов из маневрового отряда и нашего взвода.

— Стой! Стрелять буду!..

Но, охваченный предсмертным страхом, бандит, не слушая предостережений, то падая, то поднимаясь, улепетывает со всех ног. Он пробовал отстреливаться на ходу, но затем — то ли потому, что у него кончились патроны, то ли чтобы легче было бежать — выбросил один за другим несколько своих револьверов...

Как затравленный хищник, он оглядывался по сторонам и все бежал и бежал. Но силы явно оставляют его, и расстояние между нами с каждой минутой заметно сокращается.

Вот уже несколько шагов отделяют нас от Петраша. Раздалось несколько выстрелов. Бандит был тяжело ранен, а подоспевший И. Л. Турченко ударом сабли добил его.

Вскоре в одном из сараев бойцы стрелкового взвода нашего отряда под командованием Щербины нашли список банды, карту Новомосковского уезда, пе-

чати Ивано-Михайловского и Васильевского волисполкомов и четыре партбилета замученных бандитами коммунистов. Кроме этого, было найдено около ста тысяч рублей, много разного оружия и три ящика патронов.

Банда презренного убийцы и разбойника Алексея Петраша перестала существовать: мы уничтожили последнее вражеское логово.

* * *

Екатеринославский губком КСМУ, отмечая заслуги губинихских комсомольцев в борьбе с бандитизмом, наградил нашу районную организацию Красным знаменем.

Революционный военный совет Харьковского военного округа объявил благодарность всем бойцам Коммунистического отряда.

...Закончилась гражданская война.

Перед нами открывался широкий путь мирного социалистического строительства.

В ШИРОКИЙ МИР

НА НОВЫХ ФРОНТАХ

В свое время я с большим интересом прочел роман Д. Гранина «После свадьбы». И хотя произведение посвящено проблемам современности, автор снова и снова обращается к славному прошлому нашей страны.

«Молодость каждого поколения знала свои призывы. Сколько их насчитывает история комсомола! На борьбу с бандитизмом, в Чека, в торговлю, в авиа-

цию, на Дальний Восток, во льды, туда, где ждало больше невзгод, туда, где было труднее, где обещали тяжкую работу, туда комсомол посылал своих лучших. Это стало его привилегией».

Да, это стало нашей привилегией — правом, преимуществом, а одновременно и священным долгом — и впредь быть солдатами великой ленинской армии, теперь уже на новых фронтах.

Нужно было создавать социалистическое сельское хозяйство, и бывший командир Коммунистического отряда Архип Андреевич Свичкаренко возглавляет этот участок в нашем районе. За большевиком Свичкаренко крестьяне пошли так же, как и тогда, когда он вел их на разгром бандитских гнезд.

Федор Кравец, Епифан Хижняк, Алексей Щербина, Никита Бродянко, Федор Носенко, Сергей Диченко, Конон Брижан с присущим им боевым задором объединяют хлеборобов в артели и коммуны, становятся председателями комнезамов, первых колхозов, сельских Советов.

Очистив землю от бандитской погани, они взялись распахивать извечные межи и засевать общественные поля.

В те годы трагически погибли руководитель коммунистов и комсомольцев Перещепина Николай Дитяшев, герой нашего Коммунистического отряда, краснознаменец Клим Хоришко и юный наш знаменосец Петя Порывай. Кулак убил Дашу Скороход — первую комсомолку Голубовки, пламенного борца за новую жизнь в деревне.

Но ни террор, ни запугивание не остановили наших товарищей на нелегком пути коллективизации советского села.

В цехах только что восстановленных заводов нашли свое рабочее место Марк Недужко, Панас Билык, Иван Нудьга, на транспорт пошел бывший адъютант штаба нашего отряда Александр Лагутин.

На ленинский призыв «учиться» одним из первых среди нас откликнулся Дорофей Бутенко. Успешно окончив рабфак, он поступил затем в Киевский институт народного хозяйства. Его примеру последовали

Алексей Скакун, Прохор Деркач и Михаил Шавкун, также ставшие студентами высших учебных заведений Украины.

Мой товарищ по Павлоградской ячейке ССМ Савва Божко поступил в Коммунистический университет и по окончании его работал в редакциях харьковских газет, преподавал историю партии и политэкономию в вузах Херсона. В 1922 году мы уже читали его первые книги «Козаччина», «Хмельниччина», изданные ЦК комсомола Украины.

Бывшие бойцы Коммунистического отряда завоевывают большой авторитет своей добросовестной работой. Их избирают секретарями партийных и комсомольских ячеек цехов и факультетов, членами райкомов, делегатами съездов партии и комсомола.

Проходили годы, росла, набиралась сил наша страна, а вместе с ней росли наши товарищи. На руководящей комсомольской и партийной работе длительное время находились Никита Бродянко, Панас Билык, Ганна Можаровская, Пантелеймон Онищенко, Конон Брижан. Д. Бутенко после института народного хозяйства заканчивает институт марксизма-ленинизма и становится преподавателем в Промышленной академии. Прохор Деркач и Михаил Шавкун получают дипломы инженеров и пополняют ряды специалистов тяжелой промышленности. Учителями вернулись в свои села Олекса Скакун, Андрей Щербина, Иван Хорунжий, Татьяна Мартыненко, Емельян Саенко.

Широкую популярность завоевали у украинских читателей новые книги Саввы Божко «В стэпах», «Украинськая Шампань» и другие.

Марко Недужко не стал артистом, как предсказывали ему крестьяне Николаевки в 1921 году. Он поступил чернорабочим на завод в Екатеринославе. Внимательно присматривался крестьянский паренек, как уверенно управляют люди большими и умными машинами, какие чудеса творят рабочие руки. Любознательный, трудолюбивый, Марко вскоре становится прокатчиком, затем подручным сталевара, электросварщиком.

В отличие от других своих земляков Марко не

поступал ни в техникум, ни в вуз. Природный ум и рабочая смекалка, неутомимые поиски лучших способов электросварки сделали из Марка прекрасного новатора, ставшего затем инженером-практиком. Его смело назначают начальником важнейших участков, отделов и управлений на больших стройках в Новокузнецке, Мариуполе, Люберцах...

Закаленные в Коммунистическом отряде, воспитанные ленинским комсомолом и большевистской партией, мои земляки-однополчане были в первых рядах бойцов за освобождение нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков.

Во главе дивизий и полков, эскадронов и батарей, рот и взводов сражались с врагом полковник Д. Бутенко, капитан А. Скакун, старшие лейтенанты Ф. Носенко и К. Брижан. Вспомнились, наверное, танкисту Никите Бродянко его стремительные налеты на кулацких головорезов в 1921 году, когда на Курской дуге уничтожал он бронированные «тигры». Майор П. Билык, инженер-капитан П. Деркач, старший лейтенант П. Онищенко, старший сержант С. Диченко — каждый на своем боевом посту помогал ковать победу над фашистскими захватчиками.

В тяжелую годину Великой Отечественной войны на передовой линии фронта погибли бывшие красные партизаны — герои Казачьего Гая и Особого коммунистического — Денис Турченко, Ермолай Яланский, Федор Стоян, Григорий Руденко, Порфирий Ровный, сирота-кавалерист из Голубовки Иван Северин, первый поэт Николаевки учитель Емельян Саенко и друг моего детства Роман Недвига.

...Ленинград в блокаде... Кончались запасы горючего на фронте. Государственный Комитет Обороны направляет инженера Недужко в Ленинград. Под беспрерывным обстрелом гитлеровских орудий, без сна и отдыха, в обледенелом бушлате прокладывает Марк Недужко зимой 1942 года бензопровод по дну Ладожского озера, чтобы дать горючее танкистам, летчикам, водителям автомашин.

За этот подвиг «гражданский» инженер М. И. Недужко получил боевой орден Красного Знамени.

А в это время, в январе 1942 года, в заснеженном Казачьем Гаю в Самарском лесу собирались партизаны Архипа Свичкаренко. Как и в незабываемом девятьсот восемнадцатом, он и теперь был неуловим. Гестапо назначило большую награду за его голову.

После ряда успешных операций против фашистских оккупантов Архип Андреевич пришел в Губиниху разведать обстановку. Его выследили, и с полсотни гитлеровцев окружили хату. Но бесстрашный ветеран партизанского движения вступил с ними в бой.

Однако на этот раз ему не удалось уйти от врагов — его скосила пулеметная очередь.

Не дожил наш боевой руководитель и наставник, командир Коммунистического отряда Архип Андреевич Свичкаренко до желанного Дня Победы.

После освобождения Губинихи от гитлеровских оккупантов Архипа Свичкаренко хоронили с воинскими почестями.

Вместе с нами пришел поклониться праху Архипа Андреевича и Марк Недужко. Всего несколько дней пробыл он в родных местах и уехал в Донбасс — восстанавливать заводы. Затем он был начальником управления треста «Стальмонтаж», спешил в Запорожье поднимать из руин разрушенные сооружения. Да, да, поднимать из руин — не в переносном, а в буквальном смысле этих слов. Инженер Недужко предложил совершенно новый способ — без демонтажа поднимать каркасы строений, выпрямлять изогнутые металлические конструкции, оживлять мертвые домны и мартены.

26 июня 1946 года Совет Министров Союза ССР присуждает инженеру М. И. Недужко Государственную премию «за коренное усовершенствование методов проведения строительных работ».

До последних дней своей жизни Марк Иванович трудился на высоком посту начальника строительно-монтажного управления «Стальконструкция».

На Южном берегу Крыма, в поселке Кореиз над мраморным постаментом возвышается высокий обелиск. Это могила Марка Недужко. Он умер 6 апреля 1951 года.

«Самоотверженным трудом, преданностью делу социалистического строительства ты заслужил нашу любовь...» — так написали на памятнике его товарищи и коллеги.

ПЛЕНУМЫ БОЕВЫХ ДРУЗЕЙ

Многие герои описанных мною событий теперь живут в своих селах или недалеко от них — в нашей Днепропетровской области.

Федор Илларионович Кравец, персональный пенсионер, поселился в Вороновке вблизи Новомосковска. Накануне 1 Мая и 7 ноября на квартире у почетного пенсионера проходили торжественные сборы пионерской дружины 11-й новомосковской школы. На одном из таких сборов пионеры поклялись «свято беречь завоеванное нашими отцами в грозных боях».

По давнишней традиции мы ежегодно собираемся в наших селах на так называемые «пленумы боевых друзей».

Многим из нас уже за шестьдесят, а некоторые, как говорят, «разменяли» и седьмой десяток. Некогда буйные шевелюры спокойно улеглись на головах седыми прядями. Но не остыла юношеская кровь в жилах, и молодым огнем светятся глаза.

То и дело слышишь молодецкое и чуть грустноватое: «А помнишь?..»

И нам есть что вспомнить.

* * *

Я назвал лишь некоторых моих товарищей из Коммунистического отряда, попытался воссоздать отдельные эпизоды боевой деятельности коммунистов, комсомольцев и молодежи Губинихского района — участников революции и гражданской войны.

Но и из этих записок читатели могут увидеть, какой прекрасной школой коммунистического воспитания и кузницей подготовки кадров для всесторонней государственной деятельности стала наша организация комсомола.

Мои товарищи понесли в широкий мир завоеванное их кровью Красное знамя, которое гордо взвилось над нашими волостями в первый год великой революции.

СНОВА В НИКОЛАЕВКЕ

Сорок лет прошло с тех пор, как прозвучал последний выстрел винтовки, направленной на последнего бандита.

...И вот я снова в родной Николаевке, которую люблю так же, как любил в детстве. Я никогда не забуду, что родился в Николаевке. Здесь я провел первые, безрадостные годы своей жизни. Здесь, за партой в школе я испытал и первые радости. В своем селе я научился стрелять, чтобы помогать старшим защищать завоевания Октября.

Домой, в нашу Николаевку, ежегодно приезжают Д. Бутенко, Н. Бродянко, П. Билык. Радостно встречают нас односельчане, и все мы не торопясь идем осматривать родное село. Облик его меняется день ото дня, и все труднее становится узнавать его. Но у нас хороший «экскурсовод» — бывший помощник командира взвода Коммунистического отряда Алексей Романович Щербина, ставший в колхозе Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной премии...

Колхозной Николаевке есть чем гордиться.

Крестьяне Ставрополья и Чувашии, Свердловской области и Латвии учатся у николаевцев мастерству колхозного труда.

В нашей Николаевке заседает Ученый совет Украинского научно-исследовательского института зернового хозяйства. Седовласые профессора советуются с колхозниками, как лучше выращивать пшеницу и кукурузу.

И Никита Сергеевич Хрущев на Пленуме Центрального Комитета партии в сентябре 1953 года отмечал колхозников Николаевки, которые в течение пяти лет собирали средний урожай кукурузы по 50 центнеров с гектара.

О Николаевке знают хлеборобы Чехословакии, кукурузоводы Болгарии, животноводы Румынии — к ним ездили представители нашего колхоза.

А кому не удается приехать сюда или пригласить к себе гостей из Николаевки, тот может достать одну из семи книг об этом колхозе, выпущенных в Киеве и Москве, и почерпнуть интересный опыт.

...В просторном Дворце культуры Николаевки проводятся традиционные вечера-встречи со знатными земляками. Кажется, нет особой необходимости делать доклад о трудовых заслугах колхозников — об этом убедительно свидетельствуют 23 ордена Ленина и 17 Золотых Звезд Героев Социалистического Труда, 83 ордена Трудового Красного Знамени, 4 ордена «Знак Почета», 168 медалей участников торжественного вечера.

С чувством законной гордости выступают перед гостями-земляками старейший колхозник Иосиф Никитович, отец незабвенного нашего Павлуши Литвиненко — героя боев в Васильевке, Григорий Михеевич Деркач, Петр Приходько и знатная доярка из бригады коммунистического труда Вера Губа.

— Николаевцы дают слово работать и жить по-коммунистически, как учил великий Ленин, как учит партия.

Когда-то давно наш колхоз назывался «Нэзаможнык». Как странно звучит это слово сегодня, когда так зажиточно живут колхозники Николаевки!

В селе есть две начальные школы, три восьмилетки, две средние (одна из них — для взрослых), Дворец культуры на шестьсот мест, клуб, два родильных дома и два детских сада, больница и аптека, столовая и сберкасса, два радиоузла и несколько магазинов.

Наши «нэзаможныки» имеют две тысячи велосипедов, тысячу сто радиоприемников, восемьдесят шесть мотоциклов, много телевизоров.

Вспоминаем старое время: 70 процентов населения дореволюционной Николаевки было неграмотным. А теперь в большую сельскую библиотеку, насчитывающую шесть тысяч книг, приходят сотни чи-

тателей; колхозники выписывают свыше двух тысяч экземпляров газет и журналов.

— Мы из Николаевки! — могут с гордостью сказать 47 учителей, 26 инженеров, 11 агрономов, 6 зоотехников, 6 врачей...

Боевые традиции революционной Николаевки живут во вдохновенном труде колхозников.

И становится ясным глубокий смысл постановления исполкома Николаевского Совета депутатов трудящихся от 2 апреля 1959 года о присвоении центральной улице села имени комсомольца героя гражданской войны Павла Литвиненко.

Так сквозь долгие годы пролегает незримый мост от Коммунистического отряда Архипа Свичкаренко до колхозной бригады коммунистического труда Веры Губы, до звена Марии Карнозы.

...Открывается XVI съезд комсомола Украины. Настала торжественная минута выноса знамени комсомольской организации республики. Лучшим из лучших выпала эта честь: делегатам съезда Герою Советского Союза Л. Хандрикову, знатному шахтеру Донбасса Е. Старобудцеву и Герою Социалистического Труда Марии Карнозе — синеокой звеньевой из Николаевки.

* * *

На XIII съезде ВЛКСМ лучший друг молодежи Никита Сергеевич Хрущев говорил о тяжелых условиях, в которых приходилось работать старшему поколению комсомольцев: одновременно с комсомольским билетом они получали и оружие, чтобы защищать молодую Республику Советов.

«Сегодняшнее поколение комсомольцев, — говорил товарищ Хрущев, — является наследником революционных традиций, которые накопили наша партия и комсомол. Надо бережно хранить и умножать славные традиции комсомола, который всегда был и остается верным помощником нашей партии».

Пусть и мои записки хоть в какой-то мере послужат этому благородному делу.

ОБ АВТОРЕ

Автор книги «Особый коммунистический» Петр Кириллович Хижняк — старый коммунист, комсомолец первого поколения, активный участник гражданской войны на Украине — был комиссаром Коммунистического отряда особого назначения по борьбе с бандитизмом. Советское правительство наградило П. К. Хижняка вместе с несколькими другими бойцами Коммунистического отряда орденом Красного Знамени.

После окончания гражданской войны П. Хижняк был на руководящей комсомольской работе. В 1928 году на VII съезде комсомола Украины его избирают кандидатом в члены ЦК ЛКСМУ.

П. К. Хижняк — участник Великой Отечественной войны. За боевые заслуги он награжден вторым орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени и несколькими медалями.

В своих воспоминаниях автор рассказывает о возникновении первых комсомольских организаций в селах Украины, об их боевой деятельности в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, о героизме и самоотверженности молодых бойцов в борьбе за власть Советов.

СОДЕРЖАНИЕ

Хижняк Петр Кириллович

ОСОБЫЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ. М., «Молодая гвардия», 1963.

176 с., с илл.

3КСМ1
Х43

Редактор *Е. Мариинский*

Художник *А. Ливанов*

Художественный редактор *Ю. Хамов*

Технический редактор *Г. Лещинская*

А03279. Подп. к печ. 12/III 1963 г. Бум. $84 \times 108^1/_{32}$. Печ. л. 5,5(9,02). Уч.-изд. л. 8,3. Тираж 115 000 экз. Заказ 82. Цена 40 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

40 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Г. ХИЖНЯК

ОСОБЫЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ